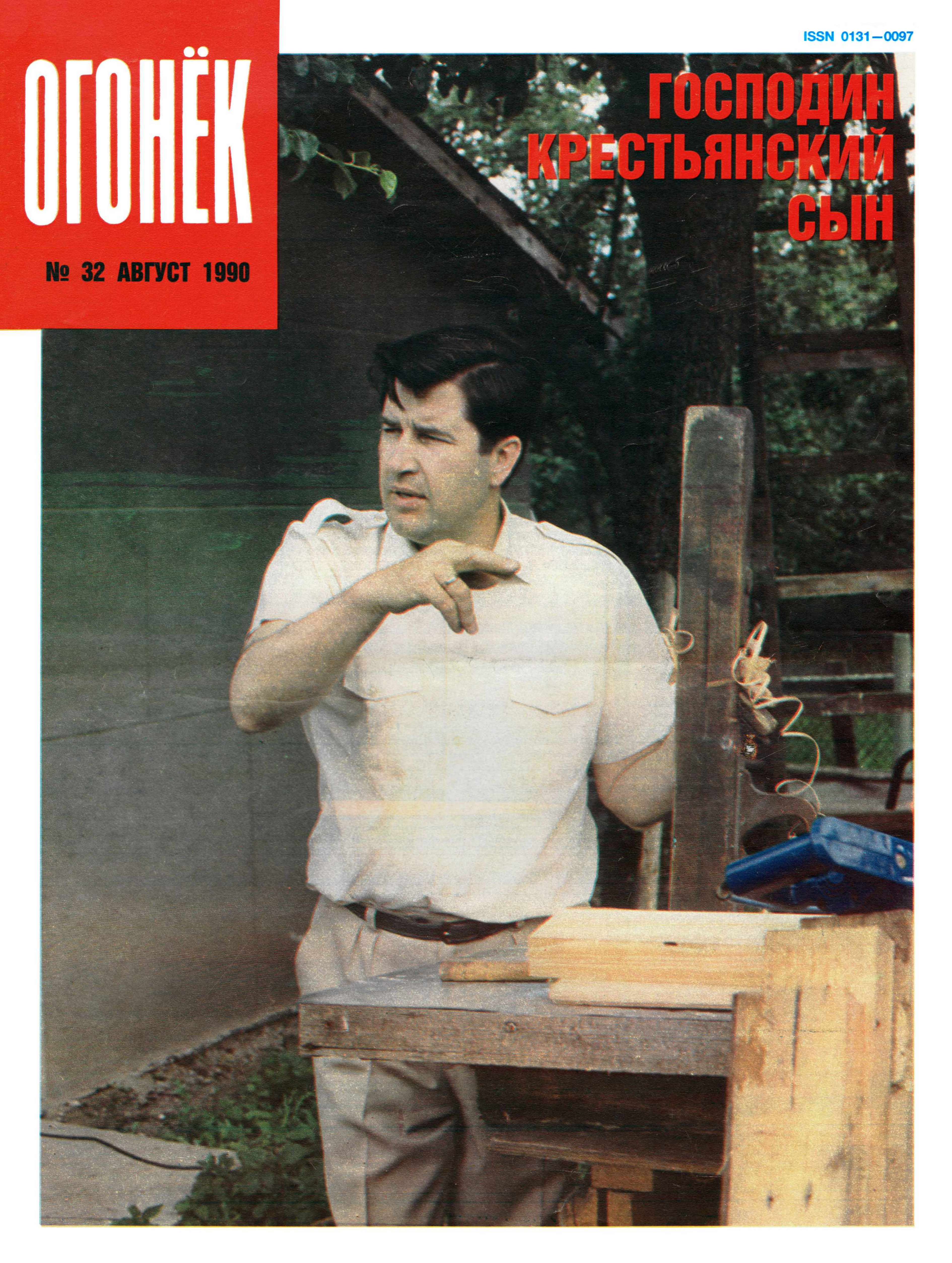
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 32 АВГУСТ 1990

ГОСПОДИН КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 32 (3290)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

4 — 11 августа

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Анатолий Горбунов — Председатель Верховного Совета Латвии (см. в номере материал «Председатель»).
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 16.07.90. Подписано к печати 31.07.90. А 00356. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2572. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЧЕМ ВЫШЕ УРОЖАЙ, ТЕМ ГОРШЕ КРЕСТЬЯНИНУ

ЖАТВА ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРИХОДИТ К НАМ ПОЧТИ КАК СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ. НА УКРАИНЕ ПРИГОРОДНЫЕ ХОЗЯЙСТВА ТЕРПЯТ БОЛЬШИЕ УБЫТКИ: НЕКОМУ УБИРАТЬ ОВОЩИ, НЕЧЕМ ВЫВОЗИТЬ, ОСТРО НЕ ХВАТАЕТ ЗАПЧАСТЕЙ ДЛЯ УБОРОЧНОЙ ТЕХНИКИ. ОСОБО НАПРЯЖЕННО С ПОСТАВКАМИ ГОРЮЧЕГО.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

На полях республики выращен хороший урожай. В южных областях собирали в среднем по 36 центнеров зерна с гектара. Сколько было потеряно, никто не посчитал. В Крыму, в Днепропетровской, Херсонской областях заправка комбайнов и автомашин часто велась «с колес». Не обошлось и без простоев.

Конечно, правительство республики, местные органы власти делают все возможное, чтобы не замер уборочный конвейер. В обмен на мазут дополнительно получено из Румынии 260 тысяч тонн бензина. Но возможность маневра довольно ограничена. Потребители республики ежегодно получают из Москвы, союзных ведомств 250 тысяч(!) фондовых извещений: кому, где и сколько получать горючее. Несмотря на дополнительное горючее, в первом полугодии потребители недополучили 30 тысяч тонн бензина. Это — к плану, который и без того не покрывал потребностей.

Еще в начале июля на основных трассах республики у бензоколонок собирались длиннющие очереди автомашин. А в один из последних дней

месяца мы с фотокорреспондентом проехали несколько сотен километров, но так и не смогли эту очередь увидеть. На АЗС тишина и простор — бензина нет...

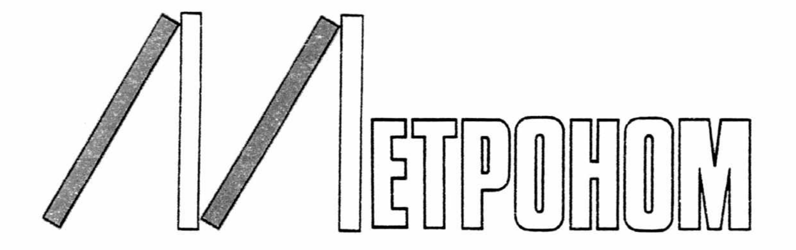
Ценой потерь южные области практически закончили уборку ранних зерновых. В Днепропетровской, Донецкой, Кировоградской, Харьковской областях намолоты составляли до сорока и больше центнеров с гектара — такого урожая тут еще не собирали. Есть целые районы, где средний урожай составил 50—55 центнеров. В Васильковском районе под Киевом в колхозе «40 лет Октября» ячмень дал в среднем 71 центнер зерна с гектара, а в соседнем, имени Щорса,— 75!

Радоваться бы такому урожаю. Но многолетняя порочная практика обирания села, которая существует и поныне, приводит к тому, что, чем выше урожай, тем горше крестьянину. Обеспечение уборки планируется по минимуму, который... тоже не выполняется. Не хватает транспорта, а транспорту — шин и аккумуляторов. Железная дорога недодает вагоны. В южных областях намолоченное зерно ссыпали прямо на краю поля. А вот на севере, в Полесье, зерно под открытым небом не подержишь — дожди его сгноят.

Несколько медленнее, чем в прошлом году, идет сдача хлеба государству. Многие настоящие хозяева не спешат вывезти влажное или сорное зерно, лишь бы отрапортовать о получении «квитанции № 1». Стараются просушить, очистить. Новые закупочные цены, особенно на зерно высокого качества, позволяют с того же веса получить и денег больше, и столь нужные для кормежки скота отходы оставить у себя в хозяйстве.

По предварительным оценкам специалистов, Украина может получить 45—46 миллионов тонн зерна. Есть неплохая перспектива значительных сверхплановых закупок. И крестьянам надо предложить ту цену, которую мы выплачиваем американским фермерам. Ну... хотя бы близкую к ней. Этим не только сэкономим на трансокеанских (тоже валютных) перевозках, но и в какой-то степени материализуем высокие лозунги о развитии материальной базы нашей деревни.

Б. ПОЛИЩУК, С. КАЛИНИЧЕВ

Это наша новая рубрика. Десятилетиями советский читатель был практически лишен права на свободу информации. Собственно, «выбор» заключался вот в чем: слушать ночные радиоголоса или читать однопартийную прессу.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ

По предсказаниям зарубежных радиоголосов, в ближайшее время из КПСС выйдет более 5 миллионов человек — от рядовых членов до руководящих деятелей. «Главное,— заявил корреспонденту «Огонька» народный депутат СССР Алексей Емельянов,— судьба демократизации и становление подлинного народовластия. Прошедший съезд КПСС не заложил основы радикального преобразования партии. Продемонстрировал консерватизм партийного аппарата, руководителей других звеньев, генералитета. Это означает, что партийные структуры и их аппарат, как и раньше, будут тормозом перестройки. Стоящие у власти не желают замечать неизбежной политизации народа, пытаясь всячески дискриминировать демократические процессы. Широкая политизация народа несет неотвратимую гибель нынешней партократии».

ТОЛЬКО ЦИФРЫ

По сведениям, полученным из неофициальных источников, в мае с. г. в войсках Противовоздушной обороны СССР (ПВО) погиб 31 военнослужащий, в том числе:

— 4 офицера,
— 4 прапорщика,
— 3 сержанта,
— 19 солдат,
— 1 служащая Советской Армии.

Большинство случаев гибели военнослужащих пришлось на выходные дни и праздники.

В 20 процентах случаев погибшие покончили жизнь самоубийством, причем в этом году число самоубийств в войсках ПВО возросло в два раза по сравнению с 1989 годом. Основные причины самоубийств — казарменное хулиганство и плохие известия из дома. 10 человек погибли в результате нарушения техники безопасности, 4 стали жертвами аварии или наездов, совершенных гражданскими водителями, 2 погибли в авиакатастрофе.

С января по июль в войсках ПВО в автомобильных катастрофах получили телесные повреждения 34 человека, среди них 27 офицеров и прапорщиков. Для предупреждения дорожно-транспортных происшествий командование войск ПВО СССР намерено организовать ежедневные массовые проверки использования военного автотранспорта. Эти акции будут осуществляться совместно с государственной автоинспекцией.

«Постфактум»

* * *

По данным МВД СССР, в первом полугодии текущего года органами внутренних дел и прокуратуры зарегистрировано более 1 263 000 преступлений. Это на 160,8 тысячи больше, чем за аналогичный период прошлого года. Тяжкие преступления составили 16,3 процента от всех зарегистрированных. По сравнению с прошлым годом умышленные убийства с покушениями возросли на 21,3 процента, тяжкие телесные повреждения — на 15,9 процента. Более всего возросло количество преступлений против личности в Азербайджане — плюс 51, в Грузии — плюс 41, в Киргизии — плюс 36 и в Литве — плюс 34 процента. Из общего числа тяжких преступлений почти десятая часть совершена в сфере экономики.

«Интерфакс»

ХРОНИКА

Горьковский городской Совет принял решение о недопустимости использования слушателей горьковской Высшей школы милиции для охраны общественного порядка за пределами России. Постановление городского Совета направлено для дальнейшего рассмотрения в Верховный Совет СССР и Министерство внутренних дел СССР.

Депутаты мотивировали принятие такого решения тем, что в последние два года слушатели Высшей школы милиции неоднократно принимали участие в подавлении массовых общественных беспорядков на территории Армении, Азербайджана, Узбекистана и поэтому не могли продолжать обучение. Депутаты отмечают, что слушатели Высшей школы милиции не имеют специального снаряжения для участия в боевых операциях, а также не защищены законом. Присутствие слушателей школы на территории республик усиливает межнациональную вражду, считают депутаты Горьковского городского Совета.

«Постфактум»

Фото Ефрема ЛУКАЦКОГО.

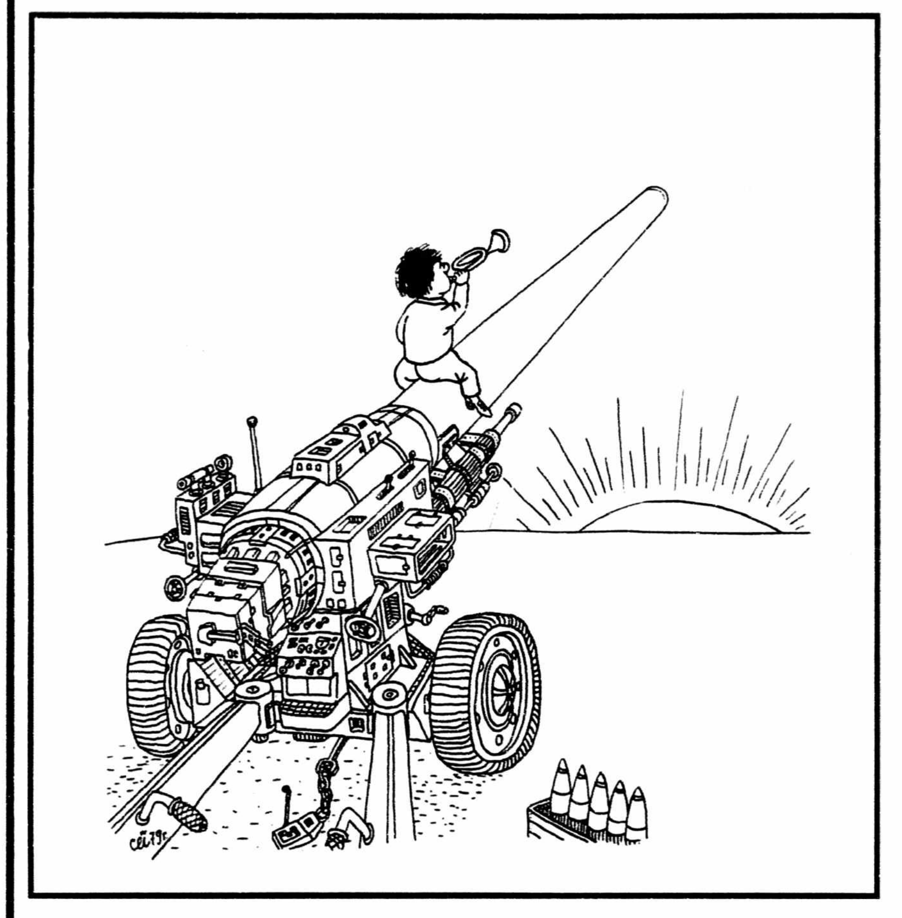

Рисунок Вячеслава СЫСОЕВА

* * *

Всегрузинское общество «Руставели» поддержало предложение депутата Верховного Совета Грузии А. Бурджинадзе о создании Национальной гвардии. Принятие этого решения, по мнению лидеров общества, позволит не входить в конфликт с нынешним союзным законодательством при бойкоте службы в Вооруженных Силах страны. В заявлении общества «Руставели» говорится, что Устав Национальной гвардии Грузии, ее структура и система управления должны полностью отличаться от принятых в Советской Армии.

«Интерфакс»

* * *

Представители 16 армянских формирований неформальных организаций, действующих на территории Армении и Нагорного Карабаха, обратились в Президиум Верховного Совета Армянской ССР с предложением утвердить выдвигаемый ими состав будущего Совета обороны республики. «Мы пришли к заключению,— говорится в их совместном заявлении,— что гармоничное взаимодействие парламента и Совета обороны может стать реальным залогом решимости Верховного Совета в восстановлении армянской государственности».

«Интерфакс»

* * *

Председатель Чернобыльского комитета Эстонии Пеэтер Гримм сообщил, что на сегодня в республике умерли от облучения, связанного с аварией на Чернобыльской АЭС, 20 человек. 14 граждан Эстонии стали инвалидами, более трехсот — на учете по поводу всевозможных заболеваний, вызванных облучением. Он сообщил также о своем участии в первом заседании президиума Всесоюзного чернобыльского союза, созданного в Москве. Члены президиума союза выделили эстонскому Чернобыльскому комитету 201 тысячу рублей для семей пострадавших и погибших.

«Интерфакс»

Как сообщает агентство «Балтия», Верховный Совет Латвийской республики высказал категорический протест по поводу самовольных действий на ее территории работников КГБ СССР, принудивших уехать из Латвии прибывшего сюда по приглашению гражданина США И. Эмбректа. В принятом постановлении парламента говорится, что для выдворения И. Эмбректа из Латвии не было правового основания, поскольку он не нарушил положения о пребывании иностранных граждан в Латвии. Верховный Совет республики поручил Президиуму образовать комиссию для определения статуса КГБ в Латвии. Рассмотрен также депутатский запрос в связи с распространяемой дезинформацией о действиях вооруженных боевиков на территории Латвии. Верховный Совет пришел к выводу, что в Латвийской республике нет формирований вооруженных боевиков, действующих при общественных организациях. Прокуратуре поручено выяснить, какие лица распространяют дезинформацию о создании вооруженных соединений, и решить вопрос о привлечении их к ответственности в законном порядке.

«Интерфакс»

Сегодня мы наконец имеем возможность сравнивать сообщения из различных советских источников. Наш «Метроном» использует информацию, которая принадлежит независимым советским агентствам и корреспондентам «Огонька».

Отдел внутренней политики

ХРОНИКА

Сообщение из Киева: рост религиозных распрей и нетерпимости в республике вызвал обеспокоенность руководителей Руха. Они обнародовали обращение к христианам-украинцам разного вероисповедания с призывом толерантно относиться к любой религии, осуждать попытки разжигать ненависть между католиками и православными. В документе подчеркивается, что хотя в программе Руха высказывается принципиальная поддержка украинским церквам — автокефальной православной и греко-католической, которые поставлены перед необходимостью возвращать себе храмы, находящиеся во владении государства и Русской православной церкви, но демократические силы должны быть мудрее и сделать первый шаг к умиротворению. Поэтому местные организации Руха и новоизбранные Советы народных депутатов, большинство мест в которых принадлежит демократическим силам, должны встать над конфессионными интересами и сделать все, чтобы погасить вспышки экстремизма и вражды.

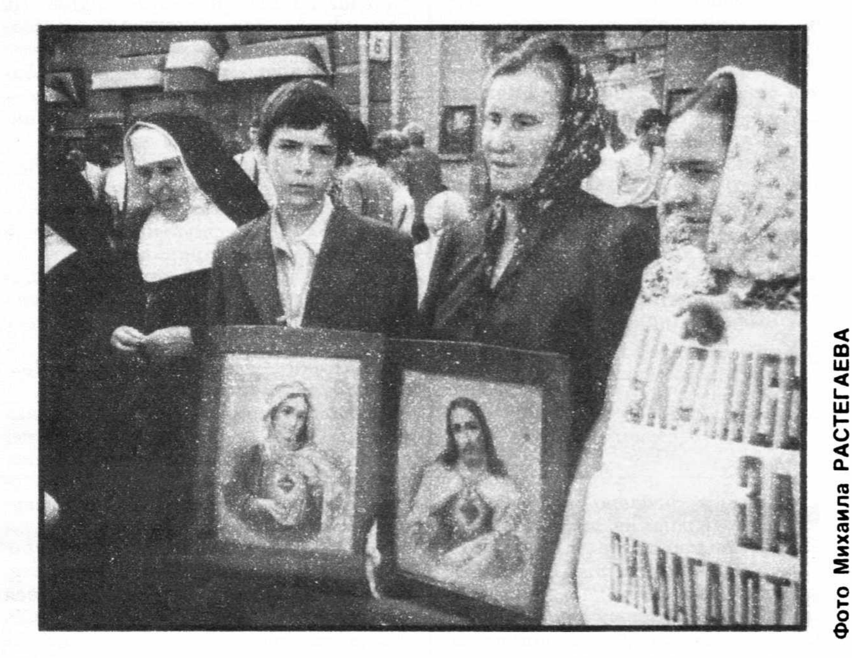

Фото Михаила РАСТЕГАЕВА

* * *

В городе Шарья Костромской области генеральный директор Объединения деревообрабатывающих предприятий Николай Зайцев подписал приказ о выявлении и наказании всех организаторов забастовки, проходившей 11 июля на заводе древесностружечных плит. Зайцев распорядился дело о них передать в областной суд, а директора завода Валерия Шарова и начальника смены Сергея Берегового освободить от занимаемых должностей. Оба увольняемых руководителя являются депутатами городского Совета. В. Шаров избран на свою должность на собрании трудового коллектива сроком на 5 лет. Рабочие предприятия намерены 9 августа провести забастовку протеста и потребовать отмены противозаконного приказа генерального директора объединения.

«Интерфакс»

* * *

С расширением внешнеэкономических связей возросло количество грузов, которые предприимчивые негоцианты, как советские, так и зарубежные, желают вывезти, минуя таможенные ограничения. Количество и размер взяток, которыми искушают таможенников, также увеличиваются. Сегодня предлагают по 100 и 200 тысяч рублей за разрешение пропустить через границу только одну партию грузов. Недавно был уволен руководитель одного пропускного пункта, имя его пока просили не называть. Он получил за «консультацию», которую в течение часа давал одному из кооперативов, 50 тысяч рублей. Таможенники московского аэропорта «Шереметьево-2» иронизируют, что, когда им предлагают «в благодарность» меньше двух тысяч рублей, они воспринимают это как личное оскорбление.

«Интерфакс»

* * *

Во Львове состоялось расширенное заседание правления культурно-просветительного еврейского Общества имени Шолом-Алейхема. В работе заседания приняли участие руководители Общества украинского языка имени Тараса Шевченко, а также граждане Израиля, находящиеся в Украинской ССР в качестве туристов.

На заседании образован инициативный комитет по созданию общества дружбы «Украина — Израиль», в состав которого вошли народный депутат СССР Ростислав Братунь, писатель Александр Ливен, журналист Кость Чавага.

Перед участниками заседания выступил гость из США, заместитель Председателя Народного фронта помощи Украине Роман Воронка. Он призвал к сотрудничеству все национально-культурные общества Украины и к дальнейшему укреплению дружественных связей с Израилем. Р. Воронка передал в дар Обществу имени Шолом-Алейхема компьютерную систему.

«Постфактум»

* * *

Члены партийного бюро первичной организации коммунистов в Союзе писателей Армении на своем недавнем заседании удовлетворили заявления группы писателей этой республики о выходе из КПА. «Вышел из партии по убеждению,— написано в заявлении писателя Ваагана Григоряна.— 10-летний опыт партийца привел меня к этому решению. Идеи коммунизма — для наивных. Для иных же партия — это власть».

«Интерфакс»

* * *

По сообщению Ленинградского телевидения и уточненным данным, 14 июля сгорел экспонат музея В. И. Ленина под Ленинградом — шалаш на озере Разлив.

В 6 часов утра сторож обнаружил огонь, и пожарная команда прибыла немедленно, но от шалаша остался только металлический каркас. Сотрудники музея, работники соседнего лесного хозяйства и воины Советской Армии восстановили экспонат за несколько часов. Сестрорецкое районное управление внутренних дел проводит расследование данного происшествия.

«Постфактум»

* * *

Как сообщило Вильнюсское радио, Борис Ельцин перечислил весь гонорар за издание в республике своей книги «Исповедь на заданную тему» в Фонд развития Литвы. Книга вышла на литовском языке в издательстве «Минтис» тиражом 30 тысяч экземпляров.

«Интерфакс»

Ответ на один вопрос

Социологи Ижорского завода в Ленинграде исследовали отношение работников своего предприятия к перспективам политического развития общества. Лишь 6 процентов опрошенных считают положительным исходом развития политической ситуации в стране реставрацию старой системы, существовавшей до начала перестройки. 46 процентов коммунистов этого предприятия считают себя сторонниками Демократической платформы. На вопрос «Что такое коммунизм?» 37 процентов участников опроса ответили — «утопия», 7 процентов считают, что это «злостная идеология», 10 процентов полагают, что это «несбыточное далекое будущее, рай на Земле».

«Интерфакс»

Школа

В Каунасском университете имени Витаутаса Великого снова появился теолого-философский факультет, который существовал в этом учебном заведении до присоединения Литвы к СССР. Желающих учиться на этом факультете значительно больше, чем количество студенческих мест: на 25 мест претендуют 107 абитуриентов. Читать лекции на этом факультете будут профессора Каунасской духовной семинарии, преподаватели высших учебных заведений Литвы, а также литовцы, проживающие за рубежом.

«Интерфакс»

Встать, суд идет!

В Московском городском суде слушается дело по обвинению К. Смирнова-Осташвили в разжигании межнациональной розни (ст. 74, ч. 2 УК РСФСР). Межнациональную рознь, по мнению следственной бригады, подсудимый разжигал как устно (известный «инцидент» в ЦДЛ), так и письменно. Некоторые высказывания и призывы К. Смирнова-Осташвили оцениваются как откровенно антисемитские. Известно, что подсудимый действовал не один, однако судят его одного.

За несколько дней до суда от защиты обвиняемого отказался военный юрист в отставке И. Шеховцов. Поскольку других желающих защищать лидера «Союза за национально-пропорциональное представительство» НПФ «Память» не нашлось, суд назначил адвокатом члена Московской городской коллегии Я. Бирулину. Подсудимый выразил ей недоверие, заметив, к слову, что данная коллегия адвокатов «на 65 процентов состоит из лиц еврейской национальности». Он потребовал, чтобы ему были предоставлены «независимые адвокаты», и назвал страны, откуда ему бы хотелось их иметь: Швеция, Финляндия, Норвегия, ФРГ, ГДР... Заодно он потребовал освободить зал от представителей «левоэкстремистской сионистской прессы».

По мнению адвоката Я. Бирулиной, высказанному в беседе с корреспондентом «Огонька» А. Дубновым, К. Смирнов-Осташвили,— «это человек твердых нравственных принципов».

Фото Сергея ШАХИДЖАНЯНА

■

Прошу разъяснить мне, почему при начавшемся сокращении численности армии, при начавшемся процессе конверсии меня, офицера запаса дорожно-строительных войск, забирают с мирного производства и направляют служить в армию на 2 года. Разве отрыв инженера от мирного труда и перевод его на военную службу не означают обратный процесс — антиконверсию? Или это следует расценивать как обман наших противников, с которыми у нас достигнута договоренность о сокращении Вооруженных Сил? С одной стороны, мы пообещали всему миру сократить численность своей армии на 500 тысяч человек, а с другой (втихую), берем из запаса других людей и компенсируем это сокращение. Разве это не обман? Что, прикажете мне написать об этом американскому президенту, чтобы он был в курсе такой игры, так как другими словами это не назовешь? Я живу с женой и годовалым ребенком без родителей. Жена больна — страдает гипертонией. Спрашивается, какая такая острая необходимость в отношении меня возникла в армии в мирное время да еще при общем сокращении? Известно, что многие профессиональные офицеры боятся сокращения, но их все же сокращают, а нас, офицеров запаса, берут на их место против нашего желания. Ну где же здесь логика? Пользуясь силой Закона о всеобщей воинской обязанности, армия выделывает с людьми все, что ей заблагорассудится!

М. С. ИВАНОВ
Москва

■

Указом Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов» и одноименным Постановлением ЦК КПСС руководство страны подтвердило вину государства и партии, возглавляемых в указанный период сталинской кликой, творившей неслыханные беззакония в отношении миллионов советских граждан. Сам факт принятия этих документов и их название напоминают о том, что справедливость до сих пор не восстановлена.

Указ открывает свободу для инициативы в этом деле республиканским и местным Советам, которые могут установить льготы для жителей своих регионов. Способствовать этому призваны в соответствии с Указом создаваемые при исполкомах Советов соответствующие комиссии.

Но почему-то комиссии, созданные при городском и районных Советах Москвы, получили название: «Комиссия по оказанию помощи реабилитированным гражданам». Такое название при внешней гуманности искажает смысл упомянутых документов. В Указе и Постановлении речь идет о комиссиях «содействия советским органам в обеспечении прав и интересов реабилитированных». Обеспечение же этих прав и интересов — прямая обязанность соответствующих советских органов и ведомств. В сложившейся ситуации, когда вопрос о возмещении реабилитированным причиненного ущерба до сих пор не решен, разговор о «помощи» для них звучит издевательством.

Слово «помощь» в данном контексте неприемлемо еще и потому, что у нас не существует комиссий «по оказанию помощи» инвалидам, участникам войны, ветеранам... Они просто пользуются положенными им, заслуженными (подвигом, трудом, судьбой) льготами. Установленные Моссоветом с 1 января 1990 года отдельные льготы реабилитированным должны восприниматься не как помощь, а как начало практических мероприятий по восстановлению справедливости.

Поэтому комиссии «помощи реабилитированным» необходимо заменить комиссиями «содействия обеспечению прав и интересов реабилитированных».

Помощь же могут оказывать из благотворительных побуждений, чувства милосердия или гражданского долга отдельные граждане, трудовые коллективы, общества и т. д.

Но Советская власть должна предоставить этим гражданам соответствующие льготы. Это будет незначительной (и очень запоздалой), но все же компенсацией за искалеченные жизни, огромный материальный и моральный ущерб, причиненный этим людям. Это утвердит наконец статус реабилитированных в нашем строящемся правовом государстве.

М. КУРЛЯНСКИЙ
Москва

■

Каждый раз, когда в средствах массовой информации появляются сообщения о новостях Главного управления таможенного контроля при Совете Министров СССР, так и жди очередных ограничений и запретов. За последние два года подобных таможенных «новостей» (надо заметить — временного характера) было немало. Принимаемые меры отчасти можно понять: пусть и не очень популярными способами государство худо-бедно пытается удержать на уровне внутренний рынок. Но разве одними запретами решаются подобные проблемы?

В нынешнем году купил семейную путевку на отдых в Болгарию. Решили ехать машиной, чтобы в летний час пик не обременять себя хлопотами с покупкой билетов на поезд. Планировали также для удобства (да и чтобы за рубежом выглядеть не нищими) взять с собой маленький телевизор, транзисторный приемник, складной велосипед, ведь в Болгарии предстоит пробыть 18 дней. Именно в это время будет проходить чемпионат мира по футболу. Очевидно, от некоторых наметок придется отказаться — таможня не дает «добро»! И не только на те предметы, которые и в мыслях не было продавать, но и на фотоаппарат, также попавший в разряд запрещенных к вывозу. А действительно, чего тут мелочиться? Рубить так рубить! Советский отдыхающий, мол, за рубежом обойдется и без удобств...

Кто-то заметит: сказал бы спасибо, что разрешили ездить за границу, а тут ему фотоаппарат с телевизором подавай. Не соглашусь с такими выводами. Что заработано человеком, должно использоваться им по собственному усмотрению независимо от места пребывания. Загадочным также остается ограничение на провоз бензина для советских граждан, выезжающих из СССР на автомобилях. Дополнительно можно взять 20 литров горючего. А если эти литры, купленные на «кровные», я прокатал бы по нашим дорогам? Где логика? Да и при чем здесь наша таможня? Неужто кто-то думает, что «наш» бензин везем «туда» для реализации? Ошибаетесь! Просто у нас есть желание приехать обратно, избегая очередей на «их» заправках. Ехать далеко, ведь Болгария не имеет сухопутных границ с Союзом. Да и на нищенский обмен «там» много бензина не наберешься. Но у таможни на все поставленные вопросы есть один ответ: введение столь жестких правил связано с охраной советского потребительского рынка. Так кто же против его охраны? Но мне кажется, что в этом деле важно не терять здравого смысла. Иначе это унижает людей.

С. РОДИЧ
Ровно

■

Приобрел я недавно в магазине справочник «Краткий политический словарь», Москва, Издательство политической литературы. 1989 г. Покупая эту книгу, я надеялся найти в ней объективный подход к освещению важнейших политических событий прошлого и современности, но ошибся. Первое, что сразу же бросается в глаза,— это тенденциозность, порой доходящая до абсурда, при освещении многих вопросов. Например, такое понятие, как «гласность». «Гласность — максимальная открытость и правдивость в деятельности государственных и общественных организаций... Г. подразумевает отсутствие зон, закрытых для критики...» Все правильно, но далее сразу же следует оговорка: «В то же время гласность неравнозначна вседозволенности, подрыву социалистических ценностей, призвана укреплять социализм, социалистическую мораль...» Из этого определения так и не смог понять, что же все-таки такое гласность, то ли максимально правдивое освещение событий, то ли необходимость укреплять «социалистическую мораль». Ведь как это у нас бывало, первое часто приносилось в жертву второму. Или, например, понятие «диктатура пролетариата». Я цитирую: «Диктатура пролетариата — власть рабочего класса, устанавливаемая в ходе социалистической революции и имеющая целью построение социализма». «Д. п. осуществляется разветвленной системой государственных и общественных учреждений и организаций». Что это были за учреждения, мы сейчас себе достаточно хорошо представляем. Далее: «Д. п. не имеет ничего общего с буржуазными и оппортунистическими представлениями о ней как о «диктатуре меньшинства», господстве произвола, беззакония, голого насилия и т. п.», как будто и не было всего этого в нашей послереволюционной истории и в истории других государств. О сталинизме написано всего три строчки, хотя расшифровка термина Д. п. занимает целую страницу. И, наконец, открытие! Оказывается, диктатура пролетариата является новым типом демократии — пролетарской демократией, руководимой рабочим классом и служащей интересам всех трудящихся! Прочитал и глазам своим не поверил. Вот оно, оказывается, как. И это пишется после того (год издания 1989) как мы прочитали «Архипелаг ГУЛАГ» и многое другое. Ничем иным, как цинизмом, издевательством над памятью миллионов людей, я это назвать не могу. Листаем далее. «Свобода личности — один из основополагающих принципов демократического правового государства. ...Великая Октябрьская революция в России обеспечила всемирно-исторический прорыв человечества к той ступени подлинной с. л., которая в принципе недостижима в условиях капитализма...» И это говорится после того, как все узнали о грубейших нарушениях прав человека, допускавшихся на протяжении всех семидесяти лет Советской власти.

Подобных примеров из этой книги можно было привести еще множество, но, думаю, этого достаточно, чтобы понять, что те догматические подходы, которые были присущи многим нашим политическим деятелям, не изжиты и до сих пор. У меня при этом возникают следующие вопросы: до каких пор вся литература, издаваемая в СССР, будет находиться под жестким сапогом марксистско-ленинской идеологии, до каких пор в школах будут изучать суррогат истории, а не правду о прошлом нашей страны, до каких пор классовый подход будет ставиться выше общечеловеческого?

А. Ю. ВЛАДИМИРОВ
Новокузнецк

■

Советская печать в последнее время вскрыла неблагопристойное положение с оплатой труда наших артистов и спортсменов, находящихся за рубежом. Кое-что прояснилось и с оплатой пребывания наших командированных за границей. Но почему-то «заговор молчания» до сих пор продолжается в отношении советских специалистов, работающих в международных организациях, в частности в организациях ООН. А ведь они, как и наши хоккеисты за рубежом, вполне могут быть также названы «самыми дешевыми рабами в мире».

В нарушение Устава ООН, соответствующей Конвенции МОТ, под которой стоит подпись Советского Союза, наши международники зарплату в своих международных организациях не получают. Точнее, они ее получают, но только для того, чтобы в тот же день отнести ее (всю!) в бухгалтерию Советского представительства при ООН. Бухгалтерия выплачивает им лишь примерно 40 процентов этой суммы. Это и есть их зарплата. Помимо юридической (незаконность отбира-

ния денег никем не оспаривается), хотелось бы отметить и ряд других сторон этого вопроса.

Во-первых, наше официальное Представительство выступает в качестве ведомства-крепостника, которое собирает оброк. Надо сказать, что наши международники обязаны еще и работать на это ведомство: писать докладные и аналитические записки, давать советы приезжающим делегациям, сидеть на многочисленных изнуряющих собраниях-совещаниях (попробуй не приди!) и т. д. То есть они получают 40 процентов зарплаты за работу, по существу, в две смены.

Во-вторых, нарушается принцип оплаты по труду в международных организациях. Почему-то специалисты из других стран (а это не только страны Запада, но и Африки и даже Восточной Европы) живут на то, что они заработали на работе. Наши же за тот же труд, тот же результат получают более чем вдвое меньше.

В-третьих, встает вопрос и о правах человека. Почему они нарушаются в данном случае? Наш министр Э. Шеварднадзе не раз с гордостью говорил, что в МИДе и во всей внешней политике СССР произошла перестройка, особенно это касается проблемы прав человека. Но как быть с правами наших специалистов за границей, большая часть зарплаты которых насильственно отбирается?

В. КУДРОВ
Москва

■

Пишу на тему, волнующую не только меня, но и большую группу лиц, выпавшую из поля зрения руководства городом и областью. Сейчас решили упорядочить распределение промышленных и продовольственных товаров в Москве и Московской области. Конечно, это хорошо, я согласна, но последствия этой меры для таких, как я, непредсказуемы.

Я родилась и выросла в Грузии, в Москве училась, еще на третьем курсе института вышла замуж. Муж — с Украины. Все было относительно неплохо, пока я не закончила институт. У меня была временная прописка в моем общежитии, хоть и жили мы в общежитии мужа — кстати, полулегально, благодаря хорошему отношению к нему администрации общежития. Когда я потеряла, закончив институт, свою временную прописку, мужу оставалось учиться еще три года, у нас уже был ребенок, и теперь уже мы с ребенком жили подпольно в этом общежитии. Но и это до последнего времени не казалось нам большой бедой. Правда, очень плохо то, что я уже год не могу устроиться на работу — никуда не берут без прописки. Трудно существовать на одну стипендию мужа, ну да ладно...

Самое интересное началось, когда мужа забрали на военные сборы, а в Москве и области через день после этого ввели торговлю по паспортам... Нет, мы с ребенком, конечно, не умерли с голоду, но с какими сложностями мы все добывали! О покупке чего-то не относящегося к еде и говорить-то не стоит!

Теперь с трепетом жду введения визиток: как это по нашей семье ударит? Я понимаю, порядок в торговле нужен, но как быть таким, как я, а нас немало. Только в небольшом общежитии, где мы живем, насчитывается около десятка подобных семей. Надо понять, что мы не добровольно поставили себя в такое положение — куда же нам деваться, пока мужья доучиваются? Выхода нет, так как в институте мужа нет ни заочного, ни вечернего отделения.

Вот так мы, жены, и «крутимся» — купить что-нибудь, изловчиться остаться в общежитии подольше (а то ведь уже намекают, что общежитие не семейное), не перейти дорогу в неположенном месте (а то ведь попросят паспорт — и штраф за нарушение паспортного режима, если не что-то похуже).

Возможно, когда-нибудь, как водится, мы будем вспоминать с умилением о своей трудной молодости... Ну, а сейчас-то как? Где жить, чем питаться, на что содержать ребенка? И ведь не война, не разруха, если разобраться, все наши беды носят достаточно искусственный характер. Мне кажется, что достаточно, чтобы там, «наверху», кто-нибудь подумал о нашем положении неучтенных, выпавших из системы распределения скромных, но таких необходимых жизненных благ...

Н. ЛАГИДЗЕ
Московская область

■

Свою службу я закончил в Саратовском высшем военном авиационном училище летчиков в 1985 году, и естественно, что судьба этого училища, имеющего славные боевые традиции, мне небезразлична, как небезразличны мне как депутату местного Совета и интересы членов семей моих боевых товарищей.

В свое время по просьбе печально известного первого секретаря башкирского ОК КПСС Шакирова М. З. было принято решение о создании в г. Уфе военного училища вертолетчиков сметной стоимостью в 240 миллионов рублей. С началом сокращения ВС СССР принимается решение о прекращении его строительства. Затем это решение по немотивированным причинам отменяется, и училище продолжают строить. Сокращать же начали Саратовское ВВАУЛ, успешно решавшее на протяжении двух десятилетий стоящие задачи. На сегодняшний день в г. Уфе освоено при строительстве училища только около 40 миллионов рублей, а 200 миллионов рублей в него надо еще вложить. В то время как для реконструкции Саратовского и Сызранского ВВАУЛ было бы достаточно 10% от стоимости строительства училища в г. Уфе. А в условиях предкризисного состояния экономики страны и обострения социально-бытовых проблем военнослужащих задачи подготовки высококвалифицированных летных кадров можно было бы решать и на существующей учебно-материальной базе. Уфимское же училище без форсированного строительства в ближайшие годы решать эту задачу не может.

На мои неоднократные обращения в различные инстанции приходят стандартные ответы, подготовленные одной и той же заинтересованной рукой из Главкомата ВВС.

У меня складывается впечатление, что кто-то очень не хочет допустить объективной ревизии вложенных уже в строительство Уфимского ВВАУЛ материальных средств и финансов. Мне известно, что 8-я партийная конференция ВВАУЛ в апреле месяце подготовила обращение в адрес XX партийной конференции ВВС ПУРВО и XXVIII съезда КПСС по этой же проблеме. К сожалению, у меня сложилось мнение, что без широкой гласности этот вопрос утонет в недрах командно-административной и военно-бюрократической системы.

Л. СМИРНОВ,
полковник в отставке
Саратов

■

Военно-политическая академия имени В. И. Ленина — кузница комиссарского корпуса — пригласила к себе театр. Молодой и настолько талантливый коллектив, что при нынешней бездотационной жизни театрального искусства согласился на бесплатную творческую встречу с «инженерами воинских душ». Кстати, у советского искусства с армией — старые добрые связи, но все же так называемые «шефские» концерты и спектакли издавна принято давать солдатам, а не офицерам. Считается, что последние в состоянии оплачивать свой досуг и эстетическое образование. Но не в этом дело, а в «систематическом ознакомлении политработников армии с лучшими образцами искусства и кино».

Начать решили со спектакля «Версты обвинительного акта» по широко известному роману Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», о чем и заключили письменный договор, обязывающий академию лишь предоставить транспорт для перевозки декораций, костюмов, реквизита.

За три дня до спектакля вдруг объявляется о перенесении его с 16 на 17 апреля. В установленное время на спектакль пришли всего лишь 12 зрителей, главным образом офицерские жены. Руководители же Военно-политической академии, как выяснилось, запамятовали, что утром личный состав слушателей готовится к параду 9 Мая, и весь дневной график соответственно сдвинут на один час сорок минут. Но и после того, как актеры — «желанные гости» — прождут, промаются в костюмах и гриме лишние два часа, никто не гарантирует аншлаг в зрительном зале. Как показала практика, и на творческих встречах с популярнейшими мастерами театра и кино в зрительном зале заполняются всего два-три ряда...

Декорации размонтированы, грим снят, костюмы уложены, и дорогие гости, испытав чувства героев знаменитой гоголевской «Коляски», отправляются прочь несолоно хлебавши.

Из ума не идет вопрос к Главполитуправлению Советской Армии: как увязать, что политработник, как говорится, обязанный сберегать и развивать ростки духовной культуры солдат, сам цинично равнодушен к духовным ценностям?

А. КРАВЦОВ,
С. КОКОРИН,
Д. БЕЛОВ (всего 16 подписей)

В пятнадцатом номере журнала мы сообщили о создании двух общественных организаций, связанных с именем Андрея Дмитриевича Сахарова,— Общественной комиссии по увековечению памяти академика Сахарова и его наследию и Международного организационного комитета по проведению I Международного конгресса имени академика Сахарова по проблемам прав человека в мире.

Недавно в Москве прошло первое совместное заседание Организационного комитета конгресса с участием зарубежных членов оргкомитета. Среди них видные общественные деятели, известные ученые, парламентарии из разных стран мира и из Советского Союза. В течение двух дней на общей дискуссии были разработаны концепция будущего конгресса, его программа, задачи и цели. Как уже сообщалось, I Международный конгресс имени А. Д. Сахарова по проблемам прав человека в мире состоится в Москве 21—25 мая 1991 года, в дни, когда Андрею Дмитриевичу исполнится 70 лет.

Мы выражаем искреннюю благодарность всем лицам и организациям, оказавшим моральную и финансовую помощь в проведении этой встречи. Спонсорами оргкомитета стали акционерное коммерческое объединение «Совкомфлот» — 15 тысяч рублей, советско-американский фонд «Культурная инициатива» — 30 тысяч рублей, Всесоюзный центр кино и телевидения для детей и юношества — 10 тысяч рублей, ВТПО «Киноцентр» — 5 тысяч рублей, фирмы «Интернэшнл Спотлайт, Лимитэд» и «Интернэшнл Калчур Интерпрайзэс» (США) — оргтехника, Международное коммерческое управление Аэрофлота, предоставившее 50-процентную скидку на проезд в Москву и обратно всем участникам первого совместного заседания советских и зарубежных членов оргкомитета.

Поскольку конгресс является неправительственным мероприятием, его проведение возможно только в результате поддержки спонсорами. Мы будем благодарны всем лицам и организациям, фирмам и предприятиям разных стран мира, разделяющим цели и задачи I Международного конгресса имени А. Д. Сахарова по проблемам прав человека в мире, которые найдут возможным оказать финансовую помощь Организационному комитету и Общественной комиссии по увековечению памяти академика Сахарова.

Сообщаем номера счетов оргкомитета: рублевый — 700922 в МГУ Жилсоцбанка СССР, МФО 201865; валютный — Fondazione Andrej Sacharov № 14921, Banco di Roma, piazza S. Marcello 5, Roma, Italy.

Номер счета Общественной комиссии по увековечению памяти академика Сахарова и его наследию: 1700930 в Бауманском отделении Жилсоцбанка г. Москвы.

ДИРЕКТОРАТ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕПУТАТСКАЯ ГРУППА

Год назад, 29—30 июля 1989 года, состоялось первое собрание межрегиональной депутатской группы. Год назад были избраны ее сопредседателями народные депутаты СССР Б. Н. Ельцин, Ю. Н. Афанасьев, Г. Х. Попов, В. А. Пальм и А. Д. Сахаров.

Много воды утекло с тех пор. Мир стал другим. И в том, что он стал другим, свою роль сыграла и межрегиональная депутатская группа. Давайте подведем некоторые итоги ее деятельности, а также хотя бы в слабой степени попытаемся воссоздать общественно-политическую ситуацию годичной давности, так разительно отличающуюся от той, которая существует сегодня.

Вернемся на год с лишним назад, в весну 1989 года, когда страна, наполовину поверив в свободные выборы, выдвинула кандидатов в народные депутаты, когда были одержаны первые политические победы, когда яростное сопротивление демократии кровью вылилось на Тбилисской площади, обернулось развалом гдляновского дела, пропечаталось скупыми строчками статьи 11 прим, введенной в Уголовный кодекс.

Конечно, автор может судить о том, как проходили предвыборная кампания и сами выборы, в значительной степени по тому, как они проходили в Москве, хотя отголоски политической борьбы доносились отовсюду. Москва же, безусловно, была увлечена кампанией Ельцина, против которого была брошена вся мощь средств массовой информации и партийной пропаганды.

Многопартийная система... Год назад эти слова вызывали трепет у партийных чиновников. Эти слова были запрещены, табуизированы. Когда Б. Н. Ельцин в своей предвыборной программе говорил не о необходимости многопартийной системы, а всего лишь о необходимости обсудить этот вопрос, снять с него табу, он был проклят партийным аппаратом, подвергнут обструкции в партийной печати.

Партийное слово «сыграло» свою роль — Б. Н. Ельцин был избран народным депутатом СССР с фантастическим результатом — 89 процентов проголосовавших. Люди, в том числе и те, кто отнюдь не симпатизировал партийному изгою, голосовали за него назло, дружно, с каким-то давно забытым отчаянием. Даже в воинских частях, даже в советских посольствах цифра голосов «за» превышала 90 процентов.

Вообще итоги выборов в 1989 году произвели впечатление. Конечно, партийно-государственный истеблишмент сумел удержать позиции в целом, особенно легко это удалось сделать в общественных организациях. Но тот факт, что были «прокачены» первые лица в Москве, Ленинграде, Киеве, оказал большое воздействие на демократическую общественность. Стало ясно, что противник может быть побежден, причем именно мирными, парламентскими средствами. Это был первый реальный результат, которого удалось добиться демократическим силам, чуть ли не с 1917 года.

Даже на фоне таких событий выборы народных депутатов СССР от Академии наук выделялись своей интригой. Первым именем, названным демократической общественностью в качестве кандидата в народные депутаты, было, конечно, имя академика Андрея Дмитриевича Сахарова. Его выдвигали буквально в десятках округов. Было очевидно, что стать народным депутатом по любому из них, используя всю силу народной поддержки, не составляет никакого труда. Соперники заявляли о своей готовности снять кандидатуры в пользу Сахарова. И снова Андрей Дмитриевич преподал нам очередной урок, избрав самый принципиальный, но и самый тяжелый путь, заявив о своем намерении баллотироваться только от Академии наук.

Фото В. СУМОВСКОГО

Хроника минувшего года

Десятки академических институтов назвали Сахарова своим кандидатом, но академики, принимавшие участие в официальной процедуре выдвижения, оставили без внимания общественное мнение и проголосовали против выдвижения Сахарова. Тогда в Москве перед зданием президиума Академии наук прошел митинг с призывом к общему собранию Академии наук голосовать против выдвинутых кандидатов, с тем чтобы оставить вакантными депутатские мандаты в надежде, что в следующем туре академики примут все-таки во внимание общественное мнение и исправят свою ошибку.

И чудо произошло. Под давлением общественного мнения общее собрание, в котором принимали участие, кроме академиков, также и представители коллективов Академии наук, проголосовало против 12 из 20 выдвинутых кандидатур. Во втором туре на вакантные места вместе с Сахаровым народными депутатами были избраны Ро́альд Сагдеев и Николай Шмелев, Виталий Гинзбург и Юрий Карякин, Сергей Аверинцев и Вячеслав Иванов, Георгий Арбатов и Павел Бунич, Геннадий Лисичкин, Николай Петраков и Александр Яковлев.

Разительным контрастом по сравнению с этими событиями явилось безальтернативное назначение сотни депутатов от КПСС.

По территориальным округам в Москве народными депутатами стали люди, которые ни при каких обстоятельствах ранее не смогли бы ими стать. Уже во время предвыборной борьбы кандидаты внимательно следили друг за другом, стараясь в какой-то степени использовать опыт и ошибки других. Первый шаг по пути объединения был сделан, когда подписывалось письмо в защиту Ельцина, написанное С. Станкевичем и оглашенное по телевидению во время теледебатов. Оно сильно повлияло на симпатии избирателей; москвичи помнят самодельные листовки на улицах: «Голосуйте за тех, кто подписал письмо в защиту Ельцина!».

После выборов газета «Известия» устроила «круглый стол» с несколькими новыми депутатами, который, между прочим, так и не был опубликован. Но на этой встрече депутаты договорились продолжить разговор о том, как должен был бы проходить первый Съезд народных депутатов, какие документы он должен был бы принять и т. д. И вот 15 апреля в МНТК «Микрохирургия глаза» собрались 22 народных депутата СССР и решили, что было бы целесообразно, если перед Съездом такие встречи носили бы регулярный характер, а итогом этих встреч были бы предложения Съезду и о повестке дня, и о регламенте Съезда, и о необходимых изменениях в Конституции, о порядке избрания Верховного Совета и о статусе депутатов, одним словом, родился московский клуб народных депутатов СССР. Тогда же было подписано еще одно коллективное обращение в адрес Президиума Верховного Совета о приостановлении действия только что введенной в Уголовный кодекс статьи 11 прим.

Московский клуб народных депутатов работал в Доме политпросвещения на Трубной площади в течение всего апреля и мая. В его работе приняли участие десятки депутатов, в том числе не только московские депутаты. Одни работали постоянно, готовили альтернативные документы, другие раз-два пришли послушать, как проходит обсуждение этих документов. Как-то так само собой получилось, что фактическим руководителем клуба стал Гавриил Харитонович Попов.

В начале мая в Моссовете была собрана так называемая московская делегация, в которую автоматически были включены все, кто был избран в Москве по территориальным округам или кто живет в Москве, но был избран в общественных организациях, — всего около 200 человек, при том, что округов было только 27. Тогда впервые депутаты узнали от руководства Верховным Советом, в частности, о том, что Съезд планируется провести в 3 дня, и о том, что не предполагается прямой телевизионной трансляции.

После многодневных дебатов в клубе стало выкристаллизовываться самое важное, чего необходимо добиться: во-первых, прямой телетрансляции; во-вторых, обсуждения положения в стране по всему кругу политических вопросов, определяющих ее судьбу; в-третьих, внести изменения в избирательную систему, ликвидировав выборы от общественных организаций и окружные собрания; в-четвертых, пролить свет на тайну тбилисского избиения. Необходимо было добиться, чтобы Съезд не оказался заформализованным, не превратился в очередное парадное мероприятие, в собрание коллегии выборщиков. Кроме того, нужно было отменить только что принятые, но отвергнутые общественным мнением Указы Президиума Верховного Совета: о проведении митингов и демонстраций и содержащий пресловутую статью 11 прим. Вдобавок все были возбуждены сделанным заявлением Гдляна о кремлевских покровителях узбекской мафии и о том противодействии, которое было оказано следственной группе.

Были подготовлены также предложения и о регистрации депутатских групп, и о порядке выборов в Верховный Совет, о регламенте Съезда, о статусе народных депутатов СССР и многое другое. Все предложения были тщательно обсуждены, подверглись экспертизе сотен избирателей, мы шли на Съезд уверенными в своей правоте, надеясь убедить в этом всех несогласных. Мы были наивны и задиристы.

В то же время, несмотря на эйфорию от победы на выборах, от работы по подготовке к Съезду, трезвый анализ состава Съезда показывал, что скорее всего он пройдет под диктовку Президиума. Чтобы не сглазить, на встречах с избирателями говорилось о том, что уже было бы успехом, если на Съезде не будет единогласных голосований, если будут высказаны альтернативные точки зрения, хотя в глубине души надежда была на большее.

Надежда быстро растаяла, как только депутаты стали прибывать на Съезд. Стало ясно, что, хотя нашим единомышленникам удалось практически везде, особенно в городах, прорваться сквозь флажки избирательных комиссий, абсолютное большинство было готово исполнить все, что от него потребуется. Тем не менее работа московского клуба не пропала даром — на первых же встречах «открытой» партгруппы, собраниях делегаций, совещании представителей выяснилось, что время работы Съезда продлено, удалось добиться также прямой телетрансляции. Но сам распорядок Съезда (сначала выборы, потом дебаты) остался непоколебим.

Здесь не место описывать драматические перипетии первого Съезда, заслонившего все остальные события. С точки зрения автора, знаю, что спорной, этот Съезд, несмотря на всю неадекватность его состава населению страны, несмотря на всю бесплодность его работы, выполнил функцию разо-

гнанного большевиками Учредительного собрания. Конечно, вековая мечта либеральной российской интеллигенции, осуществленная в конце концов при жизни нашего поколения, оказалась до неузнаваемости изуродованной. Конечно, на Съезде господствовал дух тоталитаризма, и зал вставал и устраивал овацию при слове «коммунизм». Но я убежден, что в нашей разваливающейся империи уже никогда не состоится такого представительного форума, уже никогда не будет проявлено такого жгучего интереса, уже никогда не будет Сахарова. Поэтому того Учредительного собрания, о котором мечтала Россия, уже не будет никогда, а начало конца тоталитарной державы наступило именно на первом Съезде народных депутатов СССР.

Конечно, Съезд принял предложенную президиумом повестку дня, но уже при самом первом голосовании по повестке дня предложения московского клуба депутатов получили поддержку 379 депутатов, а уже на третий день с трибуны Съезда прозвучали слова Г. Попова: «Мы предлагаем подумать о сформировании межрегиональной независимой депутатской группы и приглашаем всех товарищей депутатов, чтобы они к этой группе присоединились». Интересно, как было встречено Съездом это заявление. Выступающий следом депутат В. Степанов, обращаясь к Ю. Афанасьеву и Г. Попову, под дружные аплодисменты зала сказал буквально следующее: «То, что вы сегодня предложили Съезду создать фракцию,— это безумие. Опомнитесь, что вы собираетесь делать! Надо накормить народ, надо оздоровить экономику! Вы же пока вносите разброд в работу Съезда и отвлекаете его от насущных проблем».

Совершенно исключительна роль А. Д. Сахарова на первом Съезде. Не случайно Съезд окавычен его выступлениями. 27 мая, задолго до шахтерских забастовок, депутат В. Образ простодушно возмущался с трибуны Съезда, делясь своими впечатлениями о «разговорах в кулуарах с участием академика Сахарова»: «Я просто удивился, понимаете ли, когда товарищ Сахаров говорил, мол, я предвижу забастовки в стране. Да что это такое?»

Воистину нет пророка в своем отечестве.

С моей точки зрения, нравственной кульминацией, вершиной Съезда были не попавшие в стенограмму слова А. Д. Сахарова в последний день Съезда, когда на вопрос прерывающего его М. С. Горбачева: «Товарищ Сахаров, вы уважаете Съезд?» — прозвучал исполненный благородства ответ: «Я уважаю народ. Я уважаю человечество».

Так или иначе, но межрегиональная депутатская группа во время Съезда была образована, о чем сообщил и зачитал Заявление о ее образовании в последний день Съезда депутат В. Шаповаленко. Вот полный текст этого Заявления:

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Завершается первый Съезд народных депутатов СССР. Состоявшаяся на Съезде дискуссия была беспрецедентной по откровенности и оказала сильное воздействие на общественное сознание, на всю внутреннюю ситуацию в стране. Вместе с тем в подготовке и проведении Съезда было немало такого, что оставило чувство неудовлетворенности и тревоги.

Нам представляется, что на Съезде так и не удалось создать механизм выявления, сопоставления, сближения разных точек зрения.

Многие ключевые проблемы жизни страны либо не рассматривались, либо обсуждались скороговоркой. Немало ценных предложений было не замечено либо отвергнуто без достаточных оснований.

Главными источниками трудностей, с которыми столкнулся Съезд, мы считаем: во-первых, недостаток заблаговременной подготовки, а во-вторых, отсутствие должного взаимопонимания между депутатами, невозможность обсудить и понять альтернативные точки зрения.

Нам следует из этого извлечь уроки на будущее.

Учитывая опыт работы московского клуба депутатов, проведших серьезную подготовительную работу накануне Съезда, а также опыт групп депутатов-аграрников, комсомольцев, работников народного образования, экологов, много сделавших во время Съезда, желая установить тесные контакты и взаимопонимание между депутатами из разных регионов страны, стремясь создать благоприятные условия для диалога и компромиссного согласования, мы объявляем о создании МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ.

Главная цель группы — немедленно начать подготовку к следующему, осеннему Съезду (1989 г.), выработку предложений и проектов документов. Группа будет работать в тесном контакте с Верховным Советом СССР, его Президиумом, комиссиями и комитетами, с другими депутатскими группами. С помощью информационного обмена, дискуссий и многосторонних консультаций группа будет способствовать созданию на Съезде и вокруг него обстановки творческого поиска и разумного согласования интересов во имя активизации всех перестроечных процессов.

Мы приглашаем всех народных депутатов СССР, готовых к коллективному демократическому поиску путей серьезного углубления перестройки, присоединиться к нашей группе.

Сразу после Съезда межрегиональная группа насчитывала 256 депутатов.

Кроме прямой телетрансляции и самого факта создания группы, демократически ориентированным депутатам на первом Съезде удалось добиться отмены статьи 11 прим, создания комиссий по пакту Молотова — Риббентропа, «Тбилиси», «Гдляну» и привилегиям (сейчас ясно, что последние две из них проработали практически вхолостую). Впервые в Декрете о власти А. Д. Сахарова прозвучало прямо сформулированное требование отмены 6-й статьи Конституции. Наконец, было принято наше предложение провести следующий Съезд народных депутатов уже в этом году.

Создание МДГ имело широкий резонанс. На митингах в Лужниках, которые во время Съезда проходили практически ежедневно, выражалась горячая поддержка новорожденной группе.

Первоначально предполагалось, что новый Верховный Совет после утверждения состава правительства займется теми законопроектами, которые находятся в стадии максимальной готовности. Среди таких законов, которые предполагалось выносить на Верховный Совет, в первую очередь значились, например, законы об изобретательстве, о защите прав потребителя и т. п. Попытка начать принимать законы второстепенные, в то время как не приняты основополагающие законы: о собственности, о земле, о предприятии, об аренде, о местном самоуправлении, подверглась сильной критике в первую очередь со стороны МДГ. Это ли возымело действие или прошедшая волна политических шахтерских забастовок, но уже в докладе о законодательной политике Верховного Совета, который сделал 19 июля А. И. Лукьянов, критика была в полной мере учтена, и Е. М. Примаков, выступая 29 июля на МДГ, признал: «Когда мы с самого начала в Верховном Совете определили план работы, не включив туда основополагающие моменты, нас поправили, и мы определили приоритетность законопроектов — о собственности, о земле, об аренде и т. д.».

После Съезда депутаты, оставшиеся в Москве, собирались практически еженедельно. В центре обсуждений был вопрос о том, что же объединило депутатов, подписавших Заявление о создании МДГ? Совершенно очевидно, что неудовлетворенность итогами Съезда, желание более глубоких и быстрых реформ, нежели те, которые предлагало руководство страны. Встал вопрос о том, чтобы сформулировать также позитивную программу МДГ, которая предлагала бы альтернативную концепцию перестройки, отличающуюся большей последовательностью и глубиной.

Для того, чтобы обсудить такую программу, проанализировать итоги Съезда и первой сессии Верховного Совета, выбрать рабочие органы, и было созвано общее собрание МДГ.

Список выступающих представлял собой просто созвездие имен. Выделились три ключевых выступления — Г. Х. Попова, Б. Н. Ельцина и Ю. Н. Афанасьева, в которых содержалась практически вся проблематика, связанная с перестройкой. Был принят за основу весьма сырой программный документ, осторожно названный «Тезисы практической деятельности МДГ по углублению и реализации перестройки» и создана комиссия для дальнейшей работы над этим документом.

Особое внимание в свете грядущих выборов в республиканские и местные Советы было уделено необходимости изменения Закона о выборах народных депутатов, демократизации этого Закона, в первую очередь отмене выборов от общественных организаций и ликвидации окружных собраний. По этому поводу было принято Обращение к народным депутатам СССР о созыве внеочередного Съезда в сентябре 1989 года для изменения Конституции СССР по соответствующим разделам.

Забегая вперед, надо сказать, что так и не удалось тогда собрать необходимые для созыва Съезда 450 подписей. С другой стороны, общественное мнение, выразителями которого были депутаты МДГ, в конечном итоге повлияло на республиканские Верховные Советы, принявшие значительно более демократические законы о выборах, что в конечном итоге сказалось на их результатах в 1990 году.

Собрание закончилось выборами сопредседателей МДГ и Координационного Совета, в который вошли: М. Бочаров, Г. Бурбулис, В. Волков, Е. Гаер, Т. Гдлян, В. Гончаров, А. Емельянов, Ю. Карякин, В. Логунов, В. Мартиросян, А. Мурашов, А. Оболенский, М. Полторанин, А. Собчак, С. Станкевич, В. Тихонов, Н. Травкин, Ю. Черниченко, А. Яблоков, А. Ярошинская.

В сентябре состоялся давно ожидаемый Пленум ЦК КПСС по национальным проблемам, оказавшийся абсолютно бесплодным. Характерно, что именно в период его подготовки появилось известное Заявление ЦК о положении в Прибалтике, замечательное своей имперской безапелляционностью и бестактностью. Как бы в насмешку над Пленумом резко ухудшилась ситуация в Закавказье. Была заблокирована Армения.

Межрегиональная группа пыталась помочь исправить положение, посредничая между враждующими сторонами. Депутаты В. Пальм и В. Челышев вели переговоры в Москве, Баку и Ереване, которые, к сожалению, не увенчались успехом.

Накануне второй сессии Верховного Совета, 23—24 сентября, состоялось второе собрание МДГ, посвященное широкому кругу вопросов. Депутаты оценили общеполитическую ситуацию как тревожную. Именно тогда стало очевидным, что корень и национальных, и экономических проблем в самом существовании СССР в нынешнем виде. В принятом Заявлении было написано:

«Выход — в возобновлении и пересоздании Союза на договорных началах, в признании равенства всех договаривающихся сторон, независимо от их нынешнего статуса, размеров территории и численности населения.

Становится все более очевидным, что мы не сможем решить эти проблемы в рамках действующей Конституции.

Мы призываем начать конструктивную подготовку к Съезду народных депутатов СССР. Центральными на Съезде, по нашему убеждению, должны стать вопросы о принципах и формах Союзного устройства, о собственности, о земле, а также о законодательных основах политической реформы, о выборах, об осуществлении полновластия Советов не на словах, а на деле».

На собрании были приняты также «Тезисы к платформе МДГ». Отдельные разделы этого документа были написаны А. Сахаровым, Г. Старовойтовой, С. Станкевичем, Г. Поповым, Н. Травкиным, В. Тихоновым, А. Яблоковым, Т. Заславской. Принципы реформы Вооруженных Сил были написаны депутатами В. Мартиросяном, В. Подзируком, В. Смирновым, П. Фальком, А. Цалко. Работа над документом была признана незавершенной, и ее предполагалось продолжить.

Межрегиональная группа продолжала расти. К этому времени в МДГ было зарегистрировано уже 297 депутатов. Через месяц после начала работы сессии Верховного Совета в ней было уже 362 депутата.

25 сентября началась вторая сессия Верховного Совета. Правительство подготовило обширную законодательную программу, состоящую из пакета основных законов, регулирующих экономические отношения в государстве. Вместе с тем на Верховный Совет были вынесены проекты плана и бюджета на 1990 год, сделанные еще во время развитого социализма.

Правительство очень постаралось, но уверенности в том, что его добрые намерения могут к чему-то привести, не было. Лучше всех выразил кредо правительства сам Николай Иванович Рыжков, сказав в своем докладе 2 октября о «готовности к практической реализации таких правовых норм и положений, которые в корне меняют само представление о путях и методах социалистического строительства и не ведут в то же время к отказу от социализма в его истинно гуманном и демократическом понимании». Одним словом, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

В результате Верховный Совет потратил уйму времени на рассмотрение плана и бюджета, которые сейчас представляют чисто исторический интерес, а представленные законопроекты оказались настолько слабыми, что Верховный Совет так и не успел их принять до конца года.

Вообще же Верховный Совет работал гораздо профессиональней, чем летом. Одна из неожиданностей произошла на заседании 24 октября, когда Верховный Совет при обсуждении изменений Конституции вдруг проголосовал за то, чтобы вовсе отменить выборы от общественных организаций. Видимо, каждый депутат, избранный в округе, независимо от своей политической окраски считает себя более полноценным, чем депутат, избранный от общественной организации.

Кульминация же сессии, по моему мнению, наступила 13 ноября, когда шли жаркие дебаты по поводу включения в повестку дня второго Съезда вопроса об отмене 6-й статьи Конституции. Страстные слова члена МДГ В. Карасева в ответ на выступление секретаря ЦК Г. Разумовского, уверен, останутся навсегда в памяти тех, кто видел эту сцену.

Несмотря на все усилия МДГ, так и не был принят во втором чтении один из самых прогрессивных законов, подготовленных Верховным Советом,— Закон о печати. Будь он принят до весенних выборов, результаты их могли бы быть совсем иными.

Нельзя не отметить, что окончание этой сессии проходило на фоне памятных событий в Восточной Европе, которые заставили нас многое переоценить.

И еще: в конце октября А. Д. Сахаров представил свой проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии, документа исключительной важности, который, по-моему, до сих пор не получил должной оценки.

Итак, 13 ноября Верховный Совет принял решение о созыве 12 декабря второго Съезда народных депутатов.

Ввиду того, что так и не был готов пакет законов о новом экономическом механизме, Съезд должен был изменить Конституцию в связи с предстоящими выборами, одобрить предложения правительства о мерах по оздоровлению экономики, принять законы о статусе депутатов и регламенте Съезда и Верховного Совета, принять закон о Комитете конституционного надзора и избрать его, рассмотреть вопрос о борьбе с организованной преступностью, заслушать сообщения комиссий, созданных на первом Съезде. МДГ в этой ситуации, когда стало ясно, что Съезд не готов к принятию радикальных решений, решила добиваться хотя бы устранения из Конституции явно устаревших статей, мешающих Верховному Совету принять законы об экономическом механизме. Также было предложено заслушать отчет Председателя Верховного Совета о работе двух сессий и сообщение комиссии по привилегиям. МДГ предложила снять обсуждение вопросов о конституционном надзоре до принятия решения о союзном устройстве страны.

Что касается программы правительства, то для большинства депутатов МДГ было очевидно, что идея, предложенная правительством: перед переходом на рынок оздоровить ситуацию в экономике старыми средствами административно-командной системы,— бесплодна. Это означало, примерно, как если бы больному сказали: «Ты сначала выздоровей, а потом мы тебя будем лечить». Дальнейшие события показали, что правительство действительно оказалось неспособно старыми способами «развернуть» экономику лицом к человеку.

В целом МДГ внесла реалистичные и компромиссные предложения. Она не отвергала предложения Верховного Совета, но дополняла их, что позволило бы повысить продуктивность Съезда, хотя и без принятия еще не готовых решений. К сожалению, наши предложения были отвергнуты, и тогда, за 10 дней до начала Съезда, по инициативе А. Д. Сахарова пятеро депутатов обратились непосредственно к народу с призывом к двухчасовой политической предупредительной забастовке. Это должно было привлечь внимание избирателей к опасности свести Съезд к угодному консерваторам исходу, а также подсказать людям форму давления на Съезд и правительство.

Практически никакой работы по организации забастовки не велось, текст обращения газеты не опубликовали. Однако, судя по полученным телеграммам и письмам, в различных акциях в поддержку этого обращения 11 декабря приняло участие не менее миллиона человек.

9—10 декабря состоялось третье собрание МДГ, на которое, кроме вопросов проведения Съезда, был вынесен доработанный проект платформы. Было высказано много замечаний, но в конце концов под девизом «Мы не можем больше оставаться без платформы» она была принята с оговорками о необходимости доработки. Эта платформа весной 1990 года легла в основу предвыборной программы блока «Демократическая Россия».

На третий день Съезда, вечером 14 декабря, внезапно умер Андрей Дмитриевич Сахаров. За несколько часов до смерти он выступал на совещании МДГ. Вот полный текст его последнего выступления:

«Я хочу дать формулу оппозиции. Что такое оппозиция? Мы не можем принимать на себя всю ответственность за то, что делает сейчас руководство. Оно ведет страну к катастрофе, затягивая процесс перестройки на много лет. Оно оставляет страну на эти годы в таком состоянии, когда все будет разрушаться, интенсивно разрушаться. Все планы перевода на интенсивную, рыночную экономику окажутся несбыточными, и разочарование в стране уже нарастает. И это разочарование делает невозможным эволюционный путь развития в нашей стране. Единственный путь, единственная возможность эволюционного пути — это радикализация перестройки.

Мы одновременно, объявляя себя оппозицией, принимаем на себя ответственность за предлагаемые нами решения, это вторая часть термина. И это тоже чрезвычайно важно.

Сейчас мы живем в состоянии глубокого кризиса доверия к партии и к руководству, из которого можно выйти только решительными политическими шагами. Отмена статьи 6 Конституции и других статей Конституции, которые к ней примыкают,— это сегодня политический акт. Не чисто юридически организационный. Это важнейший политический акт, который именно сейчас необходим стране, а не через год, когда будет завершена работа над новым текстом Конституции. Тогда это все будет уже поздно. Нам нужно уже сейчас возродить к делу перестроечные процессы.

И последнее, что нам необходимо,— это восстановить веру в нашу межрегиональную группу. Межрегиональная группа — с ней связало население страны огромные надежды. За эти месяцы мы стали терять доверие.

Последнее, о чем я хотел сказать,— то, что говорил Гольданский: был ли подарком правым силам призыв к политической двухчасовой забастовке, и будет ли подарком правым силам объявление оппозиции. И с тем, и с другим я категорически не согласен. То, что произошло за эту неделю при обсуждении нашего призыва,— это важнейшая политизация страны, это дискуссии, охватившие всю страну. Совершенно не важно, много ли было забастовок. Их было достаточно много. В том числе были забастовки в Донбассе, были они и в Воркуте, были во Львове, во многих местах. Но не это даже принципиально важно. Важно, что народ нашел наконец форму выразить свою волю, и он готов оказать нам политическую поддержку. Это мы поняли за эту неделю. И мы этой поддержки не должны лишиться. Единственным подарком правым силам будет наша критическая пассивность. Ничего другого им не нужно, как это».

Именно в этом своем последнем выступлении Андрей Дмитриевич впервые сформулировал термин «радикализация перестройки», который через несколько месяцев употребит М. С. Горбачев в своей первой президентской речи в качестве генеральной линии своей политики.

21 декабря Ю. Н. Афанасьев зачитал Заявление межрегиональной группы, где констатировалось, что МДГ по жизненно важным вопросам оказалась в оппозиции к большинству Съезда. Этому Заявлению предшествовало голосование по программе правительства — 419 (21%) депутатов проголосовали против этой программы. Интересно, что, например, Москва и Ленинград в лице своих депутатов проголосовали против этой программы (Москва: 7 — «за», 19 — «против», 1 — отсутствовал; Ленинград: 3 — «за», 10 — «против», 2 — отсутствовало).

Социологическая служба второго Съезда зафиксировала: «Съезд одобрил программу правительства «О мерах по оздоровлению экономики...». Считаете ли вы, что в случае невыполнения этой программы депутатский корпус должен разделить ответственность вместе с правительством?» 61% депутатов ответил на этот вопрос утвердительно. Остается констатировать, что на дворе лето 1990 года, программа не выполнена, а правительство и депутаты по-прежнему «при исполнении».

Затяжка с решением национально-государственного переустройства страны обернулась кровавыми событиями в Закавказье в январе 1990 года. Трагедии Сумгаита и Тбилиси повторились в страшной комбинации. Снова реакция Центра на убийства и погромы в Баку оказалась запоздалой, когда же встала угроза утратившему доверие народа режиму в Азербайджане, была применена грубая сила с введением войск и с новыми жертвами.

26 января МДГ провела пресс-конференцию, на которой прозвучало требование срочного созыва сессии Верховного Совета для решения армяно-азербайджанского конфликта. Снова призыв не был услышан...

Внеочередной третий Съезд народных депутатов СССР был назначен на 12 марта, а накануне, как обычно, собралась межрегиональная группа.

Собрания МДГ проходят не менее интересно, чем сами Съезды. Депутат Ю. Кольцов из Керчи, рассказывая в местной газете о межрегиональной группе, написал:

«Для депутатов из «глубинки», к коим я вообще-то отношу и себя, важными являются собрания МДГ с обсуждением главных политических вопросов. Такие собрания проходили непосредственно перед II и III Съездами, а также в апреле и мае с. г. в связи с разработкой правительством «Концепции перехода к регулируемой рыночной экономике». Собрания проводятся только по субботам и воскресеньям, острые дискуссии длятся практически с утра до вечера. Это совершенно не похоже на установочные, инструктивные совещания, в чем нередко подозревают МДГ. Напротив, перед депутатами в канун Съезда на этих собраниях раскрывается весь спектр мнений. Именно это позволяет окончательно выверить свою позицию по вопросам, выносимым на Съезд, и выразить ее при голосовании».

Позиция МДГ на этот раз была следующей: не возражая в принципе против президентской формы правления, группа была категорически против того, чтобы решать этот вопрос без участия новых республиканских органов власти. Идеальным вариантом было бы рассмотрение этого вопроса в комплексе с новым союзным договором.

Что касается тактики поведения на Съезде, была выбрана схема «эшелонированной обороны». В случае, если Съезд решит все же вводить президентство, максимально улучшить сам закон, особенно настаивая на том, чтобы Президент избирался всенародным голосованием. В выборах, если Съезд все же решит избирать Президента на Съезде, участия не принимать, а вот по кандидатуре на пост Председателя Верховного Совета выдвинуть альтернативные кандидатуры.

М. С. Горбачев, опираясь на послушное большинство Съезда, прорвал все рубежи обороны, и 123 депутата могли утешаться только тем, что увезли со Съезда розовые листочки с фамилией Президента. М. С. Горбачев набрал 59,2%, А. И. Лукьянов — 53,6%.

Судьба же страны, точнее, трех ее славянских республик, решалась в эти дни не столько за кремлевскими стенами, сколько на избирательных участках. В тесном контакте с МДГ блок «Демократическая Россия» в РСФСР, «Рух» на Украине, Белорусский народный фронт боролись за своих кандидатов. Сами депутаты МДГ принимали активнейшее участие в этой кампании, многие — в качестве кандидатов.

В Москве выборы практически проходили по партийным спискам. Список кандидатов от блока «Демократическая Россия» был нарасхват, люди по телефонам уточняли, за кого им нужно голосовать, чтобы поддержать демократов. Появилось выражение — «освобожденный район».

Пока славяне только готовились к выборам, Литва тем временем выбор уже сделала, приняв 11 марта Декларацию о восстановлении своей независимости, утраченной в 1940 году.

При обсуждении вопросов на координационном совете МДГ, связанных с положением в Литве, пожалуй, впервые обнаружились столь серьезные разногласия среди депутатов-межрегионалов в отношении к этой проблеме.

Разногласия, конечно, бывали и раньше. В частности, именно расхождением взглядов членов МДГ на многие вопросы экономического и политического устройства страны объясняется такая мучительная длительная работа над платформой МДГ. Неоднократные опросы депутатов МДГ показали, что они выступают едино (более 90%) только за многопартийную систему и за крупномасштабные радикальные экономические реформы.

Тем не менее необходимый компромисс был найден, и 14 апреля от имени МДГ в адрес М. С. Горбачева и В. Ландсбергиса было направлено обращение с предложениями, аналогичными тем, которые 26 апреля Ф. Миттеран и Г. Коль направили Председателю Верховного Совета Литвы и которые в конце концов были приняты литовской стороной после более чем двухмесячной экономической блокады со стороны Советского Союза.

Итоги первого квартала показали всю несостоятельность экономической Программы, принятой вторым Съездом народных депутатов. В апреле было объявлено о новой правительственной концепции перехода к рынку. Ввиду особой важности предстоящего обсуждения на сессии Верховного Совета МДГ дважды (29 апреля и 13 мая) собиралась для выработки позиции по отношению к новой правительственной концепции. Ни у кого из членов МДГ не возникало сомнений относительно принципиальной необходимости форсированного перехода к рынку, речь шла о способности правительства осуществить этот переход. Поскольку позиция правительства постоянно уточнялась, вопрос о необходимости требования отставки правительства был отложен до того момента, когда Н. И. Рыжков доложит концепцию Верховному Совету.

24 мая доклад состоялся. Оглашение доклада правительства на Верховном Совете опустошило полки магазинов и привело к ограничению продажи продуктов в Москве. В этот же день МДГ единодушно приняла решение о том, чтобы потребовать отставки правительства. Это предложение неоднократно прозвучало на Верховном Совете и после четырехдневного обсуждения концепции было поставлено на голосование. Верховный Совет, хотя и отклонил это предложение, тем не менее отправил концепцию на доработку и детализацию. Была отклонена также попытка немедленного повышения цен на хлеб.

Подводя итоги деятельности межрегиональной депутатской группы, можно сказать, что она тянула руководство страны вперед по пути реформ. Как правило, ее предложения принимались по прошествии определенного времени, доказывая тем самым ее правоту. Этим она завоевала доверие и симпатии избирателей, с клубами которых она находилась в постоянном контакте. Результатом такой опережающей политики явился успех на выборах. Многие из депутатов, членов МДГ, завоевали высокий авторитет и заняли руководящие посты в новых Советах. Б. Ельцин, Г. Попов, А. Собчак, С. Станкевич, А. Щелканов встали во главе крупнейших Советов Российской Федерации. Министрами стали Г. Фильшин, В. Ярошенко, М. Полторанин, Н. Федоров.

Последние события, XXVIII съезд КПСС свидетельствуют о глубочайшем кризисе, в котором находится и старая идеология, и старые властные структуры. На повестке дня объединение всех демократических сил страны, и МДГ призвана сыграть в этом одну из главных ролей.

На фоне быстро крепнущих республиканских высших органов власти малопонятной становится роль нынешнего корпуса народных депутатов СССР и избранного ими Президента. Будем надеяться, что МДГ удастся добиться досрочного роспуска Съезда народных депутатов СССР, уродливого детища перестройки, сыгравшего тем не менее свою роль в трудном деле обретения свободы и демократии.

А. МУРАШОВ,
народный депутат СССР,
ответственный секретарь МДГ

ПРЕОДОЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

Семен ФАЙБИСОВИЧ.

«ВЕСЕННЯЯ ПОМОЙКА В СОСЕДНЕМ ДВОРЕ». № 1. 1986.

«Ну, это что-то вроде фотореализма, отчасти гипер...» Примерно так отвечают на вопрос: что за художник Файбисович, в каком он роде? Но отвечают неуверенно. Потому что чувствуют: наиболее схожее здесь далеко не самое близкое. Живопись Файбисовича похожа на что-то известное, но произошла из другого источника. Ее источник — удивленный взгляд, а объект — мир, увиденный как бы впервые. Что же это за мир?

Окраина. Автобус. Блеск никелированных ручек, слабое сияние билетной кассы. Затылки. Мир — пустыня. Мир, с которым невозможно примириться. Мир, в котором живут не глядя и не видя, зажмурившись и зрением, и разумом. Опустите мне веки! Увидеть — значит принять и простить.

А он смотрит. И — что удивительно — в его взгляде не заметно ни ужаса, ни отвращения. Как, впрочем, и умиления. Этот взгляд как будто ничем не окрашен. Что это? Соревнование с фотообъективом? Одно качество — пристальность — вытеснило остальные как лишние, ослабляющие внимание. Пристальность этого взгляда заразительна. Мы чувствуем, что такое огромное напряжение не могло возникнуть ни с того, ни с сего. Автору так важно разглядеть, так нужно увидеть, как будто от этого зависит его дальнейшая жизнь.

Ведь речь идет не о примирении, а о преодолении. Когда искусство включает, «пропускает» в себя реальность, сама эта реальность становится искусством, перерождается. Идет игра — схватка с жизнью в ее самом конкретном, самом будничном выражении. С той действительностью, которая так привычно плывет, мелькает, стоит перед глазами, что ее уже не замечаешь. Ее как бы и нет.

Но она есть. Она-то как раз есть. И понятно, что сойтись с ней вплотную можно только на ее территории.

Новаторство в искусстве — это изживание собственным творческим опытом общих мест художественных направлений, изживание трюизмов. Нужно понять: художник не может миновать художественность, какие бы задачи он себе ни ставил. Желание показать жизнь «как она есть» (то есть как бы минуя живопись) — это именно живописная задача. И настоящим художником движет вовсе не желание создать свою манеру, а страстная, неутолимая жажда подлинности.

М. АЙЗЕНБЕРГ

НА ВОКЗАЛЕ. 1986. Из цикла «На вокзале».

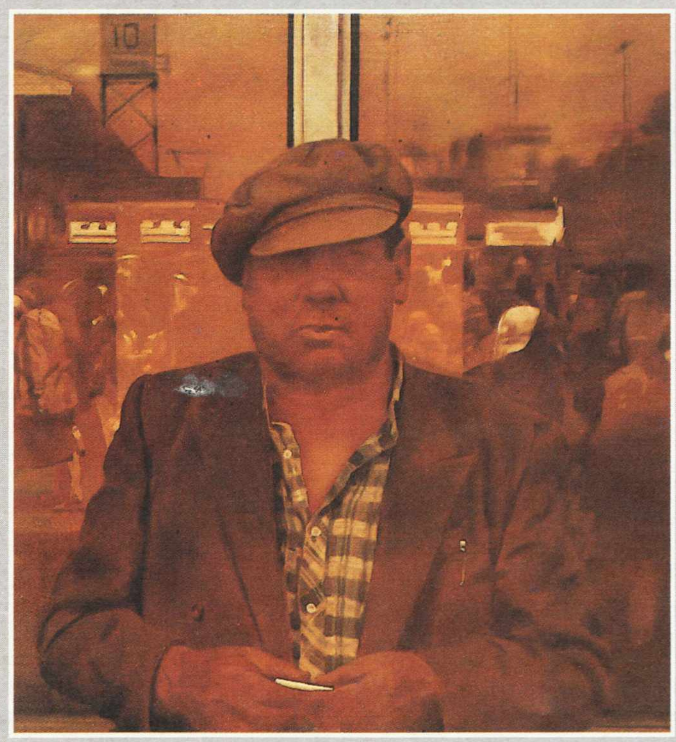

В ТАМБУРЕ.
1987.
Из цикла
«Подмосковная электричка».

ТРЕТИЙ
ЛИШНИЙ.
1988.
Из цикла
«Очередь за вином».

КРАСАВИЦА.
1988.
Из цикла
«Праздничная
демонстрация».

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ. 1987. Из цикла «Очередь за вином».

МЕСТНАЯ СУМАСШЕДШАЯ. 1987. Из цикла «Очередь за вином».

Семен Файбисович родился в 1949 году в семье офицера-железнодорожника. Окончил архитектурный институт, получив диплом с отличием. Служил, превозмогая скуку, в проектной конторе, успев, впрочем, за это время стать одним из авторов Главного пресс-центра «Олимпиада-80». Шесть лет занимался графикой, а затем перешел на масляную живопись. В середине семидесятых начал выставляться на Малой Грузинской, а с 1986 года — в Европе и США. Сейчас в галерее Филлис Кайнд в Нью-Йорке проходит персональная выставка Семена Файбисовича. Сегодня мы печатаем рассказ художника «Доброхоты».

ДОБРОХОТЫ

Семен ФАЙБИСОВИЧ

Охота пуще неволи. Какой тут может быть спор. Вот я однажды зимой иду к метро по 2-й Брестской. Догоняет меня какой-то молодой человек и говорит:

— Ваши документы.

Худенький, замерз весь. Жалко мне его стало; думаю, надо показать, удовольствие человеку доставить, а потом думаю — нет, не доставлю.

— Сначала ваши покажите,— говорю. Ну, он и отстал, окончательно несчастный. Господи, сколько их ходит таких по нашей земле, желающих, жаждущих просто документ твой проверить, сдать тебя куда надо, а самое лучшее — пристрелить, если ты хоть чем-нибудь от него отличаешься, среди таких, как он, выделяешься — ну, хоть бородой. Вот, говорят теперь, карательные органы раздуты и много на себя берут. Да как же им, бедненьким, не раздуться при таком своем народе, как же им не взять на себя лишку, когда им каждый третий готов свои услуги предложить забесплатно. Вот, говорят, каждый народ достоин своего правительства. А своих собственных органов он разве не достоин? Еще как достоин. Им, я считаю, до него еще расти и расти. Вот сейчас правительство своего народа явно не достойно, и я за правительство, но сильно сомневаюсь, чем дело кончится. Я считаю, что в СССР самое страшное социальное зло — доброхотство, а прямо за ним стоит трусость. Иногда такое ощущение, что все люди делятся на трусов и доброхотов. То есть все точно знают, что никому ничего нельзя, но трусы считают, что если кто-то делает что-то, что никому нельзя, значит, ему можно, а доброхоты считают, что это еще надо проверить, можно ему или нет. Своего рода смельчаки. Я должен сделать оговорку: это у меня наблюдения застойного времени. Вот так. И еще должен пояснить: материал для своих картин я собираю с фотоаппаратом в руках. Вот когда я беру его в руки и подношу к лицу, начинается:

— Гражданин, фотографировать запрещено.

— С чего вы взяли, что запрещено?

— Ах, он еще нагличает!

— Вы посмотрите, кругом заборы, а за ними стратегические объекты, а он другого места не нашел...

— Во, гляди, бороду отрастил, как будто поп.

Я начинаю заводиться:

— Вы что, все шпионов ловите?

— Ну-ка вот сейчас отведем тебя куда надо, и там с тобой поговорят.

И нешуточно начинают ко мне подбираться (скажем, в автобусе). Тогда я пускаю в ход проверенный прием: деморализую их страшным матом и схожу на ближайшей остановке. Однажды в метро нацелил объектив на спящего старичка, так к нему, отделившись от компании, бросился молодой человек и начал его будить, как будто тот на посту уснул. И с такой ненавистью на меня посмотрел...

А однажды все в том же метро я таки влип. Было это, как сейчас помню, 8 марта. Мне нужен был общий план вагона, а перед объективом маячила какая-то дефицитная шапка и закрывала полкадра. Я попросил ее обладателя чуть-чуть подвинуться.

— А зачем?

Я посмотрел на него. Маленький росточек. Заметно выпил товарищ. Лицо в красных пятнах и злые глазки.

— Да вот, мне общий план нужен.

— Кто вам разрешил фотографировать в метро?

— А я никого не спрашивал.

— Ваши документы.

— Давайте сначала ваши.

Достает красную книжечку. Видали мы красные книжечки.

— Ближе,— говорю,— и откройте.

Он открыл, а там написано — КГБ. Ну, я предъявил паспорт.

— Все?

— Нет, не все. Сейчас на конечной станции я вас сдам постовому милиционеру, и, уверяю вас, это только начало.

— Вы же,— говорю,— в нетрезвом состоянии.

— А это,— говорит,— вас не касается.

Ну, я решил больше не выступать: в аппарате почти полностью отснятая пленка — засветят, и все псу под хвост.

В Беляеве он пошушукался с постовым на перроне, показал ему свою книжечку, и меня повели.

— У нас,— говорит постовой,— на пункте как раз линейный офицер.

Пришли, доложили, и мои паспортные данные сообщили куда-то по телефону. Подождем, говорят. Шибздик мой ушел, а какой-то штатский, бывший в комнате (опять, думаю, гэбист), начал на меня орать:

— Вы, что, не знаете, что фотографировать запрещено, да вам за это знаете что будет!

— Нет,— говорю,— не знаю. Вот в вагонах правила висят, и здесь на столе такое же лежит, тут не запрещено.

— У нас есть закрытые циркуляры,— вмешивается линейный офицер,— а этого гражданина вы не слушайте, он тоже задержанный.

— Да откуда же,— я переключаюсь на милиционера,— можно знать, что у вас в закрытых циркулярах написано?

— Ладно, а зачем вы этим занимались?

— Я художник, собираю материал для картин.

— А почему вы его здесь собираете? Могли бы на Красной площади фотографировать.

— А что, на Красной площади можно?

— Ну что же, вы занимаетесь таким делом и не знаете?

— А каким делом я занимаюсь?

— Ну вот, час пик, толпы народа, пьяные.

— Вы мне что, шьете сбор материалов, порочащих нашу действительность?

— Нет, нет, что вы. Но почему же вы оказались именно здесь, в Беляеве? Ведь у нас есть красивейшие станции — «Новослободская», «Новокузнецкая», «Маяковская»,— снимали бы там.

— В Беляеве я оказался, потому что живу в Ясеневе. Я каждый день два раза здесь оказываюсь. А для картины мне нужен вагон, вот я в вагоне и снимал. Вам же доложили.

В это время раздается звонок:

— Да, ага, угу, есть такое дело. Так, спасибо, кто навел? Все. Ну, что ж. Мы теперь про вас все знаем.

И мне называют мою должность и место работы четырехлетней давности.

— Устарело,— говорю.

— Не может быть, у нас самые последние данные.

Достаю книжечку работника Худфонда.

— Да. Ну ладно. Собственно, у нас к вам претензий нет, мы просто удостоверили вашу личность. В метро фотографировать не запрещено. Только наперед не связывайтесь с пьяными, ну и работайте, когда народу поменьше.

Мы ласково распрощались. Через несколько лет, в разгар перестройки, фотографировать в метро было уже запрещено.

А вот еще одна история, в которой «задействован» контингент, я бы сказал, противоположного рода занятий. В ожидании электрички на платформе Перловка я снимал, задрав голову, людей, идущих по пешеходному мостику. Был теплый майский вечер, часов семь, так что из Москвы народ валом валил, а на моей платформе — в Москву — было пустовато. Подошла электричка. Я двинулся в сторону ближайшей двери, но тут же столкнулся с каким-то дядькой, извинился и пошел к дальним дверям того же вагона. Что-то меня смутило. Почему он стоял так близко, ведь на платформе было свободно. Размышляя так и двигаясь по инерции к дальним дверям, я запустил руку в раскрытую сумку, висевшую у меня на плече, и начал нервно шарить. На месте были только что сложенные туда фотопринадлежности, но не было бумажника. Я оглянулся. Какой-то человек, похожий вроде на того, с кем я столкнулся, выглядывал из тамбура, в который я не смог попасть, и, кажется, наблюдал за мной.

Ни о чем не успев подумать, я вскочил в захлопывающуюся дверь того же вагона, пересек салон (поезд тем временем тронулся) и открыл дверь переднего тамбура. Моим глазам предстало зрелище, которое редко дано увидеть смертному: в ласковых лучах заходящего солнца три амбала потрошили мой бумажник. Последующие свои действия объясняю тем, что так и не успел ни о чем подумать. Подумал бы, не полез бы. В тамбуре, кроме нас, никого. В салоне народ кое-какой сидит, освещаемый все теми же ласковыми лучами, но разве кто-нибудь сунется, если что, а из этих троих каждый один на один меня без проблем уделает. Но подумать я не успел, меня прямо взбесило, что они, занятые своим делом, даже не обратили на меня внимания, когда я вошел. Я резко выхватил бумажник, трепыхавшийся в их руках. К этому моменту один из них извлек деньги и, увидев меня, сжал их в кулаке.

— Отдай, деньги, сволочь.

Тот, что изымал у меня бумажник, наверное, главный, не растерялся:

— А ты что это фотографируешь на железной дороге? Фотографировать запрещено.

Тут я громко и напористо произнес текст. Он был незатейлив как по содержанию, так и по форме. Ну вроде того, что я вас сейчас в Лосинке сдам куда надо и там вам разъяснят, кому что запрещено, и что у вас будет еще несколько лет потом об этом подумать в специально созданных для вашего случая условиях,— это краткое содержание, а по форме это был густой мат. С мобилизацией всех наличных ресурсов. Я остановился наконец, тяжело дыша.

— Ну ладно что ль,— сказал после паузы главный,— отдай ему деньги. Не видишь что ли — свой, корреспондент.

После они стояли, понурив головы, и вышли в Лосинке. Весь сюжет, начиная с остановки электрички в Перловке, занял две с половиной минуты. А я корю себя за малодушие. Там, в тамбуре, после полной победы, я не решился достать фотоаппарат и щелкнуть своих грабителей на память, могло бы пройти — они были совершенно деморализованы,— но не решился, духу не хватило. Да у меня там, в кошельке, 17 рублей было.

Много было всяких историй. А у водочных и винных магазинов в известную пору самая опасная была работа; народ нервный и даже не очень сознательный (в смысле пролезть без очереди и т. п.), но очень даже по-прежнему патриотичный. Тут пару раз аж линчем попахивало.

На улице Чернышевского раз дружинника науськали.

— Он вас,— говорят,— фотографировал.

Там и простые люди были (щас рыло то начистим), и интеллигентные (за такую деятельность знаете что полагается,— да, да, расстрел, потому что ваша деятельность диверсионная). Подходит ко мне дружинник, аж порозовел весь от чувств:

— Вы почему меня фотографировали?

— Сейчас,— говорю,— товарищ добровольный помощник, вина возьму и потом поговорим — видите, очередь подходит.

Ну это дело святое, вина взять дали, а из магазина не выпускают, обступили с нехорошими выражениями лиц и теснят в подсобку, и, чувствую, воодушевление у них какое-то наступает. И тут вдруг склока у дверей. Кто-то лезет, а его не пускают. Дружинник отвлекся, кто-то из моей свиты тоже, ну и я продвинулся ближе к выходу. А там какой-то маленький, тщедушный вопит:

— Да стоял же я, ей-богу, стоял. Все сказали, что пустят, а теперь никто не помнит, совесть у вас есть?

Он затравленно озирался по сторонам, теснимый толпой, и наконец нашел, к кому обратиться:

— Вот вы же меня помните,— обратился он ко мне.— Скажите им...

— Да, я помню. Я им сейчас пойду и скажу. А ну-ка разрешите.

Я оттолкнул квелого дружинника и выскочил на улицу...

1988 г.

ШТРИХИ ПОРТРЕТА НА ФОНЕ ЦЕНТРОБЕЖНЫХ СИЛ

— Нет,— в понедельник утром сказала мне телефонная трубка голосом помощника Председателя Верховного Совета Латвии.— Нет. Очень сожалею, но разговор с Анатолием Валерьяновичем у вас сегодня не состоится. Груда очередных дел. К среде надо очень тщательно подготовиться. Извините.

В ту упомянутую среду, 6 июня, в Юрмале состоялось заседание Балтийского Совета. Он создан Латвией, Литвой и Эстонией в начале мая — после того как Верховными Советами всех трех республик были приняты Декларации о восстановлении государственной независимости — для координации действий и объединения сил. И в ту среду вечером я нашего Председателя Верховного Совета Анатолия Горбунова увидела на телеэкране рядом с главами литовского и эстонского парламентов. Во время транслировавшейся по телевидению пресс-конференции они подтвердили, что приняли несколько важных документов, в одном из которых на весь мир заявлено, что основой законодательного регулирования прав и свобод постоянных жителей их государств является Всеобщая декларация прав человека, Итоговый документ Венской встречи представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и другие международные соглашения.

Я слушала и думала: интересно, сколько людей по всей Латвии в этот поздний час терзаются сомнениями и тревогами насчет своего будущего, которое вне рамок СССР объявила принятая 4 мая Верховным Советом республики Декларация о восстановлении государственной независимости Латвии. Если верить результатам последней переписи населения, самих латышей осталось чуть больше половины всех жителей. Но испокон веку на востоке республики и в промышленных центрах живут русские. Среди коренного населения, имеющего на здешних кладбищах могилы прадедов,— поляки, евреи, немцы, люди других национальностей. История школ свидетельствует: в 20—30-х годах велось обучение детей на 6 языках. Так что принятие Декларации приветствовали не только латыши.

Откуда тогда отрицание акта, принятого парламентом, который родился путем демократических выборов? Кто заказывает вертолеты, сеющие над Ригой листовки о нависшей над социалистическим отечеством опасности? В этих текстах уход Прибалтики из Союза сравнивается с шагом в бездну. Хотя с официальных трибун правящего Центра уже признано, что сама наша федерация дошла, как говорят, до ручки — дальше некуда. Листовки и митинги сторонников «нерушимого» пугают людей безработицей в независимой Латвии. В то же время центральная печать пишет о южных союзных регионах, где огромная незанятость трудоспособного населения никого не волнует. Жителям Латвии преподносится возможность возникновения вооруженных столкновений, если Декларацию не отменят. Насколько помнится, ни Средняя Азия, ни Закавказье подобных документов не принимали, но последние годы там живут в условиях самой настоящей гражданской войны, если вещи называть своими именами.

Наконец, задается вкрадчиво-слезливый вопрос: а как же многочисленные связи с другими республиками, а в Союзе вместе прожитые годы, неужели ничего не было хорошего? Тут, как говорят, смешано праведное с грешным. Во-первых, никто не собирается рвать узы сотрудничества. Наоборот, их предполагается развивать еще больше на основе взаимной выгоды. Конечно, у каждого конкретного человека найдутся лично нажитые духовные ценности, рождению которых способствовали люди, встречи, контакты. На то и человек — даже у прошедших жернова ГУЛАГа есть вынесенные из застенков хорошие чувства и воспоминания. Но если посмотреть под другим углом: что дала Латвии СИСТЕМА? Уровень жизни народа ниже, чем в 1940 году. Уродливо насаженная промышленность. Истерзано до умопомрачения село. Еще немного — и латыши на кровной земле своих предков станут национальным меньшинством.

Но тысячи людей на заводах, в городах на русском языке говорят святую правду:

— Мы не сами сюда приехали, нас приглашали.

Так было угодно СИСТЕМЕ, для которой милее всех не помнящий родства Иван любой национальности. СИСТЕМА ему заменяет и мать, и отца; уже несколько поколений она держит на коротеньком поводке прожиточным минимумом, вынуждая и за него отбивать низкий поклон. А как и ЭТО отберут?.. Могут. У нас все могут — люди знают по опыту. Поэтому трудно их успокоить принятием важных правовых актов, гарантирующих достойную человека жизнь. Что касается документа Венской встречи и других международных соглашений, то рядовой советский гражданин только отмахнется: знаем, слышали, это все у нас на словах, на деле же: закон — тайга, медведь — хозяин...

На бытовом уровне есть расхожий слух: в Латвии не любят русских. Вот

Моника ЗИЛЕ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

так в сознании людей смешиваются и искажаются понятия — критика Центра воспринимается как отрицание всего русского. От незнания истории тоже. Культурное наследие Латвии бережно хранит то, что до советизации здесь создавали русские поэты, художники, просто просвещенные люди и духовенство. Латвия, латыши все это стараются возродить. Но многое растоптано.

Долго нам еще придется оплачивать долги, накопленные идеологией СИСТЕМЫ, для которой слова законов и дела зачастую находились на разных полюсах. И снова в памяти возникают слова, услышанные в день открытия первой сессии Верховного Совета Латвии этого созыва:

— Хорошо, что Председателем Верховного Совета избрали Горбунова. Только ноша ему досталась — не позавидуешь: все равно кто-то будет недоволен — или «левые», или «правые»...

Кто он — Анатолий Валерьянович реехала семья на самый порог Риги, в Марупе, и тут пригодилась трудолюбием, честностью и покладистостью. Построили дом, которым в этих местах принято давать имена, как человеку. Усадьба Горбуновых получила название «Ваверес» (Белки). Кузнец был доволен, что семья имеет свою собственную крышу над головой,— вот и все.

Да и сын кузнеца Анатолий, учась в местной семилетке и летом подрабатывая в строительной бригаде, просто любил их новый дом. О высоком — придет-де время, когда «Ваверес» станет его опорой и тылом,— конечно, не думал. Через три с половиной десятка лет, рассказывая свою биографию избирателям, Анатолий Горбунов, не побоявшийся казаться сентиментальным, с теплотой вспомнит далекое время отрочества и доброго конягу Микелиса, на котором тогда подвозил к стройке доски и кирпич...

Но в те годы он еще не был заложником. Выбрал профессию, какую сам хотел: пошел в строительный техникум. И потом, даже три года в солдатском строю, жизнь текла под знаком этого выбора: надо закончить Политехнический и стать инженером. К лидерству не стремился, хотя из армии пришел с опытом комсомольской работы. Она после получения диплома на долгие годы связала Анатолия Горбунова с Центральным (бывшим Кировским) районом Риги. Здесь он был первым секретарем райкома партии, отсюда пришел в Рижский горком, а потом в ЦК КП Латвии секретарем по идеологии.

литических событий. Впервые за годы советской власти 14 июня сюда, несмотря на гонения, пришли люди и возложили цветы в память депортированных и других жертв красного террора 40-х и последующих лет. Потом был август с требованиями народа: извлечь на свет протоколы Пакта Молотова — Риббентропа. И внеочередные собрания актива в ЦК Компартии Латвии, на которых настоятельно звучало: идти в массы, объяснить, что, дескать, «календарные волнения» вызваны заграничными подстрекателями и лишь им на руку!

Но тогда же и выявилось, что большинство партийных работников без заранее отпечатанного текста — «ни в зуб ногой»... Какие тут диалоги и живые разговоры, если собрание идет без сценария и никто не реагирует на имеющее в партийных кругах магическое действие многозначительное выражение: «Есть мнение...» Не знаю, поняли

навязанным ему принципам. Но далеко не все умы и души их принимали даже «наверху». Они по собственной инициативе в июне 1988-го собрали пленум творческих союзов, на котором своими именами были названы события 1940 года. Эти люди приходили на митинги и уводили их участников из русла агрессивности на путь раздумий и осмысления. Подальше от вспыхнувшего желания с кем-то физически расправиться или на ровном месте отомстить. Но далеко не всех ораторов тут слушали.

Одним из немногих партийных работников, кого митинги не освистывали, был Анатолий Горбунов, секретарь ЦК. Скорее всего, потому, что не прятался за броней чугунного всезнайства правящей партии, не произносил монолитных, незыблемых истин, а на виду у всех сомневался, переживал, не находил ответов и в этом признавался. Очень скоро после выступлений правые силы

Горбунов? Каким течением его вынесло на стремнину бушующих политических страстей в Латвии?

Еще недавно пели и писали: время выбрало нас. Вот уж действительно нет предела человеческой гордыне! Провозглашая покорение природы и пространства, на самом-то деле мы все были **заложниками** уродливо-горбатого отрезка времени. Оскверненное узаконенным и поправшим просвещение произволом, оно, похожее на расхристанно-пьяную бабу, с гиком неслось по бездорожью, которому на ходу придумывались названия разных этапов строительства социализма.

Один из них, размахивая флагом коллективизации, согнал с земли тысячи крестьян Латвии. Снялась с места и семья кузнеца Валерьяна Горбунова из Пилды Лудзенского района. Латгалия, восточная часть Латвии, попала под колхозный уклад, не имея ни обширных угодий, ни техники, ни местных сельских специалистов, ни руководителей, знающих и почитающих историю и традиции этого края. Зачастую всем правила неизвестно откуда взявшаяся пьянь и рвань. Надо ли еще говорить, что при таких порядках дела в латгальской деревне пошли из рук вон плохо. Нет, голода Горбуновы не знали. Но бесхозяйственность угнетала, мочи нет. Пе-

Значит, как ни смотри — партийная номенклатура. Сословие, получившее столь отрицательную окраску, что людей заводит с пол-оборота уже одно упоминание партийного аппарата. Каким же образом тогда Анатолий Горбунов был избран Председателем Верховного Совета Латвии, если учесть еще и то, что большинство нового парламента — сторонники Народного фронта, а это движение со дня своего рождения резко выступает против партийной бюрократии?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо оглянуться назад. Хотя бы на лето 1987-го, июнь которого сделал памятник Свободы в центре Риги сердцевиной и началом многих последующих по-

ли тогда эти люди, что являются заложниками догм и прагматизма, косности ума и диктатов. Многие из них просто испугались, что их вот-вот отлучат от котла распределения общественных благ. Руки, привыкшие держать поварешку, не скупились, наполняя свою тарелку.

Да что об этом говорить. Когда-нибудь наши общественные науки определят истинную степень деформации личности на разных этапах социализма, где менялись целевые лозунги, но крепла и цвела общая, в голос не произнесенная основа: кто стоит на раздаче, тот и прав; ничто не имеет значения и ценности, кроме ступени к распределителю. Чем выше, тем лучше квартира, дача, путевка, машина, паек... Не угодишь тому, кто над тобой, потеряешь дачу и т. п. Мы ругаем наших министров, руководителей отраслей: чего же вы, такие-сякие, молчали в тряпочку, если видели, что все плохо, чего не дрались, рубаху на груди разорвав?! Но наш министр — заложник распределения. За границей при смене кабинетов бывший министр идет дальше заниматься своим бизнесом. А наш — куда?.. Что имеет и что заработал, кроме подачек? Какая уж тут внутренняя свобода!

Общество пыталось существовать по

заклеймят Горбунова отступником от идеологических постулатов («За то, что не дал партийную оценку митинга,— ату его из состава ЦК!»). Чуть позже «левые» попытаются провести против Горбунова агитацию другого плана: «Он ведь публично не отмежевался от партии, из чего следует — интересы народа нигде защищать не станет». Куда ни кинь — всюду клин!.. Чтобы не сломаться, нужна для опоры основа из неменяющихся ценностей.

Вспоминая ту пору, Анатолий Горбунов и сегодня не пытается что-либо корректировать:

— Нет, я не был руководителем народного пробуждения. Во главе митингов тоже не стоял. Но мне были близки там звучащие проблемы и боль — и чисто по-человечески, и в силу занимаемой должности. Конечно, я хорошо понимал, чем мое присутствие на тех трибунах может кончиться...

Только самые близкие люди верили, что Горбунов действительно не боится потерять место в ЦК, что он ничуть не играет, когда говорит:

— Я уже давно мечтаю о работе, где тотчас можно увидеть конкретный результат,— мне кажется, только это приносит настоящее удовлетворение и желание совершенствовать себя.

Он просто не дорожил местом в но-

менклатуре. Хотя, по мнению некоторых, был относительно свободен в том смысле, что не имел казенной дачи и не нуждался в ней. Мелочь?.. Как на это смотреть. Взаимная его любовь с отчим домом только крепла год от года. Сюда он стремился каждую свободную минуту. И поносящие его «непартийное» поведение были бы ошарашены не на шутку, услышь они такое откровение:

— Меня гораздо больше заботит оценка соседями того, как я поддерживаю в порядке дом и как честно мой сын с тяпкой в руках проходит свои борозды, пропалывая свеклу в Марупе. Такое уж у меня крестьянское начало.

Ничуть его не скрывая, Анатолий Горбунов на посту секретаря ЦК получил поддержку творческой интеллигенции, всегда свободолюбивой и желающей забежать вперед времени. Конечно, не все боготворили Горбунова, но признавали честно: наконец-то тупое «руководство» творчеством сменилось умением выслушать, желанием понять и поддержать.

— Меня всегда притягивали умные люди. Я не боюсь на их фоне выглядеть неучем. В таком обществе всегда обогащаешься,— говорит Горбунов.

Но вспомним еще октябрь 1988-го. Перевели в Москву первого секретаря ЦК КП Латвии. Пленум должен был избрать нового. И тут население, обычно воспринимавшее выборы такого типа в сонном равнодушии, встрепенулось совершенно неожиданным лозунгом: «Первым секретарем ЦК — Анатолия Горбунова!» Никогда еще так не следили за ходом пленума, и никогда так явно не огорчались результатом: когда Горбунов не прошел, 1-я рижская гимназия на своем фасаде даже вывесила флаг с черной лентой...

Вскоре после пленума Анатолий Горбунов был избран Председателем Президиума Верховного Совета республики. Один из бывших коллег открыто порадовался:

— Наконец-то повезло человеку — попал на спокойное место. Хотя, если честно, мог получить что-то и получше.

Если честно, Горбунова соблазняли заграницей, устранив таким образом от всякой политической деятельности в Латвии, где очень серьезно обсуждали проект новой Конституции СССР. Обсуждение определило весьма неожиданный для многих вывод: новый Основной Закон дает республикам еще меньше самостоятельности, чем прежние. Сессия Верховного Совета Эстонии тотчас отреагировала Указом: законы СССР на ее территории вступают в силу только после того, как их одобрил Верховный Совет республики. Последовал публичный разбор этого документа в Президиуме Верховного Совета СССР, чтобы другим неповадно...

Как все меняется, не правда ли? Только что Декларацию о суверенитете, намного мощнее, чем тот эстонский Указ, принял парламент РСФСР. И — никаких всплесков осуждения, никаких телешоу... А еще два года назад выход республиканского Верховного Совета из повиновения ЦК партии вызывал шоковое состояние. «Взбрыкнула» и Латвия, чей бывший парламент был избран по лучшим традициям застоя. Но это не помешало принять несколько законов, без которых не могла бы родиться и Декларация от 4 мая. Если точнее, то законами о государственном языке, о национальной символике и другими подобными готовилось общество к решению обрести утерянную государственность Латвии.

Тут у Латвии свой вариант, имеющий отличия от радикального литовского и осторожного в некоторых формулировках эстонского. В латвийской Декларации отчетливо сказано о переходном периоде и его конечной цели — полной государственной независимости.

Будучи еще главой прежнего парламента, Анатолий Горбунов из Москвы после встречи с М. С. Горбачевым привез предложение Президента СССР дать Латвии особый статус в Федерации,— если она не последует за литовцами. Правда, суть статуса не раскрывалась, но ряды сторонников Союза в Латвии это укрепило:

— Чего же еще надо? Тут может открыться такое поле деятельности!.. Только бы Верховный Совет не напортачил под руководством Горбунова.

«Левые», в свою очередь, нажимали:

— От Совета во главе с Горбуновым радикальных решений ждать нечего. На пост Председателя есть другие кандидаты.

Однако за Горбунова из 197 депутатов проголосовали 153. Конечно, не все руки тянулись вверх восторженно. Многие с трудом пришли к логическому выводу: Анатолий Горбунов имеет не только свой ясный почерк в политике, не только опыт работы в парламенте, но и авторитет в республике. Среди русскоязычного населения тоже.

— Он хоть слушать нас умеет,— сказала мне работница электролампового завода.— Да и страхи наши, кажется, понимает.

Увы, если бы проблемы людей можно было бы решать только слушанием и пониманием. Анатолий Горбунов не раз выступал в Москве по поводу армии. Сколько ее в Латвии? Много. Тьма. И никто не скажет, такой ли именно численности требует защита границ СССР. Гражданское население бьет тревогу: военные травят море, жгут леса, затевают «нахалстрой», где им вздумается. Но самые большие претензии к тому, что в Ригу, где острейшая жилищная нужда, съезжаются со всех концов вышедшие в отставку офицеры, требуя у местных Советов предоставления квартир. Так Центр опять сталкивает лбами различные группы населения, сам устраняясь от решения армейских проблем.

Ох, уж этот хитрый Центр!.. В конце прошлого года Верховный Совет принял Закон об экономической самостоятельности трех прибалтийских республик. В законе среди многого другого оговорена самостоятельность республиканских отделений банков. Думаете, развязал Центр тут Прибалтике руки? Ничего подобного! Закон законом, а денежками командовать все равно будем мы, а без финансовой свободы глохнет любой почин и ничего толкового не завяжешь, с заграничными партнерами тем более.

Когда была объявлена экономическая блокада Литвы, многие хозяйственные работники Латвии только плечами передернули:

— Эка невидаль — давно с этой блокадой знакомы. Без всяких предупреждений срезаны в начале года фонды комбикормов для птицеводства. С февраля всячески мешают деятельности «Интерлатвии», у которой имеются товары для выхода на внешний рынок.

Да, у Центра, пожалуй, появилась новая волнующая возможность — держать руку на пульсе валютного оборота. И поскольку резолюция «отказать» или хотя бы «отложить» советскому служащему милее всего на свете, то и пользуется ею, ничуть не заботясь о государстве, интересам которого верой-правдой послужила бы начатая реконструкция пивоваренных заводов «Алдариса», впрочем, требующая валютных ассигнований. Москва отказала. Она, матушка, не дает спокойно спать Рижскому горисполкому, затеявшему строительство современных очистных сооружений с использованием для них оборудования фирмы ФРГ. Тут Рига у Москвы даже денег не просит. Есть свои 300 000 инвалютных рублей. Их надо только через Москву перечислить на Запад. Чего проще? Ан нет! Центр артачится, придумывая глупейшие предлоги, а исчерпав их, просто перекладывает денежные бумаги с одного стола на другой.

С легкой руки центральной партийной печати по стране пронеслась информация о нахлебниках из Прибалтики. Правда, в цифрах, определяющих материальное подспорье из Центра, наблюдается значительный разнобой. Но чтобы вы не сомневались — они там здорово живут за чужой счет!..

Это утверждение заставило сесть за подсчеты экономистов Латвии. Для выяснения: кто же кому и сколько на самом деле должен — создана рабочая группа. Один из ее участников, доктор экономических наук Модрис Шмулдерс, заявляет:

— Вывоз продукции и услуг из Латвии в другие республики СССР и за границу с 1945 по 1988 год был на 17,5 миллиарда рублей больше, чем ввоз. Посредством финансово-кредитных отношений Латвия за то же время безвозмездно передала в бюджет СССР, центральным банкам и министерствам на 19,6 миллиарда рублей больше, чем получила из Союза. Богатство Латвии, национализированное в 1940—1941 годах и после войны, составляло 893 тонны чистого золота, или 15 миллиардов рублей. Из этой суммы Союз безвозмездно получил 3,5 миллиарда.

Расчеты еще не закончены. Но оставим их. Иначе придется говорить о том, сколько стоят тысячи человеческих жизней, судеб и просто домов, разрушенных репрессиями и командно-административным стилем хозяйствования.

Продолжая о тактике сталкивания лбами целых народов, не могу удержаться, чтобы не вспомнить 26 августа прошлого года. В этот день на всю страну по всем возможным каналам прозвучало Заявление ЦК КПСС о положении в Прибалтике. А ситуация-то была вовсе не тревожная: ни забастовок, ни малейших гонений, ни столкновений. Да, 23 августа, отмечая очередную годовщину рокового Пакта, латыши, литовцы и эстонцы образовали живой «Балтийский путь» — взялись за руки и стояли в многокилометровой шеренге. Возможно, это кого-то напугало. Возможно, кого-то задело и обидело. Но если сравнивать с выдворением 60 тысяч турок-месхетинцев из Узбекистана... Вот-вот — в этом и цинизм сталкивания: турки турками, как-нибудь, а Прибалтику надо держать в прицеле. Неделю ЦТ давало потом сводки из Риги, Вильнюса и Таллинна, как с поля боя. Правда, немного обиженными голосами комментаторы говорили, что внешне, мол, все вроде бы спокойно, но... На это «но» в микрофоны живо откликались механизаторы Нечерноземья, всегда воинственно настроенные ветераны и случайные прохожие. Мы дома следили за этими передачами, и я мучительно думала: «Что же всетаки мне это напоминает?» Есть бородатый анекдот о человеке, который написал в редакцию, что ему, живущему напротив женской бани, ежедневно приходится смотреть на всякое-этакое; пришел проверяющий и говорит: «Так окна бани ведь закрашены», на что жалобщик: «А вы на шкаф залезьте, да ногой о потолок обопритесь, да шею хорошенько вытяните...».

Похоже, многим сегодня становится яснее, что поддерживать Декларацию о полной независимости нас побуждает не только память о своей бывшей государственности. Сомневающихся и колеблющихся все настоятельнее своими действиями толкает сам Центр. И, думаю, не надо задавать дополнительных вопросов Анатолию Горбунову, почему он теперь не с КПСС, а с независимой Компартией Латвии. Это — его убеждение, а не ход для приобретения большей популярности. Стремись он к ней, надо было выйти из любой партии такого типа вообще...

Имантс Даудишс, секретарь Верховного Совета, охарактеризовал Анатолия Горбунова так:

— Он в политике не спринтер, а стайер. На короткой дистанции легче сорвать аплодисменты. В политике надо видеть хотя бы на несколько ходов вперед. И так уж получается, что Горбунов опять идет против течения, когда парламент забывается и в эйфории стремится принять популярные среди коренного населения законы. Проявляя завидную сдержанность и терпеливость, он пытается всех нас заставить посмотреть: при помощи какого механизма закон осуществим и какие будут последствия.

А ТЕПЕРЬ НЕСКОЛЬКО ПРЯМЫХ ВОПРОСОВ САМОМУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

— Что изменилось после принятия Декларации?

— У всех нас необъяснимая детская вера в силу закона, указа... После каждого хотим тотчас руками потрогать достижение. Так не бывает. Принятие Декларации — начало пути.

— До сих пор звучат голоса, что Декларация должна была приниматься только путем референдума, что сейчас она незаконна. Как оцениваете эти заявления?

— А на какой основе проводить референдум? В Конституции СССР такой путь выхода из Союза не предусмотрен. Теперь это определено недавно принятым Законом СССР, где сказано: если референдум подтвердит выход, его результаты должны быть утверждены на Съезде народных депутатов СССР и получат законную силу, только если «за» проголосуют 2/3. Какое же тут равноправие республик? Я уже не говорю о том, что в 1940 году, когда Латвия стала республикой Союза, референдум не проводился.

— После избрания в Верховный Совет Латвии вы заявили, что будете работать во фракции Народного фронта. Как на вас распространяется дисциплина фракции и как она влияет на принимаемые решения и действия?

— Да, такое заявление было. Но тогда я был просто рядовым депутатом. Членом Народного фронта не являюсь, но идеи его мне понятны и близки. Что касается дисциплины, то, избранный на пост Председателя Верховного Совета, я должен заботиться о том, чтобы плодотворно могли работать все без исключения депутаты. Многие на этом поприще не имеют опыта. Просто насмотрелись, как действовала одна «номенклатура», и теперь применяют ее методы, хотя цели ведь совсем другие. Думаю, пройдет не меньше года, пока парламент переживет все стадии «детских болезней» и станет истинно трудоспособным.

— Надеетесь ли на помощь Запада?

— Не стоит обольщаться. Сколько раз президент США Буш, а также Гельмут Коль и Франсуа Миттеран с высоких трибун выражали несогласие с вхождением наших суверенных государств в СССР. А когда Литва хотела получить конкретную помощь, прозвучал совет руководствоваться Конституцией СССР. Нам надо заключать взаимовыгодные договоры с другими республиками. Ведь мы, например, можем служить отличным «проводником» торговли между Востоком и Западом. Но не будем жить прожектами. Люди только тогда успокоятся, когда своими глазами увидят — правительство республики в одинаковой мере печется о всех народах Латвии, не делая никаких исключений.

— Но впереди — Закон о гражданстве, по поводу которого уже столько волнений и с одной, и с другой стороны...

— Думаю — надеюсь! — нам удастся его принять, не ущемив достоинства людей.

— Как бы вы прокомментировали такие слова поэта: «Уж сколько раз, мечтая о свободе, мы строим новую тюрьму»?

— Чтобы такое не случилось, надо очень внимательно прислушиваться к оппозиции. Мы не имеем опыта коалиционного правительства. Пока что наш парламент еще болен «большевизмом»: фракция НФЛ, имея перевес над «Равноправием», нередко пользуется им неразумно. Мне лично не нравится, что

новый кабинет министров составлен в основном из латышей. По поводу этого в одном разговоре было сказано: очень даже хорошо, теперь, мол, вы, латыши, и ответите за все последующее, не на кого будет кивать... Вроде шутка, но в ней серьезный намек. Я знаю, что высокие посты предлагались и представителям других национальностей, но не были приняты.

— Почему?

— Причины могут быть разными. Многие отрасли очень запущены. Нельзя за час поднять то, что разрушалось пятьдесят лет. Но люди от нового правительства ждут чуда сию минуту. А ведь будут — никуда не денешься! — и совсем непопулярные реформы. Руководители отраслей тоже испытывают чисто человеческую внутреннюю напряженность. Думаю, ее уровень теперь, после принятия Декларации о суверенитете России и первых шагов Москвы и Прибалтики навстречу друг другу, упадет. Но на легкую жизнь надеяться не стоит. Хотя, я знаю, люди очень ждут, чтобы их такой надеждой успокоили. Я на себя такую миссию взять не могу. Всему нужно время. Мы будем хорошо жить только тогда, когда создадим демократическое государство, которое стимулирует производство, а не занимается распределением, как было до сих пор.

НА ЭТОМ БЫ И ЗАКОНЧИТЬ. Если бы не 15 мая. День, меченный для истории Латвии в 1934 году, когда Карлис Ульманис объявил свою диктатуру. Нынче же, выступая против Декларации, на 15 мая назначили забастовку Интерфронт и Объединенный совет трудовых коллективов. Организации законные, но не совсем понятные, поскольку до сих пор с разных предприятий звучат возмущенные голоса, что их включили в этот совет по принципу «без меня меня женили». Уже предполагая, что «убежденно» бастующих будет с гулькин нос, совет призвал нести свое возмущение прямо к зданию, где работает парламент. И опять, справедливо рассчитав, что «трудящихся» наберется мало, на Домскую площадь были организованно доставлены курсанты военных училищ Риги. Хотя они были одеты по гражданке, принадлежность к армии выдавала одинаково аккуратная стрижка, да и сами ребята, когда их спрашивали, не особенно отпирались. Ах, господа юнкера, кем вы были вчера... Последующей потасовкой с охраной здания командовал человек, в котором многие узнали политработника одной из войсковых частей. Все на круги своя вернуло вмешательство «черных беретов».

Было ли это попыткой свержения правительства? Или просто глупость, страх? Хулиганство, наконец?.. Весь день народ метался в тревожных вопросах. А к вечеру после долгой засухи хлынул ливень, сбивая пыль и напряжение. Обращаясь в тот день к жителям Латвии, Анатолий Горбунов призвал всех к спокойствию и выдержке, к максимальной отдаче в своей работе, не забыв отметить, что вот и долгожданный для крестьянина дождик прошел, обещая урожай. Возможно, это не самые веские слова для руководителя такого масштаба. Возможно. Он вот такой: со всеми поделился крестьянской радостью о том, как после этого дождя зазеленеет и запестреет горечавкой, кашкой, пастушьей сумкой двор вокруг отчего дома, благодаря которому не потеряна живая связь с землей и народом. Тут его самый надежный тыл. Может, это и есть самое главное — надежный тыл, а остальное — как приложение?..

УВЕРЕНА, МЕНЯ НИКТО НЕ СПРОСИТ: какую из ошибок, допущенных в нашем социалистическом обществе, я считаю самой-самой? Так вот, не дожидаясь приглашения, отвечу: самая большая беда в том, что мы взахлеб мерили просторы СССР МАЛЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ Европы, а не ОТЧИМИ ДОМАМИ.

Вы ведь понимаете, о чем я?..

МОСТ

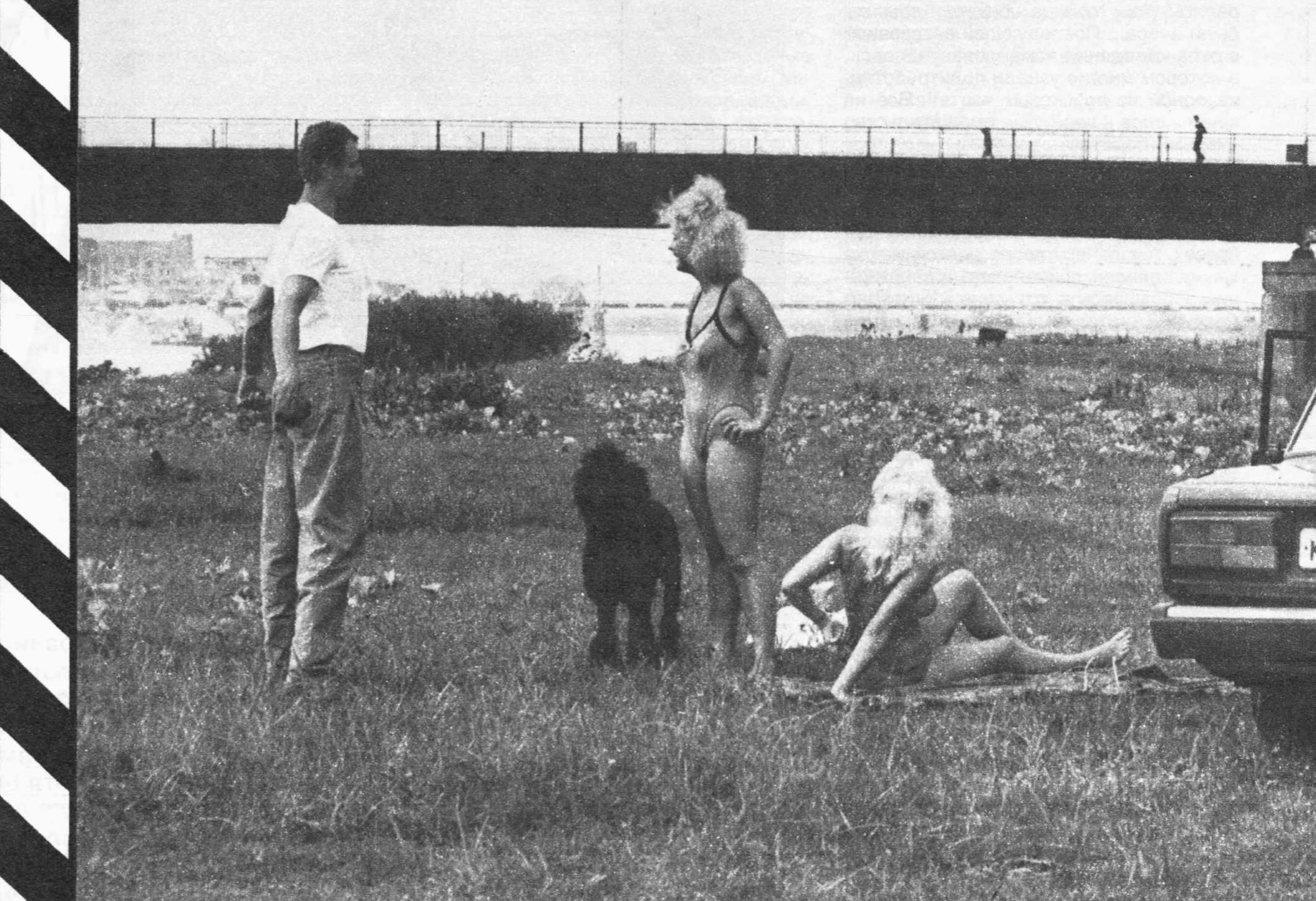

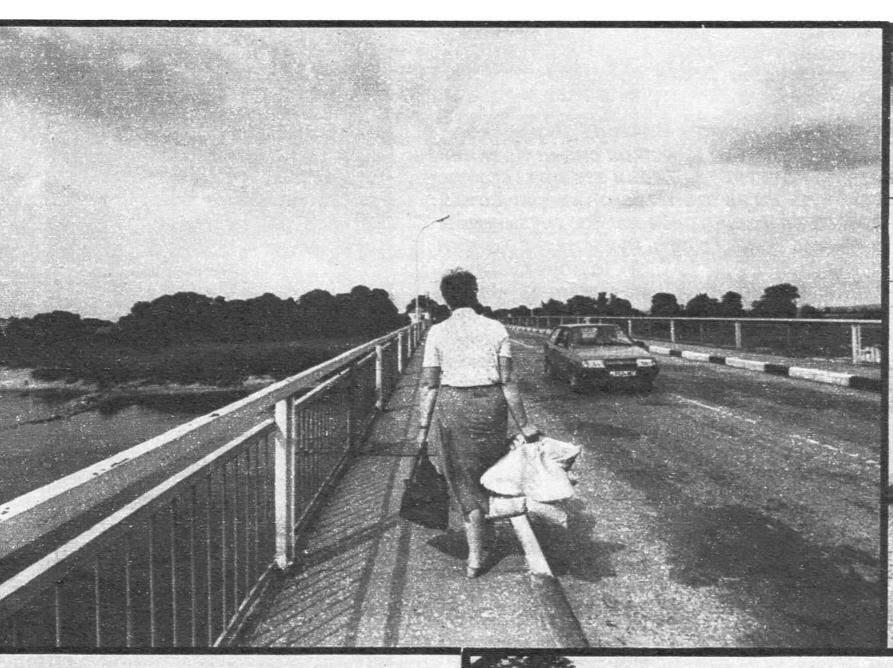
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Нормально, когда граница проходит между землями и разделяет разные земли. Хуже — территории. Между землями обязателен мост. Хотя бы ради сохранения различий. Иначе эти различия никому не будут интересны и никем не замечаемы. Территория не нуждается в связующих мостах. На мосту между Литвой и Калининградской областью установлен КПП — контрольно-пропускной пункт. После решения оборудовать КПП на литовской территории по одну сторону моста

прибыли люди в полувоенной форме и старательно закрасили прежнее наименование местности на дорожном указателе. Сверху аккуратно написали новое. Тогда, ранней весной 1990 года, это представлялось смелым действием после провозглашения независимости Литвы. Теперь мы знаем, сколько усилий стоило не разрушить то, что связывало не территории — земли, как легко обрываются связи. Уход Литвы оказался проверкой цивилизованности действий обеих сторон. Если только считать, что участвующих сторон было две.

Итак, с одной стороны — литовская земля, с другой?.. Отвоеванная земля, теперь русская, на ней стоит Советск. В этом городе сохранились

старые немецкие здания. На литовской стороне — деревня. Там домики прячутся в зелени.
Мост между ними был всегда, по нему возили товар на рынок, ездили велосипедисты, иначе как жить...
После войны с одной стороны начал ветшать бывший немецкий городок, прибавляя к своим улочкам панельные шеренги домов,— они, как наждак, стирают всякое выражение с лица любого города, да что об этом толковать. С другой стороны жила литовская деревня. Из города ходили на литовский рынок, из деревни спешили в городские магазины.
На мосту и раньше стоял КПП, но проверялись главным образом военные машины. Время от времени (есть ли смысл указывать даты?) стекла на КПП бывали побиваемы камнями.
Теперь этот мост — граница через сердца и судьбы.
Стекла разбиваются ежевечерне. И, к сожалению, теперь особенно стало заметно, как некрасив и нищ Советск. Даже не построенный, но как бы накрывший колпаком землю с домами, костелом, велосипедистами. Конечно, можно найти объяснение этому. Но объяснения не спасут город.
Люди продолжают переходить мост по пути на рынок и в магазины. Они здесь давно живут, почти не замечая перекрашенных вывесок. Можно перекроить земли, перестроить дома, перепахать, переименовать, переиначить... Но от всего этого трудно и долго изменяется жизнь, если, конечно, иметь в виду перемены к лучшему.
Все, о чем мы громко говорим, что ненавидим и о чем спорим, все, что стоит нам такого напряжения ума и воли,— все это вдруг совершенно иначе начинает восприниматься, если день провести на таком вот мосту, связывающем две земли.
Какая-то новая боль.

Довелось мне как-то присутствовать на дне рождения Виктора Шкловского. Дело отмечалось шумно, а по левую руку от юбиляра сидел Ираклий Андроников. «Сценическую площадку», конечно, держали эти два гиганта. Друг друга они не щадили при наличии чуть ли не столетнего товарищества. Хотя один совсем ничего не пил, а другой разрешал себе легкое грузинское. Но языки у обоих работали так, как в начале века. То есть пух и перья летели с обеих сторон.

Остальные — человек около сотни — просто внимали и покатывались. Боюсь ошибиться, но суть пикировки заключалась в том, что ни тот, ни другой гигант не считали себя ни писателями, ни теоретиками литературоведения, ни просто даже относящимися к литературе людьми.

Рассказ, который вы сейчас прочитаете, принадлежит человеку, по фамилии вроде бы поляку, а на самом деле Михаил Лохвицкий — чеченец. Так сложилось, что за несколько часов до смерти Лохвицкого я позвонил ему в Тбилиси и сообщил, что переслал рассказ «Ираклий» в «Огонек». Но, увы, человек предполагает — жизнь располагает: сегодня уже нет в живых ни автора рассказа, ни его героя.

Конечно, в пяти — десяти строчках трудно сказать что-либо толком о человеке. Одного не добавить не могу: Михаил Юрьевич Лохвицкий прошел войну в морской пехоте, за его спиной — и Одесса, и Севастополь, и Дунайская флотилия. А что до рассказа «Ираклий», честно признаюсь: нечасто доводилось читать столь точную и умную прозу.

Виктор КОНЕЦКИЙ

Михаил ЛОХВИЦКИЙ

ИРАКЛИЙ

Рассказ

Калуга. 1964 год.

Узнав о моих, через жену, родственных отношениях с Ираклием Андрониковым, приятель мой писатель Володя Кобликов рассказывает, что, как он случайно узнал, в лесном поселке Елинский живет потомок Лермонтова и надо бы сообщить об этом Ираклию Луарсабовичу. Зовут потомка Петром Алексеевичем Соколовым, работает он в леспромхозе.

В тот же вечер сажусь за письмо, опускаю его в почтовый ящик и на другой день вижу перед собой Ираклия и его жену Вивиан Абелевну. Не веря своим глазам, спрашиваю:

— Вы получили мое вчерашнее письмо?

— Никакого твоего письма я не получал! — кричит Ираклий.— Ты фантастически преувеличиваешь достижения нашей почты! А о чем ты писал?

Я объясняю. Он хохочет.

— Тебя опередили! До меня дошло письмо от библиотекаря из того же поселка, и, хотя в пути письмо было девять дней, оно все-таки пришло раньше твоего! Но откуда у Лермонтова мог появиться потомок? Потомков у него не было, если только он не породил сына или дочь втайне от своей бабушки и меня!

Открытое вельможное лицо Ираклия, как всегда, в движении, глаза лукаво поблескивают. Хотя родом он из кахетинского села Ждио, кахетинская степенность ему несвойственна. Как знать, может, такими же темпераментными были его далекие предки, византийские императоры Комнены? Знаменитый итальянский актер Тото тоже ведь из Комненов.

Вивиан Абелевна, ясно улыбаясь, болтает с детьми, особенно неравнодушна она к нашей дочке, а Ираклий носится по комнате. Звучный голос его гремит на все этажи «хрущобы». По ночам, если на находящемся рядом заводе не испытывают турбины, мы слышим, как за стеной дышат соседи.

— Сегодня у меня вечер в филармонии,— сообщает всему дому Ираклий,— а завтра я должен быть в Елинском, потому что послезавтра назначено мое выступление в Киеве! Надеюсь, ты сопроводишь нас в Елинский? Не находишь, что название поселка просто прелесть?

Ираклий одаряет меня комплиментом: оказывается, мой сын, которого я считаю похожим на меня, «вылитый Андроникашвили, такие же припухлости под глазами», и мы отправляемся выяснять, как нам завтра добраться до Елинского. Фамилия «Андроников» звучит, как «Сезам, откройся», и через час билеты на единственный утренний самолет у нас в кармане.

Отобедав, едем в концертный зал филармонии — деревянный, с деревянными же, окрашенными «под мрамор» белой краской колоннами. До революции здесь был конный манеж. У служебного входа нас встречает Володя Кобликов, на его красивом лице интеллигентного цыгана сияет улыбка. Вместительный зал со скрипучим полом набит до отказа, сидят даже в проходах.

Вивиан Абелевна и Ираклий уединяются в комнатке за сценой. Он переодевается там, и через неплотно прикрытую дверь слышен его голос:

— Где галстук? Вива, да где галстук?! Ах, да-да, вот он! Где запонки, куда делись запонки?! Вижу, вижу, нашлись. Боже, боже мой! Вива, на рубашке складка! Что? На спине? Ладно, сам понимаю, что под пиджаком не будет заметно! — Ираклий, разумеется, знает, что мы все слышим, и, сам получая от этого удовольствие, разыгрывает для нас представление. Но вдруг наступает долгая тишина, которая нарушается уже нешуточным воплем: — Подтяжки!! Черт бы меня подрал, подтяжки забыли!!!

Мы врываемся в комнатку. Ираклий сидит на стуле с побагровевшим лицом, стонет и, насколько может яростно, сверлит глазами Вивиан Абелевну. Выясняется, что брюки его концертного костюма в поясе сшиты, чтобы не затруднялось дыхание, свободно и могут держаться только на подтяжках. Но подтяжки остались в Москве. Ираклий умоляюще смотрит на нас.

— Спасите! Подтяжки! Всего на два часа!

Мы с Володей разводим руками.

— Все погибло,— хрипит Ираклий.— Не могу же я, стоя на сцене, удерживать штаны руками! — Он мрачно хохочет.— Допустим, публика решит, что у Соллертинского была такая привычка, но Алексей Толстой, Горький!.. Весьма сомневаюсь, чтобы в обществе у них всегда падали брюки! Скажите, чтобы билеты вернули, концерт отменяется!..

Мы, глядя на него, бессовестно смеемся.

— Ираклий, успокойся,— обрывая наш смех, строго произносит Вивиан Абелевна.— Я знаю, что Циолковский давно умер, но не могу поверить, чтобы в зале Калужской филармонии не нашлось хотя бы одного интеллигентного человека.— Она вопросительно смотрит на Кобликова.

Володя — потомственный калужанин. Побледнев, он бросается к двери. По его окаменевшей спине можно понять, что он или вернется с подтяжками, или не вернется совсем. Я бегу за ним. Мы делим зал на две части, и я хитро захватываю более перспективные передние ряды. Увы, в передних рядах подтяжек ни на ком нет. Поскольку ни я, ни Володя по недостатку времени ничего не объясняем, а лишь спрашиваем у каждого подающего надежды пожилого мужчины: «Вы в подтяжках?»,— на нас начинают обращать внимание, оживление в зале угасает, и я слышу, как говорят: «Кого-то ловят...» И тут Володя обнаруживает в последнем ряду нужного нам человека — небольшого роста, лысого, застенчивого, хватает его за локоть, поднимает и, подталкивая в спину, ведет к сцене. «Поймали!» — громко объявляет кто-то. Спешу на помощь Володе. Лысый лепечет:

— С удовольствием... о чем разговор.

Мы отводим его за сцену, и он, заикаясь, говорит Ираклию:

— Зд-дравствуйте... для вас... я и сам, если б знал...

— Давайте подтяжки! — рявкает, вскочив со стула, Ираклий.

Удлинив подтяжки, помогаем ему застегнуть пуговицы. Он довольно хохочет, гладит себя по животу и протягивает владельцу подтяжек руку.

— Вы благородный человек! Я этого не забуду, запишите мне ваше имя, отчество и фамилию! Простите, но как же обойдетесь вы?

— Ничего, ничего,— бормочет тот,— как-нибудь, подержу руками. Или, если можно, посижу на вашем стуле, отсюда ведь тоже все будет слышно...

— Сидите! — милостиво разрешает Ираклий, что-то басовито пропевает в нос, победно смотрит на нас и, несмотря на свою грузность, легко выплывает в дверь.

Мы выходим за ним, останавливаемся у одной из кулис. Когда рукоплескания в зале стихают, кто-то начинает дышать мне в затылок. Оборачиваюсь. Лысый хозяин подтяжек, придерживая брюки, через мое плечо поедает глазами Ираклия и восторженно шепчет:

— Он чудо, чудо!..

Когда после концерта Ираклий переодевается, крахмальная сорочка и майка его мокры от пота. А какими легкими, непринужденными импровизациями кажутся из зала его выступления!

Наутро Вивиан Абелевна, Ираклий, Володя и я сидим в небольшом грузопассажирском самолете. По бокам железные лавки, посередине и в хвосте груз — ящики, чемоданы, узлы и рюкзаки. Пассажиров, кроме нас, человек семь или восемь. Мотор трещит, как сенокосилка, дюралевая обшивка поскрипывает, из дверных щелей дует.

— А машиной туда нельзя было доехать? — опасливо глянув в иллюминатор, спрашивает у Володи Вивиан Абелевна.

— Там пески, по дороге болота, грузовики-то ходят, да нам недолго,— успокаивает он.

Ираклий усмехается, постукивает каблуками по полу и запевает:

— И будешь ты царицей ми-ира...

Сделав круг, самолет отдаляется от Калуги. Ухо-

дят назад высокий берег Оки, понтонный мост, купола десятков разоренных церквей, Гостиные ряды, присутственные места — бывшая резиденция губернатора, где теперь размещается обком партии. Летим низко. Внизу темнеют леса, вьются затянутые туманной дымкой речки с поэтическими названиями Серена, Шаня, Рессета...

— Володя,— спрашивает Ираклий,— а вы Соколова видели?

— Нет, но я знаком в Елинском с Устином Сергеевичем Симаковым, бывшим командиром партизанской бригады, он теперь мастер деревообделочного цеха. Соколова он знает, отведет нас к нему.

— Командир партизанской бригады? — переспрашивает Ираклий.— А сколько в Елинском были немцы?

— Зиму сорок первого.

— Когда же они там успели целую бригаду создать? М-да, война... В Германии, в замке Вартхаузен, барон Кёниг показывал мне рисунок Лермонтова — нападение французских кавалеристов на русский обоз. Сомнительно, чтобы рисунок был лермонтовский. А вот автограф стихотворения «Гость» милейший барон до моего приезда продал на аукционе! Теперь ищи-свищи! Чтоб ему!..— Стянув с головы шляпу, он яростно колотит ею по колену и снова нахлобучивает шляпу на голову. Пассажиры, ничего не понимая, таращат на него глаза.

Самолет начинает болтать. Вскоре он резко, словно падая, снижается, проносится над жидким лесом, ударяется колесами об ухабы, катится по черному полю, останавливается, и мотор глохнет.

— Елинский! — объявляет Володя.

Кто-то из пилотов выходит из кабины, распахивает дверь и спускает железную стремянку. Мы с Володей, спрыгнув на поле, помогаем сойти Вивиан Абелевне и Ираклию.

Тишина. Над землей, серпиками расставив крылья, носятся стрижи. У края поля стоит облезлая деревянная будка с ржавой железной крышей. От будки к самолету идет, хромая, мрачный, с опухшими глазами аэродромный служащий в помятой фуражке с голубым околышем.

— Когда самолет на Калугу? — спрашивает у него Володя.

— А я почем знаю,— на ходу бурчит тот,— вон, третьи сутки дожидаются.

Неподалеку от будки у редкого кустарника на жухлой траве сидят и лежат, свернувшись калачиком или развалившись, люди — старики, старухи, матери с детьми. Трое мужиков, разложив на мешковине ломти хлеба с кружочками колбасы, со строгими, отрешенными, как при молитве, лицами, разливают из поллитровки по стаканам водку.

Ираклий, посмотрев на них, оглядывается на самолет и встревоженно спрашивает у Володи:

— Как же мы улетим? В Калуге не подумали...

— Улетим, Ираклий Луарсабович, свяжемся с Калугой по леспромхозовской рации, не беспокойтесь.

— Ну-ну... А то штраф за срыв концерта в Киеве придется платить вам. Куда теперь?

— А вот по этой тропе.

Володя галантно берет Вивиан Абелевну под руку. Мы с Ираклием идем за ними.

Лес здесь давно и успешно выведен, из земли торчат чахлые березки и осинки, кустится ольха, под ногами лужицы, отражающие облака.

Позади, тарахтя, взлетает самолет, и снова становится тихо.

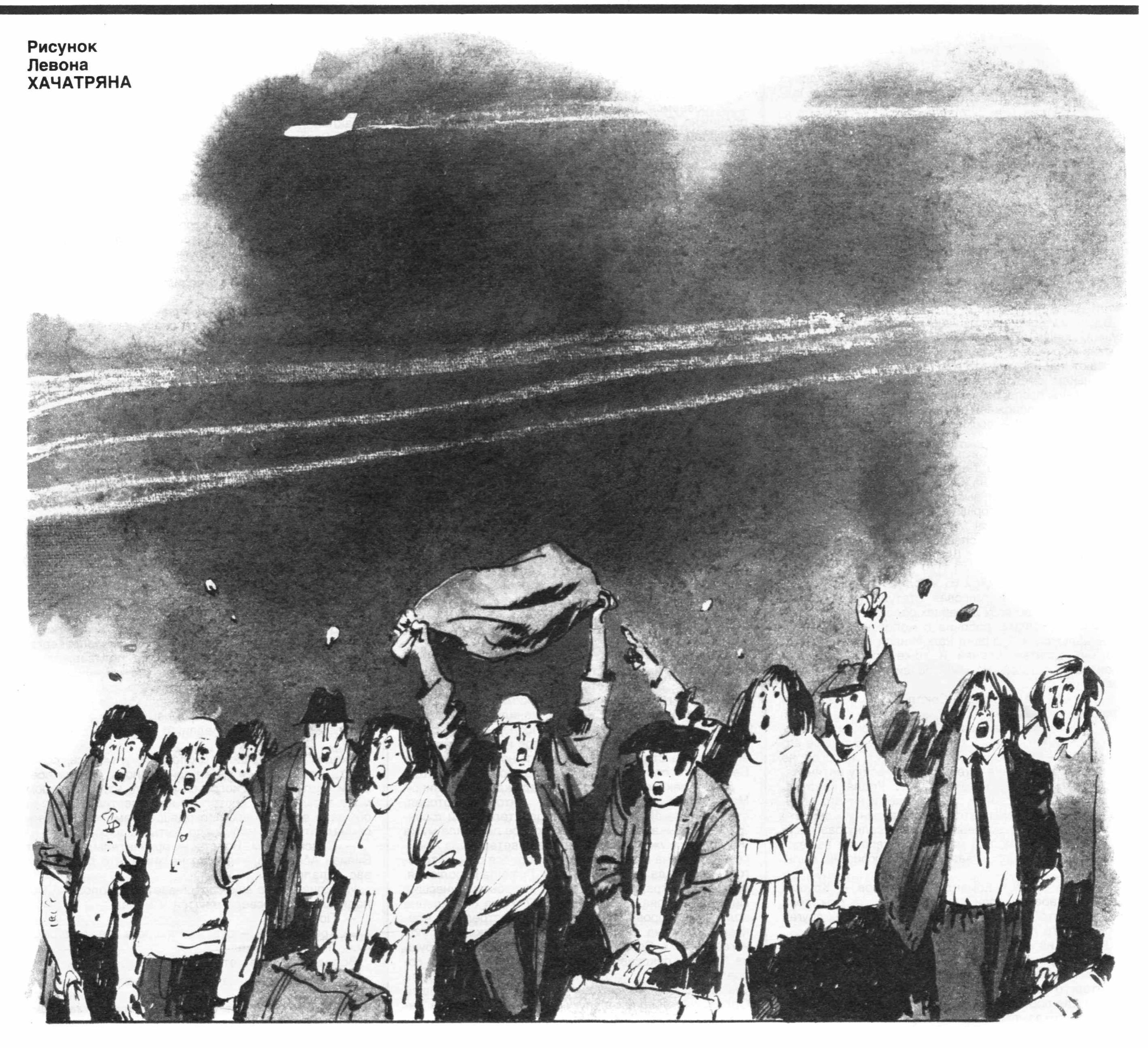
Ираклий то чему-то улыбается, то хмурится, то, вытянув губы, с сомнением покачивает головой и бормочет:

— Соколов... Ничего не понимаю... А может, нечего и понимать? Может, мальчика-то и нет?.. В теснине Кавказа я знаю скалу, туда долететь лишь степному орлу...— Помолчав, он взмахивает руками и, дирижируя воображаемым оркестром, запевает: — Тара-ри-ра!.. Турум-тум-тум!

Музыка — его вторая жизнь. А может, и первая. Не знаю, никогда об этом с ним не разговаривал.

Тропа, пошатываясь из стороны в сторону, доводит нас до поселка. Деревянные дома с телевизионными антеннами на крышах, с крылечками и палисадниками появляются неожиданно, как декорации из-за театрального занавеса. Прямая, разбитая колесами грузовиков улица пуста, вдоль домов деревянные щелястые тротуары. На акациях молча сидят

Рисунок
Левона
ХАЧАТРЯНА

вороны. Из репродуктора на столбе слышен прерывающийся голос диктора:

— Новыми успехами... встречают... сельские труженики... В колхозе имени... съезда...

Вдали надсадно воет мотор застрявшего в песке или в болоте грузовика.

Володя останавливает нас у добротной пятистенки.

— Дом Симакова.

Поднявшись на крыльцо, он стучит в дверь. Дверь тут же, словно нас ждали, открывается, и на крыльцо выскакивает здоровенный, приземистый, с багровым лицом мужик в старой военной фуражке и в заношенном офицерском кителе.

— Сергей Устинович,— заговаривает, протягивая ему руку, Володя, но тот с изумлением, в оба глаза, смотрит на Ираклия, отодвигает Володю и, перепрыгнув через ступеньки, сипло вскрикивает:

— Братцы, сам Ираклий Андроников пожаловал! Это надо же!..

Ираклий польщенно улыбается.

— Откуда вы меня знаете?

— Ираклий, друг ты мой ситцевый, а телевизор-то для чего?! Я ж всего третьего дня как рожей твоей любовался! — Ударив ладонью Ираклия по плечу, он обнимает его, трижды смачно целует и осведомляется: — А это жена небось? — И, заключив в объятия Вивиан Абелевну, подмигивает Ираклию.— А она ничаво, в соку.— Немного помятая, Вивиан Абелевна высвобождается из его рук. В дверь высовывается высокая худая женщина с тонкими губами и злыми глазами. Стиснув руку Володе и мне — от него разит перегаром, видимо, изрядно зарядился вчера, Симаков сипит: — Заходьте, гостями будете! Анька, закусь на стол! А я мигом сбегаю! Небось и у вас, братцы, уже засосало, а? День-то какой, ядрена мать! Сам Андроников как с неба свалившись! Поднимайтесь!

— Видите ли...— начинает Ираклий.

Симаков хватает его под руку, но мы с Володей, перебивая друг друга, объясняем, что приехали по делу, нам надо обязательно, и чем скорее, тем лучше, повидаться с Соколовым, а уж потом... Симаков, темнея лицом, нехотя сдается, худая женщина, наверно, жена его, облегченно вздохнув, скрывается из виду.

— Но учти, Ираклий,— грозно сипит Симаков,— так просто я тебя не отпущу! — Вдохновившись будущим, он приседает, хлопает себя по ногам, будто собираясь пуститься вприсядку, и, снова ухмыляясь, выкрикивает: — Ах ты, господи, господи, кто приехал!

Вдруг из дома на крыльцо выпархивают две девушки, юные, хорошенькие, с осиными талиями, в мини-юбочках, в туфельках на каблуках-гвоздиках, бросают на нас плутовские взгляды и, сбежав по ступенькам, смеясь, проскакивают мимо нас на улицу, оставив после себя аромат хороших духов. Мы, остолбенев, провожаем их взглядами.

— Парижанки! — восхищенно нарушает молчание Ираклий.

— Хо-хо! — сипит Симаков.— Моя швабра Анька до замужества тоже такой парижанкой была. Они в Москве обучаются, на парикмахерш, за продуктами пожаловали да денег высосать. Ладно, пошли, доведу вас до аккумуляторщика Соколова. Раньше вернемся, раньше начнем!

По тротуару идти опасно, можно, оступившись в щель, сломать ногу. Шагаем по песку посреди улицы.

Справа, за загородкой из жердей, слепо таращится на дома белая гипсовая статуя. Такие стоят, разваливаясь, во всех деревнях области: вожди, колхозники с серпами, рабочие с молотом. Последние годы калужский Худфонд наловчился отливать вместо них рогатых оленей и тоже покрывает гипс бронзовой краской. Но и с оленей она быстро слезает.

— А что за человек Соколов? — спрашивает Ираклий у Симакова.

— При немцах нам двухламповый приемник сделал, Москву слушали. А так... молчун.— В голосе его неприязнь.— Он все в кепочке ходит, никогда не снимает. Раз пацанва в темноте веревочку натянула, посмотреть, чего у него под ней. Упала кепочка, а там волосы, тесемкой завязанные, и ничего больше.— Симаков ухмыляется.— Когда сын у жены его на свет появился, акушерка всему поселку разгласила — младенец, мол, в маленькой кепочке вылез.

Навстречу, подпрыгивая, бежит босоногий мальчишка.

— А ну, стой! — командует Симаков.— Кругом! Беги до гаража, лови аккумуляторщика Соколова и объяви, чтоб домой летел, одна нога здесь, другая там, до него гости из центра!

Зыркнув на нас, мальчишка, хлопая босыми пятками по заду, перебегает на другую сторону улицы и скрывается за углом. Вскоре останавливаемся у щитового барака. За бараком огородик, сарай, загончик для поросенка и сбитая из горбылей уборная. Симаков показывает на крыльцо.

— К нему дверь. А с той стороны еще две. Три семьи проживает.

Мы примолкаем. Ираклий вертит лобастой головой по сторонам, крупный нос его вытягивается, и он становится похожим на пожилого осанистого льва, вынюхивающего добычу. Вивиан Абелевна, сощурив свои бархатные глаза, провожает взглядом плывущие по синему небу облака. Володя, посмотрев на часы, спрашивает у Симакова, где леспромхозовская контора — ему нужно связаться по рации с Калугой.

— Ежели побежишь, успеешь,— безразлично сипит Симаков,— суббота, они раньше буднего дня закрываются. А на кой тебе Калуга?

Узнав, в чем дело, он в негодовании потрясает кулаками.

— Не отпущу! А как же я? Ираклий, друг!.. Фифа, подруга боевая! На коленях прошу, в понедельник грузовиком отправлю!— Он начинает опускаться на колени, Володя и я подхватываем его под руки, объясняем, что Андроникову, хоть мир переверни, к ночи надо быть в Москве. Симаков, соображая, ненадолго задумывается.

— Тогда вперед! Володька, в атаку! Доставлю тебя до конторы, сам сбегаю, а ты, Ираклий, резинку тут с Соколовым не тяни, помни, рабочий класс будет ждать тебя! А вон и сам Соколов в своей кепочке поспешает.

К нам, легко и ровно шагая, приближается человек среднего роста в поношенном комбинезоне, разбитых рыжих сапогах, в старой егерской фуражке с длинным козырьком. Симаков и Володя, на ходу поздоровавшись, проносятся мимо него. Он подходит к нам. Обтянутое сухой кожей худое лицо. Глубоко сидящие задумчивые глаза. Слегка провалленный, наверно, нет передних зубов, рот с тонкими темно-вишневыми губами. Длинные пальцы изъедены кислотой. Ираклий не сводит с него глаз.

Здороваемся, называем себя. Лицо Соколова неподвижно. Смотрит он как-то странно, на всех троих одновременно.

— Я Андроников, Ираклий Луарсабович,— занервничав, повторяет Ираклий.— Может, по телевидению видели...

— Телевизора у меня нет,— сдержанно произносит Соколов,— но о вас я наслышан, кое-что и читать приходилось.— Он показывает на крыльцо.— Прошу.

Кривые ступеньки. Короткий, коленом, коридорчик. В углу рукомойник, на табуретке — таз, на столике примус и керосинка, на прибитой к стене полке кастрюли. Входим в комнату. Справа — лежанка, тумбочка, две табуретки, на гвоздях — одежда, прикрытая марлей. На выцветших обоях следы клопов. Слева на веревочке ситцевая, через всю комнату, занавеска. Соколов поднимает занавеску.

— Сюда.

От нетерпения у Ираклия дергается веко. Заметив это, Вивиан Абелевна успокаивающе притрагивается к его плечу.

Свет из окошка падает на дряхлый канцелярский стол и совсем уже древний венский стул. На столе бумаги, тетради, рюмка из синего стекла с карандашами и радиола «Рекорд». На полу груды старых альбомов, книг и граммофонные пластинки. Соколов приносит табуретки.

— Присаживайтесь.

Сам он садится на сырую табуретку, взятую в коридоре.

— Скажите, пожалуйста, Петр Алексеевич,— выдохнув, словно паровоз пары, воздух, спрашивает Ираклий,— вы действительно имеете родственное отношение к Лермонтову?

Соколов кивает.

— Да.

У любимой тетки М. Ю. Лермонтова Марии Акимовны Шан-Гирей (Хастатовой) были сыновья Аким и Алексей, друзья детства поэта, оставшиеся до самой его гибели самыми близкими ему людьми. В Пятигорске Алексей и Аким женились на сестрах Верзилиных, в доме которых в последний год своей жизни постоянно бывал Лермонтов и где произошло его роковое столкновение с Мартыновым. Наденьке Верзилиной поэт посвятил один из своих экспромтов.

Дочь Алексея Шан-Гирея и Надежды Верзилиной Мария тоже родила девочку — Антонию, которая, став по примеру матери преподавательницей французского языка, вышла замуж, вскоре потеряла мужа и вышла замуж вторично, за врача-ветеринара Алексея Петровича Соколова. У них родился сын, которого в честь деда назвали Петром. Грянула революция, разгорелась гражданская война — события, унесшие Петра Соколова-старшего. В 1937-м «за отравление колхозных коров» арестовали и расстреляли Алексея Петровича. Не став дожидаться, пока арестуют и казнят и их, Петр Алексеевич Соколов, его бабушка Мария Алексеевна и мать Антония Петровна собрали то ценное, что у них было и что они могли унести с собой, и однажды ночью бежали из бывшей Орловской губернии в глухую деревушку Тросна Калужской области. Шли годы. Умерла престарелая дочь Алексея Шан-Гирея Мария Алексеевна, затем и Антония Петровна...

Сидевший перед нами аккумуляторщик леспромхозовского гаража Петр Алексеевич Соколов был правнуком Надежды Верзилиной и троюродного брата Лермонтова Алексея Шан-Гирея.

Большинству из нас, за исключением, наверно, историков, события пушкинских, лермонтовских времен обычно представляются преданиями седой старины, мне, во всяком случае, всегда так казалось. И вдруг, глядя на Соколова, прислушиваясь к его ровному, лишенному оттенков голосу, я ощутил, что эпоха та не столь уж далека от нас, ведь прабабушка этого сидящего напротив меня человека смеялась, шутила с Лермонтовым, а когда он поздним вечером уходил, при свете свечи записывала в свой дневник сказанное поэтом.

Вивиан Абелевна, о чем-то задумавшись, с грустью смотрит на Соколова. А Ираклий, обрадованный, довольно подпрыгивает на грозящей развалиться табуретке и громко, наверно, всему Елинскому слышно, засыпает Соколова вопросами. Тот, чуть подумав, медленно отвечает.

Хранились ли в семье какие-нибудь реликвии, документы, архивы, письма, связанные с Лермонтовым? Да. Но значительная часть погибла во время пожара в Казачеве. Хозяин дома, в котором снимала квартиру мать Соколова, воспользовался ее кратковременным отъездом и поджег дом, чтобы получить страховку. Немало было расхищено и, быть может, уплыло за границу во время гражданской войны. И еще при обыске в тридцать седьмом... Однако кое-что уцелело. Перед Отечественной войной Мария Алексеевна передала в Пушкинский дом материнский дневник, ее портрет маслом, две гуаши, акварельный портрет Лермонтова...

— Знаю, знаю, все это я видел,— перебивает Ираклий.— Но, может, у вас сохранилось что-нибудь еще? Вспомните, скажите мне правду, умоляю вас!

Соколов, раздумывая, протягивает руку к рюмке из синего граненого стекла, достает из нее карандаши и дает рюмку Ираклию.

— Бабушка говорила, что ею пользовался Лермонтов. Их много было, дюжина, кажется. Когда он погиб, личные вещи его отправили к бабушке, к Арсеньевой, не помню, сдается, будто прадед мой их отвозил. Что-то отдали слуге Лермонтова, Саникидзе, по-моему, была его фамилия, а посуду, которой Лермонтова снабдили Верзилины, взяли обратно. Эта рюмка из тех.

Повертев рюмку перед глазами, Ираклий снова ставит ее на стол. Интереса она у него не вызвала.

— И еще,— так же сдержанно произносит Соколов,— у меня сохранился бювар бабушки, в нем два рисунка Лермонтова и несколько писем.

У Ираклия отвисает челюсть, он бледнеет, краснеет и, вскочив с табуретки, кричит:

— Покажите!!!

Соколов качает головой.

— Бювар не здесь.

Он рассказывает, что после смерти бабушки и матери, боясь за сохранность бювара, тщательно обвернул его в несколько слоев вощеной бумаги, уложил в железный ящичек и закопал в землю в деревне Тросна.

— Но они не сгниют?! Вы помните, где закопали ящик? Вы можете его достать? — наседает на него Ираклий.

— Да... Я передам его вам. Позже.*

Ираклий плюхается на табурет, утирает пот со лба и снова извергает из себя лавину вопросов. Соколов размеренно отвечает.

— Так, та-ак! — в восторге потирая руки, кричит Ираклий.— Я знал, что прав был, а они опровергали!.. Ваши семейные предания все подтверждают! Именно так: Лермонтов сказал, что причина ссоры слишком незначительная и стрелять он не станет, а Мартынов стрелял почти в упор! Самое настоящее убийство! У вас потрясающая память! Вы запомнили все детали и мелочи преданий! Где вы были до сих пор?..

Входит запыхавшийся Володя и, улыбаясь, сообщает, что связаться с Калугой удалось, сперва обещали вертолет, но когда он сказал, что вчетвером мы в трехместном вертолете не поместимся, твердо обещали вывезти нас проходящим самолетом, в восемнадцать ноль-ноль надо быть на аэродроме.

— Спасибо вам, Володя,— признательно говорит Вивиан Абелевна,— просто не знаю, что бы мы без вас делали.

Ираклий что-то еще спрашивает у Соколова. А Володя шепотом осведомляется у меня:

— Потомок?

— Троюродный,— отвечаю я и показываю на рюмку.— Лермонтовская.

Володя замирает от восторга.

* Бабушкин бювар с рисунками Лермонтова и письмами П. А. Соколов И. Л. Андроникову так и не передал.

— Что за альбомы на полу у вас? — интересуется Ираклий.

— Виды Франции, Италии. Бабушкины. У меня есть письма Собинова, маменька с ним близка была, переписывалась. И пластинки Собинова, Шаляпина, Рахманинова...

В комнату неслышно входит женщина с округлым милым лицом, на руках у нее мальчик лет полутора.

— Моя супруга,— представляет Соколов,— и сын.

Ираклий с изумлением смотрит на мальчика и толкает Вивиан Абелевну.

— Вива,— с почти суеверным ужасом произносит он,— посмотри на малыша. И вы тоже посмотрите. Этого, разумеется, не может быть, но... Он вылитый маленький Лермонтов! Гм... Наверно... Другого объяснения не найти. Наверно, этот молодой человек и Лермонтов похожи на какого-то их дальнего общего предка, скорее всего через бабку поэта Елизавету Алексеевну Арсеньеву! Дивны дела твои, господи! Не поверил бы, если б своими глазами не увидел! Только ради этого стоило в Елинский приехать!

Вивиан Абелевна с нежностью берет мальчика на руки, он что-то лепечет.

— Эй, Ираклий! — слышится с улицы сильный крик Симакова.— На выход! Рабочий класс ждет тебя!

— Петр Алексеевич,— спрашивает Ираклий,— скажите, не стесняясь, что мы в первую очередь могли бы для вас сделать?

Соколов надолго задумывается и, наконец, отвечает:

— Если можно, велите механику, чтобы он не ругался матом.

Лицо Ираклия темнеет. Он молча кивает. Вивиан Абелевна целует мальчика, отдает его матери и, смаргивая слезы, выходит из комнаты.

На улице спохватываемся, что не оставили Соколову адресов. Я возвращаюсь в барак с его женой, сажусь за стол, беру из лермонтовской рюмки карандаш и записываю на листке бумаги адреса — Ираклия, Володи и свой.

— Какая зарплата у Петра Алексеевича? — спрашиваю я.

— Шестьдесят рублей... Он на завтрак и ужин только чай пьет,— таким же ровным, как у Соколова, голосом произносит она. Так говорят люди или потерявшие надежду, или никогда не имевшие ее.

— Мы обязательно постараемся помочь вам! — говорю я.

— Ему помогите,— с лаской и нежностью в голосе произносит она.

Выскакиваю на улицу. У барака стоит только Соколов, остальные уже ушли.

— Петр Алексеевич, а вы чего не с ними?

— Они отправились к Симакову обедать. Идите. Я подойду попозже.

— Только обязательно! Мы ждать вас будем.

— Приду.

Смотрю на его неподвижное лицо и думаю: улыбается ли он когда-нибудь?

Догоняю своих, когда они уже подходят к дому Симакова.

Стол накрыт. На тарелках розоватое сало, кислые огурчики, капуста, огромная сковорода с яичницей, чугунок с дымящейся картошкой, нарезанный крупными ломтями пышный белый хлеб, чайные стаканы. Изрядно проголодавшись, мы быстро усаживаемся за стол. Хозяйки не видно. Наверно, она на кухне. Симаков довольно смотрит на нас, поднимает руку и сипит:

— А теперь торжественный момент! Внимание!

Выскочив в дверь, он тут же возвращается с бутылками в руках, приплясывая, обходит стол и ставит перед каждым из нас по бутылке водки. Но не замечает, что едва он появляется с водкой, как из кухонной двери неслышно, словно кошка, выскальзывает его жена, посвечивая желтыми глазами, неслышно следует за ним, ловко, одну за другой хватает бутылки, укладывает их в подол передника и исчезает в кухне.

Симаков оборачивается, чтобы полюбоваться на стол, и обмирает с открытым ртом. Лицо его синеет.

— Ну, змея подколодная!..

Первым из нас сообразив, чем это может кончиться, Володя вскакивает и заслоняет собой дверь. Я бросаюсь на подмогу ему. Вижу, что Ираклий тоже поднимается, лицо у него рассерженное, но Вивиан Абелевна заставляет его сесть и хочет встать сама. Теперь Ираклий ее удерживает. Однако Симаков в драку лезть не намеревается. Лицо его твердеет и становится слепым, как на том гипсовом монументе, который мы видели за загородкой из жердей. Подойдя к двери, он через наши головы проникновенно спрашивает у жены:

— Анюша, ты знаешь, чем кончаются происки против рабочего класса и вражеские диверсии?.. У меня гость, почти что сам Максим Горький... А Максим Горький что говорил? Если враг не сдается, его уничтожают.

В кухне тишина. Потом длинная рука протягивает через плечо Володи бутылку.

Обрадованный Володя подхалимски говорит:

— Вот и хорошо, Сергей Устинович, ведь по одной оно даже лучше.

Симаков издает глухое рыканье, прижимает бутылку к груди и возвращается к столу. Ираклий и Вивиан Абелевна не пьют. Мы с Володей помогаем Симакову приканчивать бутылку. Хозяйка, высовываясь из кухни, с благодарностью смотрит на всех. Но тревоги ее, кажется, напрасны. То ли Симаков успел нагрузиться без нас, то ли ему уже вообще немного надо. Про остальные бутылки он и не вспоминает. Когда я по подсказке Ираклия поднимаю тост за хозяев, осовевший Симаков оживляется, вскакивает из-за стола и кричит:

— Ираклий! В кои веки... Выступи перед рабочим классом! Пошли в цех! Бабы мои всю жисть тебе благодарны будут!

Отвязаться от него трудно. Посмотрев на часы, Ираклий нехотя соглашается.

Выходим из дому. Вороны, облепившие акации, при виде нас начинают каркать. Ираклий недружелюбно смотрит на них.

Жена Симакова тоже выходит из дому и, немного отстав, бредет за нами.

Навстречу идет Соколов. Он переоделся, надел другой, выстиранный комбинезон, смазал сапоги кремом и побрился.

— Опоздавшим кости! — весело кричит ему Симаков.— Вперед, потомок, нас ждет женский рабочий класс!

Ираклий тихо спрашивает у меня, что ему читать. Казалось бы, чего ему волноваться, но он волнуется, как всегда, заранее обдумывает свое выступление, настраивается на него. Но на этот раз ни он и никто из нас не предвидит, что его ждет.

Станки и пилы остановлены. Пахнет свежим запахом древесной сердцевины. На верстаках и сложенных на полу штабелях из напиленных досок, хихикая и переговариваясь, сидят женщины. Мы становимся в углу. Ираклий, отвернувшись, расслабляет ремень на брюках и гулко прокашливается.

— Бабоньки,— объявляет Симаков.— К нам явился сам Андроников! Вот он! Слушать в оба уха, для глухих он повторять не станет. Валяй, мастер!

Не успевает Ираклий, повернувшись к слушателям, сказать несколько слов, как Симаков громко заявляет:

— Правильно, так оно и было!

— Сергей Устинович, уймитесь! — шепчет ему Володя. Симаков, насупившись, устраивается на верстаке, но вскоре снова, правда уже вполголоса, бормочет:

— Верно... Подтверждаю... Не врет, ей-богу, не врет!..

Ираклий, побагровев, продолжает рассказывать. Вивиан Абелевна, закусив губы, отворачивается к окну. Соколов стоит у стены с неподвижным лицом и внимательно слушает. Когда Ираклий заканчивает выступление и раздаются хлопки, Симаков соскакивает с верстака и вышагивает на середину цеха.

— Вот это по-нашему, по-партизански! Фрося, выдь-ка сюды!

Навстречу ему, посмеиваясь и поводя плечами, выплывает крепкая розовощекая молодуха.

— Ударница коммунистического труда Фрося Селиванова! — объявляет Симаков.— Ударник литературного труда Ираклий Андроников! — Сделав шаг назад, он командует: — Сходитесь!

Вытянув руку лодочкой, попеременно двигая вперед и назад локтями, повиливая задом и постукивая каблуками, Фрося надвигается на Ираклия и звонко восклицает:

— Ох, вижу я, из нашего знакомства этой ночкой чтой-то получится!

— Дуреха,— сипит Симаков,— жена ведь тут же стоит!

— А чего ты, старый козел, не предупредил, что с женой он! — огрызается она, подает руку Ираклию и, сердито тряся головой, отходит.

Смотрю на часы. Надо поторапливаться. Наспех попрощавшись, выходим из цеха. Слышу, как, утешая, Володя говорит Ираклию:

— Ваше выступление останется в их памяти на всю жизнь.

— В моей тоже,— бурчит Ираклий.

Начинает смеркаться. Идем молча, даже Симаков не подает голоса. Жена его догоняет Ираклия, берет под руку и уводит вперед. Минуту спустя слышу, как он охает. Догоняю их.

— Отведи ее,— вполголоса просит он.

Я влезаю между ними. Что-то сердито прошипев, она отстает.

— Прицепилась,— вздыхает Ираклий.— Скажи, говорит, моему мужику, чтоб за Фроськой не бегал, он тебя уважает. И что ни слово — локтем мне в ребра. Наверно, весь бок в синяках...

Возле дома Симакова прощаемся с ним и с его женой. Симакова неудержимо клонит в сон. Пробормотав что-то неразборчивое, он позволяет жене увести себя.

Снова молчим. Так бывает, когда то, что было, закончилось, а то, что должно быть, еще не обрисовалось, витает где-то в туманном, неизбежно приближающемся будущем. Каждый из нас, наверно, задумался о своем, только ему принадлежащем, а впрочем, как знать, может быть, все мы думаем об одном и том же.

Вдруг Ираклий круто останавливается и принимается хохотать.

— Господи! — испуганно восклицает Вивиан Абелевна.— Что с тобой?

Не в силах что-либо выговорить, Ираклий взмахивает руками, приседает, хлопает ладонью о ладонь и хохочет, хохочет так, что из глаз его катятся слезы. Наконец он умолкает, достает из кармана платок, вытирает слезы и ускоряет шаг.

За ним идут Вивиан Абелевна и Володя. Позади мы с Соколовым. Он передвигается легко, неслышно, как тень. Слышу его негромкий ровный голос:

— Иногда я бегаю в обеденный перерыв в Тросну, на могилы матери и бабушки. Посижу около них, и обратно... Вы знаете, после тридцать седьмого вы первые, с кем я разговариваю... Когда бывает трудно, я ставлю пластинки — Рахманинов, Шаляпин, Собинов, а если и это не помогает, ухожу в лес. Ничто так не успокаивает, как лес...

— Скажите,— спрашиваю я,— на какие средства вы жили с бабушкой и матерью?

— Бабушка занималась с детьми, мама шила, а я ведь электрик. И на земле работали. Дворяне никогда не гнушались труда...

Подходим к аэродромному полю. Люди продолжают покорно дожидаться самолета. Только тех трех мужиков, которые делили водку, не видно.

Володя смотрит на часы.

— Пришли минута в минуту. Подождите! По-моему, уже летит!

Я тоже слышу далекое гудение. Люди поднимаются с земли. Переговариваются, собирают вещи, толкая друг друга, бегут к краю поля. Из будки, сонно позевывая, выбирается опухший аэродромный служака, подносит к бровям руку, смотрит из-под нее на небо и объявляет:

— В порядке очередности! Сперва кто трое суток ждет. И без нахальства! Ежели порожний, все равно больше двенадцати не возьмет! Не резиновый ведь!

Мы тоже подходим к полю.

Самолет садится, отбрасывая колесами ошметки сырой земли. Мотор продолжает работать. Раскрывается дверь, и на землю вылетает выброшенный кем-то чемодан, за чемоданом следует человек, за ним из самолета выбрасывают еще троих людей, несколько чемоданов, рюкзак, затем в двери появляются два дюжих летчика, и один из них зычно кричит:

— Которые тут писатели? Валите сюда!

Мы медлим. Выброшенные из самолета пассажиры поднимаются, кричат, кто-то ругается. Люди, ожидавшие самолета, стоят молча, то, что происходит, еще не дошло до их сознания.

— Быстрее! — кричит летчик.— Вы что, не понимаете? Для вас места освободили! Вам говорю, вам!

— Скорее, Ираклий Луарсабович! — умоляюще вскрикивает Володя,— скорее, пока не поздно!

— Я не поеду! — громко заплакав, заявляет Вивиан Абелевна.

— Вива! — рявкает Ираклий.— Завтра у меня выступление в Киеве!

Он и Володя толкают ее к самолету. Я иду за ними и, услышав позади крики, оборачиваюсь. Очередь разбежалась, одни раздобыли где-то колья, другие нагибаются за камнями. С помощью летчика Володя поднимает в самолет рыдающую Вивиан Абелевну, Ираклий каким-то чудом взлетает в дверь сам.

— Бей! — вопят сзади.— Недобитки в шляпах! Мать вашу!..

— Улетайте! — кричу я.— Мы доберемся потом, сами!

— Лезьте, пока живы! — орет летчик.

Володя уже в кабине, протягивает мне руку, и я забираюсь внутрь.

Самолет, осыпаемый камнями и комьями земли, трясясь и вздрагивая, прыгает по ухабам. Встаю на ноги и вижу в открытую дверь Соколова. Сухощавый, прямой, он стоит среди беснующейся толпы, не отводя глаз от самолета. Поднимаю руку, чтобы помахать ему, ведь в спешке мы не успели попрощаться, но пилот просит меня отойти и захлопывает дверь.

— На волоске были,— усмехаясь, говорит он,— нам из обкома наказали: кровь из носа, но писателей вывезти! Жаль, конечно, тех, но... Мы ведь сперва по-хорошему — нужны четыре места, кто сойдет добровольно? Никто не захотел, вот и пришлось...

Он уходит к себе. Я сажусь между Ираклием и Володей. Вивиан Абелевна вытирает платочком глаза. Володя виновато вздыхает. Ираклий сидит, откинув голову, и мрачно смотрит куда-то вверх. Пассажиры злобно косятся на нас, но молчат.

Скоро Калуга.

Публикация Н. П. ЛОХВИЦКОЙ

ПОСЛЕ СТРАСТЕЙ

СТАТЬЯ АЛЕКСАНДРА МОСЯКИНА «СТРАСТИ ПО ФИЛОНОВУ» («ОГОНЕК» № 15) ВЫЗВАЛА БОЛЬШОЙ ПОТОК ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ. ОДНО ИЗ НИХ ПРИШЛО ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ, ГДЕ И РАЗВОРАЧИВАЛИСЬ СОБЫТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОПАЖЕЙ ФИЛОНОВСКИХ РИСУНКОВ.

Статья «Страсти по Филонову» поднимает многие, очень важные, актуальные вопросы, прямо или косвенно связанные с общим состоянием культуры, музейного дела в нашей стране.

Контрабанда произведений искусства, пути и способы их переправки за пределы страны, неэффективность расследования во многих случаях, определяемая иногда наличием в стране «телефонного права», чаще — отсутствием правового и функционального механизма, что не позволяет доводить дело до конца за рубежом, возвращать вещи,— именно эти факты и определили «открытый финал» истории с произведениями Филонова.

Можно с уверенностью сказать еще об одном: не будь в свое время нагнетания сверху страстей вокруг отдельных явлений отечественного искусства, не было бы создано столь «питательной среды» для всякого рода жуликов и дельцов, для сплетен, слухов, махинаций, «шумных» и «бесшумных» дел, и столь уродливая ситуация с произведениями Филонова просто не могла бы сложиться.

Многие из болезней остались и по сей день: отсутствует в стране музейное право, следовательно, нет действенной правовой защиты не только при вывозе или ввозе, но даже при репродуцировании в стране и за рубежом произведений из музейных собраний СССР; в крайне убогом состоянии пребывает материально-техническая база музеев, не позволяющая обеспечить должный уровень учета, хранения и охраны экспонатов.

Поэтому, хотя статья и основательно запоздала (3—4 года назад она была бы гораздо действеннее), определенные уроки из нее извлечь можно.

Теперь о том, с чем мы не согласны принципиально и категорически. Во второй части статьи очень серьезные подозрения и даже прямые обвинения связываются с именами конкретных людей, ныне живущих и ушедших из жизни, работавших или работающих в музее, так или иначе с музеем связанных. Мы заботимся не о защите любыми средствами «чести мундира» и не хотим, чтобы все у нас было «шито-крыто». Но слухов, сплетен, домыслов, вымыслов, недоумений и несогласий, доходящих до прямой враждебности, в музее в связи с этим было предостаточно. Все это осталось, и статья может стать новым импульсом для конфронтации. Поэтому чем серьезнее подозрения и обвинения, тем более доказательными они должны быть.

Если компетентные органы, на которые ссылается Мосякин, обладают информацией о незаконной или вредной деятельности сотрудников музея или людей, с музеем сотрудничающих в стране или за ее пределами (а таких людей становится все больше, и это процесс неизбежный и необходимый), все факты должны быть обнародованы, и чем раньше, тем лучше.

Что-то может быть и на уровне подозрений — тоже было бы неплохо поделиться с администрацией; если подозрения основательные, то со всем коллективом, дав возможность ему разобраться, но ни в коем случае нельзя это публиковать всенародно, памятуя о полузабытой у нас презумпции невиновности: вина человека должна быть доказана, а не человек должен доказывать свою невиновность после публикации полуобвинений, не подкрепленных фактами, но часто весьма эффективных и убедительных для людей, недостаточно информированных; такие пятна часто становятся несмываемыми и для человека, и для всего коллектива.

За публикацию монографии о Филонове на Западе можно только благодарить Джона Боулта и Николетту Мислер (кстати, Николетта Мислер, а не Джон Боулт является основным автором этой монографии, но ее имя Мосякин почему-то не называет) и сожалеть о том позорном факте, что книга появилась не на родине художника. Для наших искусствоведов был тогда лишь один путь — тоже публикация за рубежом; ну а что за этим следовало, не нужно рассказывать. И не вина зарубежных искусствоведов в том, что на подступах к «запретным» произведениям искусства их встречали бдительные и неприступные чиновники или люди недобросовестные, а то и просто бандиты и жулики. Иного доступа к вещам не было.

То же касается и Л. И. Новожиловой — можно говорить о ее серьезных упущениях и недостатках; можно и нужно говорить о пороках системы, порождавшей во множестве подобные ситуации, но, повторяем, делать это возможно только при максимальной открытости всей информации.

Музей и сегодня заинтересован в том, чтобы история с произведениями Филонова была дорасследована; он не имеет никакой информации о ходе следствия и о причинах его прекращения.

Следует помнить и о том, что в Центре Помпиду состоялась большая выставка Филонова; она наконец открыла миру этого великого советского художника. Музей, не получив никакого содействия от министерств и ведомств, ведет прямые переговоры с Центром Помпиду о возвращении вещей Филонова. Французская сторона готова идти навстречу, но юридически решить этот вопрос очень непросто. Не хотелось бы, чтобы недостаточно корректная публикация этому помешала.

В. А. ГУСЕВ,
директор Государственного Русского музея.
Е. Н. ПЕТРОВА,
зам. директора по научной работе.
Г. А. ПОЛИКАРПОВА,
зам. директора по учету и хранению.
С. В. ЛЮБИМЦЕВ,
секретарь партбюро.

P. S. В настоящее время дирекция Государственного Русского музея, желая положить конец запутанной истории с пропажей филоновских рисунков, обратилась в городскую прокуратуру.

КОММЕНТАРИЙ АВТОРА

После публикации в № 15 «Огонька» статьи «Страсти по Филонову» в редакцию журнала и на мое имя пришло много откликов из Советского Союза и из-за рубежа. Хочу поблагодарить всех, приславших отклики и критические замечания, и сделать небольшой комментарий.

Я совершенно согласен с руководством Русского музея, оказавшим мне помощь в подготовке материала, что пороки командно-административной системы в полной мере сказались на музейной работе и на контрабанде произведений искусства, которая в 70—80-е годы приобрела невиданные масштабы. К сожалению, многие застарелые болезни (отсутствие в стране музейного права, убогая материально-техническая и финансовая база музеев и пр.) не излечены по сей день, как не изжита и практика назначения на различные посты в области культуры бывших партийных работников, не компетентных в вопросах культуры.

Случай с филоновскими «близнецами» в музейной практике из ряда вон выходящий. Но целью публикации ни в коей мере не было стремление бросить тень на Русский музей или его сотрудников. Я лишь стремился привлечь внимание к этой истории, изложил факты, показавшиеся мне странными, и выстроил версию, которую сможет подтвердить или отклонить следствие (если оно состоится). Точно так же я не хотел опорочить или обвинить профессора Боулта, а лишь констатировал факт выхода за рубежом монографии о художнике, в то время как у нас Филонов находился в «закрытом фонде» ГРМ, из-за чего советские искусствоведы утратили приоритет в исследовании его творчества. Вместе с тем хочу подчеркнуть, что если бы не сейчас, а раньше — сразу после обнаружения «близнецов» — руководство Русского музея написало заявление в прокуратуру, то тень подозрения не пала бы ни на музей, ни на его сотрудников, да и надобность в самой публикации отпала бы.

По поводу выставки Михаила Ларионова, организованной А. Наковым, также приславшим письмо в редакцию, могу сообщить, что информация взята мной из заметки, опубликованной нашими известными искусствоведами (см.: Д. Сарабьянов, Е. Ковтун, Г. Поспелов. Выставки подделок.— «Советская культура», 18 июня 1988 г.).

Что касается письма народного депутата Г. Алтуняна («Огонек» № 22), хочу уточнить, что информация по делу М. Казачкова известна мне не со слов ленинградских чекистов, а из официального ответа пресс-центра МВД СССР, опубликованного в газете «Аргументы и факты» (см.: «АиФ» № 34, 1989 г.).

И последнее. Убежден, что статья ни в коей мере не помешает возвращению рисунков Филонова, а, наоборот, будет способствовать этому. Надеюсь, следствие назовет виновных, снимет тень подозрения с остальных и поставит точку в этой запутанной истории.

А. МОСЯКИН.

ДЕ

ПРАВИЛА ИГРЫ

В новогодний вечер шестнадцатилетний Константин К. поднимался на эскалаторе к выходу со станции метро «Фрунзенская». Он решил заранее приготовить билет на концерт и затрещал «липучкой», открывая карман куртки. На звук обернулся другой пассажир эскалатора — шестнадцатилетний Эдуард Б.

«Эй, ты... Подь сюда». «Сам иди, если надо». «Ох-ох, какие мы гордые! Сымай куртку, понял? А я тебе свой ватничек... хе-хе... Не усек?» «Сейчас, разбежался. А ну убери лапы!»

Константин оттолкнул грабителя. Двадцатилетний Семен К. решил заступиться за обиженного товарища и выхватил бритву.

Единственное, что успел сделать Константин, так это пригнуть голову и закрыть от удара горло... А потом подбородок легко, как перчатка, начал сползать с лица и надо было поддерживать его обеими руками, скользкими и горячими от крови.

Эдуард Б.— житель Набережных Челнов. В Москву прибыл для грабежей, хотя уже был осужден на два года по статье 145 УК РСФСР за грабеж с отсрочкой на два года.

Семен К.— житель Чебоксар. Прибыл в Москву для тех же целей — «восстанавливать социальную справедливость», то есть грабить москвичей.

Эти двое познакомились накануне на вокзале. Задержаны на следующий день после совершения преступления. Во время ареста вели себя вызывающе. Эдуард оплевал прокурора в прямом смысле этого слова. Так же цинично держались они на суде, ни в чем не проявляя раскаяния. Осуждены на 8 лет по статье 146 УК РСФСР за разбойное нападение (наказание от 6 до 15 лет лишения

ЖЕСТКИЕ ИГРЫ

Людмила
САЛЬНИКОВА

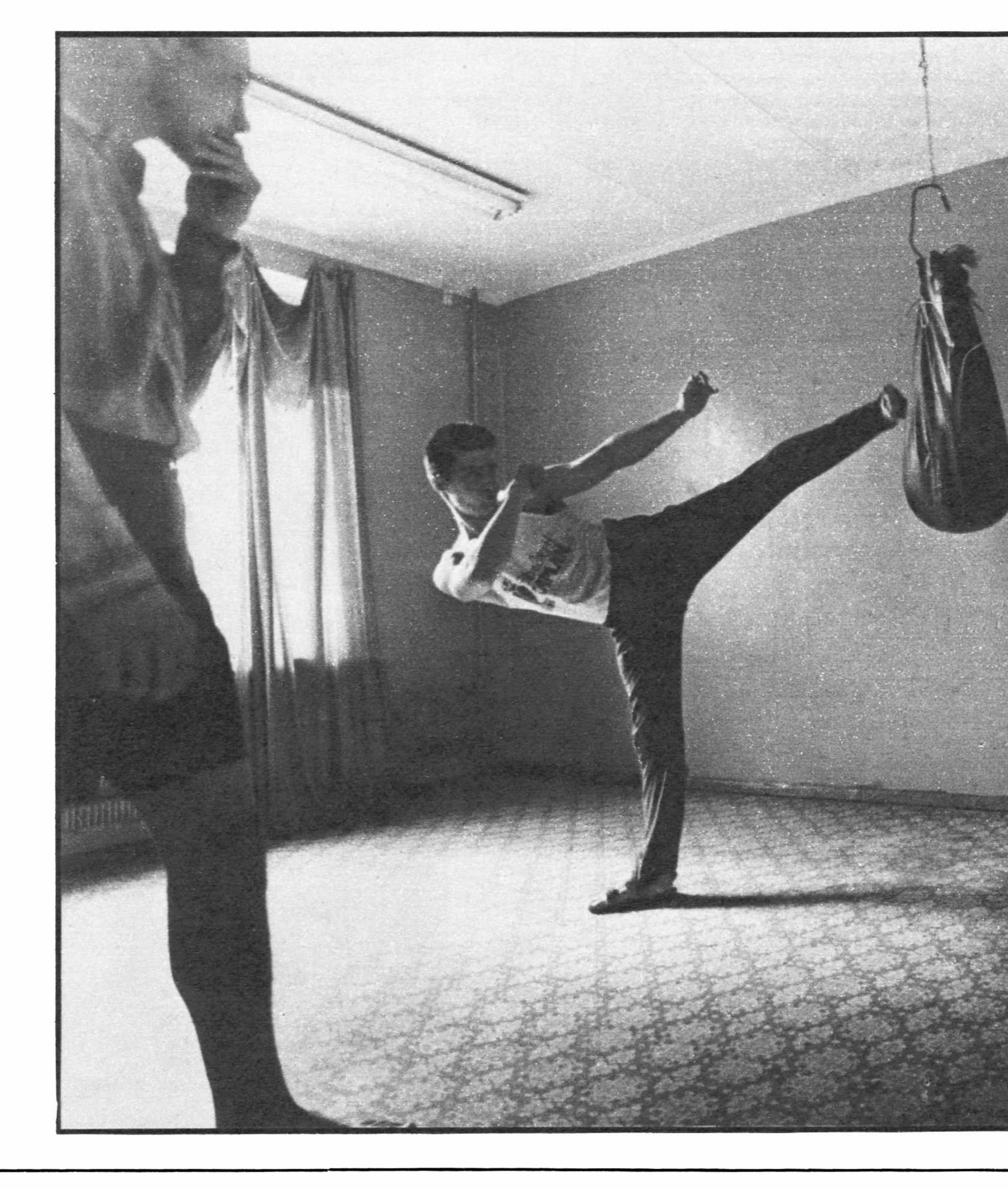

Фото
Игоря
ГАВРИЛОВА

свободы). С приговóром не согласились, полагая его слишком строгим. Ныне дело находится на пересмотре.

По словам родителей, Константин К. после происшедшего сильно изменился: стал скрытным, раздражительным. Усиленно занимается спортом, особенно борьбой. По поводу шрама через все лицо от уха до уха иронизирует («Шрамы украшают мужчину!»), но смотреть на себя в зеркало избегает.

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ. КАЗАКИ-РАЗБОЙНИКИ

— Скажи, а если парню из другого комплекса понадобится зайти на вашу территорию, ну, скажем, в аптеку, вы его пропустите?

— Че... Пусть идет. Пожалуйста... Если сможет.

— Погоди, а вдруг ему на самом деле очень надо? Мама заболела, а ближайшая аптека только у вас?

— Я же объясняю, может прийти. А дальше — его проблемы.

— Чем же он перед вами провинился?

— Он из чужого комплекса. Мы к ним сунемся — тоже получим, не сомневайтесь...

СПРАВКА: «Подростковая преступность в городе Набережные Челны в последние годы обозначилась особенно остро. Так, если в 70-е годы она возросла в 3 раза при увеличении числа несовершеннолетних в 12 раз, то за последние три года выросла более чем в два раза при увеличении несовершеннолетних лишь на 25 процентов. Ее питательной средой являются, как правило, группировки, формирующиеся по территориальному принципу. Этому во многом способствовал принцип ускоренной застройки города по микрорайонам, когда введенные комплексы жилых домов заселялись одним поколением жителей молодого возраста. По материалам социологических исследований до 25 процентов подростков в возрасте от 14 до 18 лет состоят в группировках. Никакие другие неформальные объединения молодежи (любительские, по интересам), кроме территориальных, в городе распространения не получили. Общим для таких группировок является культ силы и физического совершенства. Степень влияния на них официальных общественных структур (семья, школа, трудовой коллектив) крайне слаба».

Я разговариваю с ребятами в благоустроенном, хорошо оснащенном спортивном зале. Они приходят сюда почти каждый день и тренируются до пота. У парней табу на спиртное и курево, строгий контроль за тем, как становятся нечувствительными к боли кулаки, растут, каменеют мышцы. Так выковывается пацан, если выражаться языком «конторы». Все остальные, те, что играют на скрипочке, вышивают крестиком возле мамы,— это чушпаны, презираемый народ. С ними разговор короткий: откупайся, тогда никто не тронет. Тех, кто посильнее, кто спортом занимается, не зазорно привлекать к отдельным «мероприятиям». Самых несговорчивых можно «опустить»: избить как следует, а потом сверху на лежащего помочиться. Всем, включая девчонок.

Мои собеседники — пацаны из группировки «Ташкент», одной из старейших в городе. Когда мы въезжали на территорию «Ташкента», в машину откуда-то сверху полетело яйцо. Невидимый снайпер предупреждал, что мы пересекли границу чужого государства и находимся под постоянным наблюдением.

В «Ташкенте» во всем организованность и порядок. «Шелуха», «огурцы», то есть малолетки, подчиняются старшим. Рядовой пацан свято чтит «автора» (то есть авторитетного лидера группировки). Регулярные сборы в условленном месте — это обязательно. Не прийти — значит совершить серьезный проступок, за которым последует строгий «разбор». Так же неукоснительно надо платить дань. От пяти до двадцати пяти рублей с каждого. Куда идут деньги? На «грев». Помогать своим ребятам в зоне; нанимать адвокатов, если потребуется; устраивать погибшим пацанам пышные похороны. Ну, а уж если в Москву пацан отправился на промысел, «автор» ему целый список в дорогу приготовит: сколько и какого барахла следует привезти и сдать «начальству». И не должен пацан проявлять нескромность, интересуясь, почему «авторы» нигде не работают и все дни напролет сидят в ресторане. Не его ума это дело. Бескорыстие и бесстрашие — вот кодекс чести настоящего пацана.

— Почему вы джинсы не носите?

— Не-е-е... Джинсы носить западло. Пусть волосатики носят.

— Не уважаете волосатиков?

— Ненавидим. Они на Запад смотрят.

— Вы, значит, патриоты.

— Мы — Татарúя!

— Почему? Я вижу среди вас и русских...

— Все равно вы — москвичи, а мы — Татарúя. Что — нельзя?

Старожилы вспоминают, что, когда город только начинался, в разных его районах стихийно возникали «пятачки», где встречались татары, башкиры, украинцы, чуваши, чтобы вспомнить свои национальные песни, просто поговорить о том о сем с земляками. Но постепенно растворились «пятачки» в нарастающем безликом людском потоке, говорящем на полуграмотном русском языке.

Возникла еще одна непредвиденная неловкость. Куда деться в воскресенье, если в городе у тебя нет ни родителей, ни родственников, ни старых, добрых друзей? Когда пошли первые в городе смерти, то захоронения производились, как правило, не на местном кладбище, а на родине усопших.

Потребность Набережных Челнов в кинотеатрах (о театрах речь и не идет), клубах, кафе, стадионах удовлетворена менее чем на треть. Какой вид досуга в этих условиях изберет молодежь? ...Невероятным образом подскочила рождаемость.

Тут же выяснилось, что яслей и детских садов на случай взрыва рождаемости проектировщики не предусмотрели. А ведь дело происходит в городе, где нет бабушек и дедушек. Детишек находят запертыми в квартире. Или оставленными у случайных лиц без определенных занятий...

Детсад — полбеды. Как быть с жильем? Его катастрофически не хватает. И тогда чей-то (знать бы чей!) руководящий гений находит ловкий выход из положения: заселять в типовые (то есть малогабаритные, с тесными прихожими и маленькими кухнями) квартиры не одну семью, а несколько — по количеству комнат. В пятнадцатиметровую комнату помещают семью с двумя детьми, в девятиметровую — с одним ребенком. В трехкомнатной квартире собирается одиннадцать-двенадцать человек...

— У вас бывают конфликты с милицией?

— Что вы! Мы же мирные... Разве не видно?..

— Слышали про рост молодежной преступности в вашем городе? Чего ребятам не хватает, как думаете?

— Видики надо в каждом комплексе поставить. И компьютеры игровые. Все бесплатно. Тут один чувак решил у нас видеосалон открыть. Мы к нему пришли, сели. Он говорит: гоните деньги за билеты. Мы популярно объяснили, что живем здесь и ходить будем бесплатно, когда захотим. Он не понял. Пришлось как следует объяснить... Закрыл свою лавочку и смотался.

Еще несколько лет назад в милицейских сводках преобладали факты массовых драк челнинских подростков. Комплексы вели войны за территорию. Теперь пацаны грабят своих сверстников, вымогают деньги у продавцов пива, приемщиков стеклотары, кооператоров и прочих, кто делает капитал в их владениях.

— Ребята, а вы работаете, учитесь?..

— Кто в школу ходит, кто в ПТУ. На КамАЗе ишачим...

— Нравится на заводе?

— Ха! Нас туда из ПТУ как в исправительно-трудовую колонию. У главного конвейера поставят — чтоб не отойти. На заводе только дураки работают. Или из-за квартиры... Надо хорошую работу искать. Официант, например...

— А в армию готовитесь?

— Не-е... В армию неохота...

— Почему? Вы так много спортом занимаетесь. Какой же мужчина без армии?

— Ой, только не надо...

Парням надоело впустую тратить время. Они потянулись к выходу.

— Все, что ль? Нам пора... Вы б к нам без ментов пришли, мы бы больше рассказали. Слабо взять такси и без охраны приехать?

— Я подумаю. Можно последний вопрос? Вы верите в перестройку?

— Не-а...

— А что, по-вашему, будет?

— Что? Диктатура опять будет. Твердая рука, как при Сталине.

— И вы этого хотите?

— Хотим, не хотим... Будет, и все...

Выходим из спортивного зала. Давка в дверях вплотную прижала к ребятам, иные из которых выше нас на голову. Неожиданно сорвался шальной вопрос:

— По-честному: встретили бы нас, москвичей, на улице — избили бы?

— Хм... Тебе, тетя, сказали бы: «Беги...» Фотографу твоему дали бы пару раз.

— Почему только пару?

— Жалко, старенький ведь.

Во двор мы вышли под громкий хохот пацанов. Непроизвольно посмотрели вверх, ожидая нового яйца, посланного неусыпным дозорным. А получили в спину злое шипенье: «Из огнемета бы вас всех...»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Ильдус Нафиков пять лет проработал в прокуратуре Набережных Челнов, сейчас он инструктор горкома партии, серьезно занимается челнинскими подростками.

— Напугали вас мальчишки?

— Есть немного.

— На самом деле группировок с преступной направленностью у нас меньше половины. Многие объединяются только с целью обороны. Ребята устали от бесконечных войн, поверьте!

— Что же мешает миру?

— «Авторам» мир между группировками не нужен. Только в состоянии перманентной «военной опасности» они смогут сохранять жесткую иерархию и дисциплину в «конторах», а значит и управлять ими. Сами же «авторы» прекрасно дружат между собой, проматывая собранные пацанами деньги в ресторанах.

— Власти города как-то пытаются повлиять на ситуацию?

— Надо честно признаться, пока организованная преступность гораздо лучше нас владеет навыками социального управления. Но кое-чего добиться удалось. Появился, например, инициативный человек — Николай Васильевич Репин. Опытный тренер по дзюдо и хороший педагог. Он создал при горкоме ВЛКСМ объединение «Отвага». Вместе с ребятами переоборудовал подвалы в спортивные залы, начал вести тренировки. Парни приходят к нему по доброй воле, им интересно, поэтому у них нет негативной установки на «проповеди» тренера. Кроме занятий спортом, Репин организовал в «Отваге» службу, которая помогает подросткам устроиться на работу, теперь горит желанием создать молодежный культурный центр с кафе, дискотеками. Горисполком помог «Отваге» деньгами, теперь это хозрасчетная организация. А Репина сделали зампредом исполкома по делам молодежи.

— Все, что вы рассказываете, прекрасно. Тем не менее преступность несовершеннолетних в городе продолжает расти...

— Что вполне закономерно, поскольку продолжает увеличиваться подростковое население Набережных Челнов. Нужны экстренные меры по отвоевыванию ребят у преступной среды. К сожалению, эта проблема тонет в массе других острейших нерешенных вопросов. Сами знаете, какое сейчас время...

МОСКВА. СЫЩИК, ИЩИ ВОРА

СПРАВКА: «В 1988 году во время проведения специальных мероприятий по предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых подростками и молодежью из регионов Поволжья, приезжающих в Москву, было задержано 469 человек в возрасте от 14 до 22 лет. По законченным уголовным делам к ответственности привлечено 48 человек за совершение разбоев, грабежей, изнасилований, краж, ношение холодного и огнестрельного оружия.

В 1989 году количество подростков и молодежи из этих регионов, приезжающих в Москву с целью совершения преступлений, увеличилось. Задержано 928 человек, окончены производством уголовные дела в отношении 169 человек.

Преступления, совершаемые несовершеннолетними из Татарии, Чувашии и Мордовии, отличаются особой дерзостью, носят групповой характер, практически каждая группа имеет холодное или огнестрельное оружие».

Вечером на Петровке, 38, людно, как в разгар рабочего дня. Есть подозрение, что этот самый разгар как раз и начинается ближе к ночи. Во всяком случае, в 21.30 в отделе по борьбе с групповой преступностью несовершеннолетних МУРа, созданном год назад, яблоку негде упасть. Собрались двадцать сотрудников — почти весь наличный состав отдела. Прилетел из Ка-

зани старший оперуполномоченный УУР МВД Татарии Александр Попов, ведающий подростками в своем регионе, подъехал Юрий Мороз — старший оперуполномоченный ОУР УВД Набережных Челнов, знающий всех «трудных» мальчишек в своем городе.

Начальник отдела Михаил Ваничкин проводит перекличку, распределяет задания. Садимся по машинам.

На часах одиннадцать вечера. Самое время ехать ко второму подъезду Казанского вокзала. Там сейчас идет «вечерняя поверка». Приходят искать ночлег подростки, оставшиеся без крыши. Успевшие хорошо «поработать» за день сдают «кассиру» награбленные деньги, меняются друг с другом добытыми разбоем вещами — так легче запутать милицию. Утром на этом же месте состоится знакомство с новенькими, приехавшими ночными поездами, обсуждение планов на предстоящий день, сколачивание компаний для совместных действий. Теперь не ходят большими группами. Два-три человека, не более. Вполне боеспособное формирование.

Заметить в вокзальной толпе «десантников» из Поволжья просто. Достаточно один раз увидеть, чтобы никогда уже не спутать. Главная примета — неимоверной ширины брюки. Брюки-символ. Брюки-вызов. Сколько ателье в больших и малых провинциальных городах ударно перевыполняют план, без устали выдавая погонные метры необъятных брючин! Особый шик в сочетании таких брюк с телогрейкой. Это же универсальная экипировка бойца. В широких брюках удобно бегать, прыгать, бить ногами. А ватник прекрасно смягчает удары, трудно поддается захвату.

Сей костюм, впрочем, по приезде в Москву быстро «обновляется». Вон сколько ходит по улицам хорошо одетых ребят, шмотки все больше заграничные, из-за кордона привезенные. Почему не поделиться с простыми парнями из глубинки, у которых отцы и матери по заграницам не ездят, а вкалывают всю жизнь на заводах?

И еще как делятся! Даже сильно настаивать не надо. Москвичи — народ легкоранимый, пугливый. Только останови на улице, отведи в сторонку и загляни проникновенно в глаза. Пусть даже рядом милиционер стоит — что он сделает? Товарищ же сам, охотно, без посторонней помощи снимает с себя одежку. И никаких претензий не высказывает. А потом ведь на время вещь одалживается. Пусть приходит на это же место через неделю — назад получит. Ах, не приходит? Так сам виноват. Хотели же по-честному...

— Желаете посмотреть, где они ночуют? — предлагает Ваничкин.

— Что за вопрос!

— Есть тут одна квартирка. Хозяин полгода назад въехал по обмену и как сквозь землю провалился. А в доме устроил настоящий притон для наркоманов, проституток, воров. Теперь подростков начал пускать на ночлег. Представляете, какую «школу жизни» они там проходят...

Пока автобус виляет по темным улицам старой Москвы, Александр Попов подсел ко мне поближе:

— Только не пишите, пожалуйста, про «Казанский феномен»! Неправильно это. Посмотрите — едет все Поволжье. А у нас, между прочим, обстановка стабилизировалась. Да и как не стабилизироваться, когда во всех районах Казани созданы при РОВД спецгруппы «Лидер». Дополнительный штат выделили, чтобы контролировать каждую улицу, каждого парня из группировки. Любой их шаг нам тут же известен, еженедельно все сотрудники «Лидера» отчитываются перед УВД города, а два раза в месяц — перед республиканским начальством. Вот и бегут пацаны от нас в Москву, надеются, что здесь их поймать трудно.

Притормаживаем возле девятиэтажного кирпичного дома на улице Щепкина, поднимаемся на пятый этаж. Приказ с порога: «Всем встать! Не двигаться!»

Смятенное мелькание теней, невнятное шевеление по углам — и в середине едва освещенной комнаты выстраиваются девять подростков.

Упрямо выставленными вперед крутыми лбами они похожи на скалящих зубы волчат. Мешает, сбивает с толку противоестественное сочетание: увесистые с татуировками кулаки и не ушедшая еще детскость в округлости лиц, в трогательной оттопыренности ушей. Бандиты? Нашкодившие дети?

Из мебели в комнате тумба и шкаф, повернутый к стене. В углу брошен драный матрас. Ни подушки, ни тем более постельного белья. Над изголовьем пришпилен к обоям плакат с портретом Шварценеггера. Оперативники осматривают комнату, надеясь найти оружие. Тщетно. Чувствуется выучка. Раньше с чем только в Москву не приезжали. На Петровке, 38, в большом посылочном ящике хранятся самодельные ножи и заточенные напильники, металлические пруты и шары, туристические топорики и молотки-«шутильники», кастеты, обрезы, даже самодельные гранаты. Целый арсенал, изъятый у приезжих подростков.

Однако за хождение по городу с подобными игрушками легко схлопотать срок. Это подтвердила волна судебных дел. Поумневшие подростки теперь появляются в столице с пустыми руками. Необходимые «орудия производства» им предстоит раздобыть на месте.

У выстроившихся в шеренгу как по команде появляются документы: паспорта, свидетельства о рождении. Тоже жизнь научила. Без удостоверения личности сразу попадешь в отделение милиции, оттуда, чего доброго, в приемник-распределитель для несовершеннолетних, ну а потом принудительно направят по месту жительства.

Юрий Мороз ищет среди ребят своих — из Набережных Челнов. За тем, собственно, и приехал. По личной инициативе.

— Кого я вижу! Рома, привет! — Это Юрий наконец разглядел в полутьме молчаливого высокого юношу, стоящего отдельно, у стены.— Опять за старое взялся?

Вполголоса нам поясняет:

— На прошлой неделе этот парень был задержан возле «Националя». Продавал несовершеннолетнюю гражданку за триста рублей представителям южной национальности.

Ребят по двое выводят из квартиры и сажают в автобус. На переднем сиденье улыбается входящим круглолицая хорошенькая особа лет шестнадцати.

Это та самая несовершеннолетняя гражданка, которую мы упоминали только что в разговоре. Шла на квартиру. Зовут Наташей, нигде не работает и не учится, имеет полугодовалого ребенка. В паре с Ромой работает не в первый раз. Настоящая преступная группа.

Везем постояльцев квартиры в 69-е отделение милиции. Там уже пацанов тридцать — сорок. Задержаны у трех вокзалов.

— Мама уснула на вещах, а я пошел искать квартиру, где переночевать.

— Еду к бабушке во Владимир.

— Хотел в Мавзолей сходить.

Этот последний — рыжий парень с ясным, невинным лицом отличника — не скрывает, что издевается.

— Познакомьтесь с нашим Альбертиком, наверное, в десятый раз его задерживаем. Все никак не дойдет, бедный, до Мавзолея.— Ваничкин большой рукой гладит задержанного по коротко остриженному затылку.— С кого на этот раз варенку снял?

Содержимое карманов наших ночных знакомых весьма любопытно. Сигареты, какие-то таблетки, брелоки с изображением голых девиц, презервативы... Денег копеек двадцать — тридцать, а одна ночь в притоне стоит семь рублей с носа. По последним сведениям, приезжих парней охотно использует московская мафия в качестве рэкетиров. Ставка — 50 рублей в день.

В дальнем ряду испуганно таращится по сторонам трогательная парочка. Белокурая курносая девчушка в небесного цвета куртке крепко обняла плечистого парня.

— Они так и приехали в обнимку?

— Что вы! Познакомились только что на вокзале.

Три часа ночи. Скоро начнут подходить утренние поезда из Поволжья, а эту партию юных путешественников пора отпускать. Зачем их сюда приводили? Чтобы не чувствовали себя в большом городе безнаказанными и неузнанными, чтобы помнили, что сведения о них теперь надежно хранятся в картотеке МУРа. Но разве милиция всемогуща? Разве ей одной под силу уберечь ребят от преступления? Почему милиционер нередко бывает тем единственным взрослым, кто интересуется подростком?

Михаил Ваничкин с тревогой провожает ребят:

— Кто их подберет ночью, с десятью копейками в кармане? Представляете, в прошлом году в Москве не было возбуждено ни одного уголовного дела за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность! Пацаны на суде из ложного геройства божатся: «Дяденька не знал, что мне восемнадцати не исполнилось...» Надо срочно менять наши «гуманные» законы, чтобы взрослым было крайне невыгодно втягивать в свою деятельность малолеток.

Последней выходит белокурая девчушка в голубой куртке, застенчиво оглядывается на нас. Только потом станет известно, что прямо из отделения ребята повели ее на стройку и «любили в очередь». Домой она вернулась под утро. В милицию заявлять не стала...

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

— Объясните, что за напасть такая на Москву свалилась? Откуда взялись эти подростковые группировки? — с таким вопросом пришла я во ВНИИ МВД СССР. Меня направили в отдел по разработке проблем борьбы с преступностью несовершеннолетних, к старшему научному сотруднику, кандидату юридических наук В. Гришину. Он понимающе покачал головой:

— Да-да, конечно, все это шокирует. Раньше публику оберегали от информации о молодежных бандах, а теперь вдруг показали истинную картину... Никакого феномена нет, уверяю вас. С теми же явлениями сталкиваются, к примеру, американские полицейские, но тамошние подростки гораздо лучше организованы и вооружены, чем наши. И стаж преступной деятельности их группировок исчисляется не одним десятком лет. Мы же только начинаем...

— Значит, остается принять рост детской преступности за некую данность и смириться?

— Нет, разумеется! Просто начинать надо не со следствия, а с причины. Почему подростки образуют группировки? В этом возрасте велика потребность в романтике, героических поступках, в какой-то собственной тайне.

— Понимаю. Маленькие индейцы, Тимур и его команда, секретные шалаши и подвалы... Без этого невозможно представить детство...

— В какие формы выльется такая игра — зависит от окружения ребенка. Пионерская организация, комсомол не обращены к нашему школьнику: подросток там не живая личность, а усредненный «объект воспитания». Тем сильнее у ребят желание создать что-то свое, противоположное мертвым официальным структурам. Сыграли свою роль и мода, и дефицит. Скажем, запрещали раньше рок-музыку — и тинэйджеры сплачивались, чтобы записывать и слушать своих рок-кумиров. Нет в магазинах модной молодежной одежды — и расцвели фарцовщики. Теперь всех захлестнул интерес к видео, компьютерам — пошли квартирные кражи.

Пока наше общество не может найти адекватных способов воздействия на молодежную субкультуру. Мы умеем лишь карать и запрещать, искать новые подходы начинаем только в момент кризиса. А преступный мир быстро улавливает чаяния молодежи, тонко играет на нужных струнах, незаметно обращая подростка в свою веру. Вот и перерождаются обыкновенные дворовые компании в шайки грабителей и насильников.

— Каков же выход?

— Надо срочно создавать из многочисленных разрозненных ведомств единую службу по проблемам молодежи. Совсем не милиции следует задавать там тон. Нужны социологи, психологи, педагоги. Вместо бюрократических программ, проектов, постановлений, в изобилии существующих ныне, специалисты должны разработать концепцию подростковой политики в нашей стране.

ВЫИГРАВШИЕ И ПРОИГРАВШИЕ

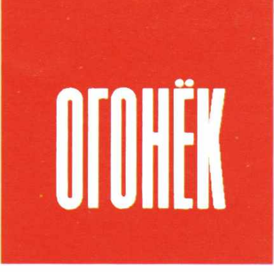
Недавно один народный депутат по телевидению заявил, что наша молодежь по бесправию и отстраненности от общественной жизни может соперничать разве что с инвалидами. Что позволено подрастающему поколению? Маршировать пионерским строем и сдавать макулатуру, убирать вокруг школы мусор и регулярно платить комсомольские взносы, активно участвовать в художественной самодеятельности и учиться без двоек. Перестройка, демократия — это пока слова для взрослых.

В далеком уже 1968 году мир был потрясен неожиданным студенческим бунтом. В молодежи разглядели реальную общественную и политическую силу. Во всех цивилизованных странах стали создаваться социальные службы для молодежи, молодежная политика. Мы тогда посчитали, что нас это не касается.

Сегодня очнуться всех нас заставляет нарастающая со стремительностью лавины детская и подростковая преступность. С чего это вдруг? Если приглядеться к нашей жизни повнимательнее, то нельзя не заметить: на фоне всеобщей раздражительности и озлобленности самая ярая критика, самое острое неприятие официальной идеологии идут от молодых людей. Многие из них предпочитают не иметь никакой политической позиции и готовы идти туда, где обещают быстрый и ощутимый успех. «Контора» выглядит одним из способов существования в нынешней ситуации. У взрослых туго идет воплощение в жизнь идеалов коллективизма и равенства? Пацаны создадут свое, «правильное» государство, в котором есть система прав и обязанностей, аппарат власти и принуждения, стремление к расширению сфер влияния, но главное — есть патриотизм (ничего, что в масштабах городского квартала) и верность принципам братства и взаимовыручки. Не каждый и не сразу разберется, что «кодекс чести» «конторы» вынесен с лагерных нар.

Разумеется, молодежную проблему невозможно решить саму по себе, отдельно от общей ситуации в стране. Но крайне опасно обращаться с ней как со второстепенной, которую можно отложить на потом.

Для кого мы делаем перестройку? Не ровён час, все наши выстраданные демократические завоевания захотят забрать себе повзрослевшие, хорошо накачанные мальчики с самодельными бомбами и обрезами. Не страшно?

ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ

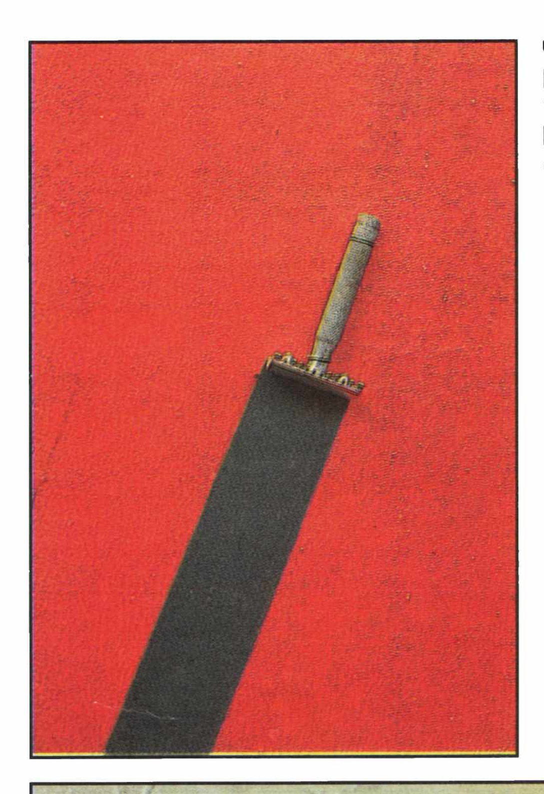
«В старой обуви есть что-то нестерпимо душераздирающе человеческое, слишком человеческое».

Рамон Гомес де ла Серна

Положение вещей таково, что они — если это, конечно, не художественные ценности и не собственность великих людей, добыча мемориальных музеев-квартир,— безвременно умирают. Они еще готовы служить, им сносу нет, но, стоит поменяться обстоятельствам жизни и моды, и их судьба бесповоротно предрешена. Это в порядке вещей. Были и есть, однако, художники, которых этот порядок не устраивает. В их произведениях старые вещи обретают абсолютно новую, совершенно неожиданную жизнь. Есть и искусствоведческий термин для такого рода произведений — «found object», найденный объект. Термин давно функционирует в культуре — ведь уже в 1913 году Марсель Дюшан шокировал публику натуральным велосипедным колесом на кухонном табурете, экспонированным в качестве предмета высокого искусства. С тех пор и пошло: «найденный» — готовый (ready — made), натуральный — объект проделал в искусстве нашего столетия головокружительную карьеру. Какие только направления не использовали его в своих целях: сюрреализм и дадаизм, конструктивизм, поп-арт, концептуализм. Цели были разные, в зависимости от программы направления. Но было и общее. Чаще всего «найденный объект» служил объектом манипуляций, своего рода выразительным средством. А значит, приобретая многое (как, впрочем, это и происходит в ходе любой карьеры), в чем-то существенном терял. Хотя бы в самостоятельности, самодостаточности. Но главное — в памяти: каждое новое направление, добиваясь новых значений, новых метаморфоз объекта, как некий мешающий фон неосторожно стирало воспоминания о былой жизни и службе вещей, «отключало» ту ауру человеческих отношений, которая извечно сопровождает земную жизнь бытовых предметов.

Работы ленинградца Вадима Воинова — иная статья. Терпеливый и вдумчивый собеседник предметов, он обращается прежде всего к вещи как таковой, к ее бытийной стороне, к ее «человеческому измерению». Предмет у Воинова — имя собственное: он сам диктует правила игры, говорит сам за себя. Вслушаемся же в его «прямую речь».

Первые работы Воинова — коллажи, в которых реальные вещи играли скорее подчиненную, служебную роль: художник не вполне доверяет предмету, его способности вести самостоятельную партию, да и сам, похоже, не готов

ЧЕРНАЯ ПОЛОСА. 1986. Из серии «Серый ужас».

«уступить место» предмету, раствориться в нем подобно тому, как хороший режиссер «умирает в актере». Постепенно художник углубляет, а иногда и вещью драматизирует взаимоотношения с вещью. Свои работы он называет теперь функциоколлажем, подчеркивая возможность вещи вернуться назад, в бытовой мир. Но это скромность паче гордости. Ибо, конечно, художника интересуют способность предмета «говорить», его «воспоминания» об исторических и человеческих судьбах. Так построена «Военная серия» («Герб Невы в солнечный день», «Кресты первой мировой»,«Весенние маневры»). Это крепко сбитые, почти геральдические по композиции работы — емкие метафоры когда-то устойчивого и цветущего миропорядка. Внутренний драматизм серии в том, что мы, зрители, знаем о физической обреченности этого миропорядка и тем не менее воспринимаем как должное образ устойчивости, даже незыблемости этого мира. Художник наделяет предмет качествами символа, в то же время углубляя контекст восприятия.

Вот, например, работа «Черная полоса»: старомодный — 30-х годов — бритвенный прибор, лезвие «выбривает» в красном фоне зловещую черную полосу. Любопытно, что на первый взгляд образный ход представляется достаточно «лобовым», даже прямолинейным: исторические аллюзии, что называется, лежат на поверхности — трагический отрезок советской истории, безжалостно выкошенное поколение... Но работа обогащена мотивом индивидуальной судьбы. Сквозь историческую трагедию проглядывает лик обыденного, житейского: вырубается целый лес людей, под нож идут миллионы, но человеку и в эти времена надо жить, дышать, бриться собственным, личным станком. Но и этим не исчерпывается образ: вещь навязчиво внедряется в наше сознание как тема рока...

Воинов развивается как художник с завидной последовательностью. С упрямым, прямолинейным, тяжеловесным упорством он движется к цели: вещь у него несет весть (недаром они этимологически родственны), и весть эта жизненно важна, необходима, хоть и пугающе, раняще драматична. Воинов прикасается к открытым ранам отечественной, советской по преимуществу, истории (серии «Серый ужас», «Война»). В ассамбляже «Партитура» довоенные игрушки — крохотный рояль и оловянная сабля — сочетаются с подлинными документами эпохи: нотами бодрого покрассовского марша «Три маршала» и текстом молотовской речи, возвестившей о начале войны. Образ многоаспектен: здесь и напоминание о том, что уцелели «игрушечные» мифологизированные фигуры, герои детских игр и праздничных парадов, а настоящие маршалы уничтожены, и намек на преступные, детски-легкомысленные, шапкозакидательские настроения некоторых предвоенных песен и фильмов, да только ли фильмов и песен... И вместе с тем другой полюс — это ранящее напоминание о какой-то конкретной детской судьбе, растоптанной отнюдь не игрушечной, а самой настоящей войной. Подобный художественный эффект — и в одной из, пожалуй, наиболее острых, шоковых работ Воинова — «Танго "Пакт"». Натуральные довоенные игральные фишки, черные и красные, вокруг жестяного фирменного ярлыка от немецкого патефона... Они расставлены по плоскости в плавном танцевальном ритме — попарно! Что это — метафора преступных политических игр, бесчеловечных расчетов, маниакальных амбиций — альянса, о котором так хотелось бы забыть? Несомненно. Однако содержание образа этим не исчерпывается — снова не забыт и полюс конкретного человека: и в выборе предметного ряда — фишки, куда как бытовой предмет, явное «снижение» интонации, и в отработке поверхности, затертой, захватанной игроками,— живет напоминание о чьей-то прерванной жизни — может быть, как раз жертве большой политики, жертве безвестной, канувшей в Лету...

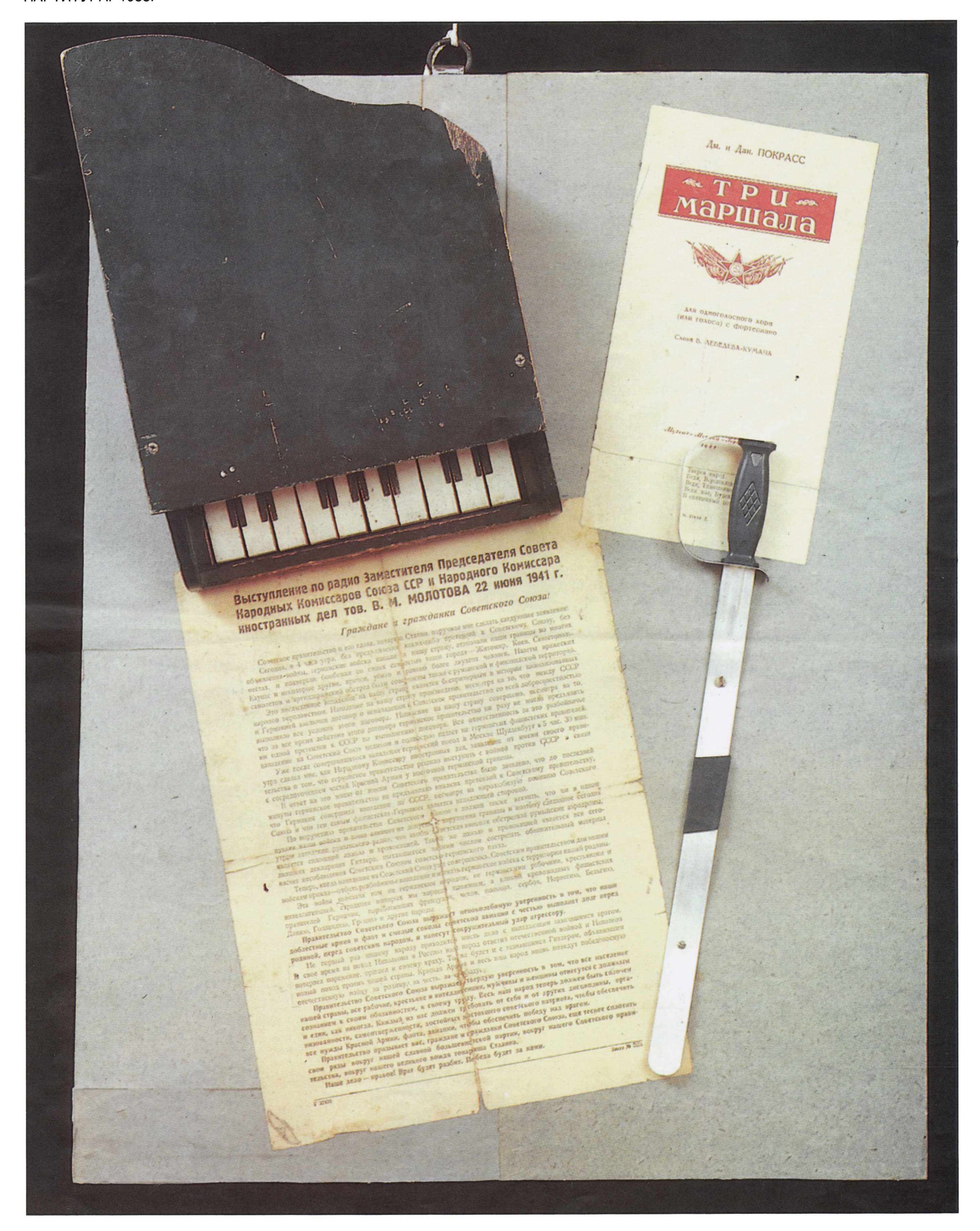
Вадим Воинов — остросовременный художник. Само отношение к объекту, к предметности обусловлено у него опытом современного искусства, причем искусства главным образом беспредметного. Но успех или неудача каждой конкретной его работы зависит, мне думается, и от довольно старомодного, архаического даже качества — от того, смог ли он воплотить — вспомним эпиграф — «...что-то нестерпимо душераздирающе человеческое, слишком человеческое».

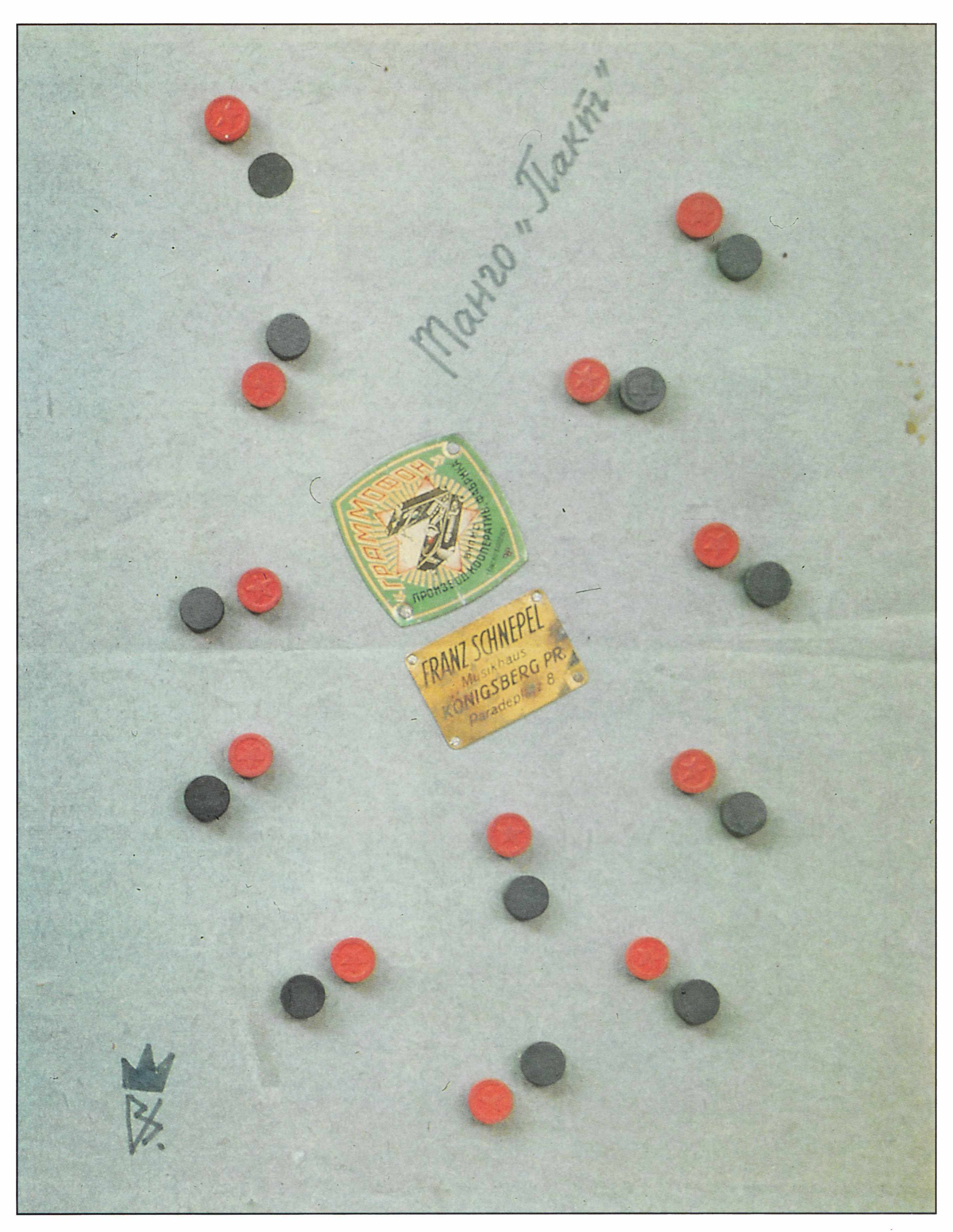
Александр БОРОВСКИЙ

Ленинград

ЗООСАД ПО М. ЗОЩЕНКО. 1988.

ПАРТИТУРА. 1988.

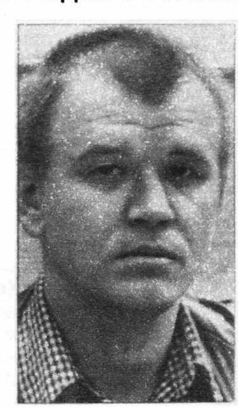

ТАНГО «ПАКТ». 1987.

РАСКАЛЕННЫЕ СТОЛБЦЫ

Геннадий РУСАКОВ

* * *

Еще столбы дорожные гудели,
а уж была легка и холодна
протянутая ниткой из кудели
моя необычайная страна.

Огромная — в саму себя размером.
Упрямая — не разбирая, прет
всегда своим особенным манером,
как будто что-то зная наперед.

Семь тысяч верст — на всех достанет воли.
Тут можно все: ушел — и без следа.
Лишь лгать нельзя: за нами столько боли,
моря кровей и страшного труда!

С такой страной еще такое будет!
Она еще покуролесит всласть.
И лишь сама себя с собой рассудит
во всю свою неистовую страсть.

* * *

Нашими судьбами ведали «тройки»
или «треугольники» в лучшем случае.
Но теперь времена перестройки,
что, конечно, намного лучше.
А на Казанском, недавно покрашенном,
наверно, трехтысячный раз
так же просто, то есть по-нашему,
спят, газетками заслонясь.
Я Россию военную помню слабо —
малолетен в ту пору был.
Но послевоенную, эту вокзальную бабу,
буду помнить, когда б все вокруг позабыл.
Вот она спит, заголяя чулки до резинки,
на кулак намотав бечеву
от привязанной намертво тощей корзинки —
из неверья в шпанскую Москву.

А Москва, впрочем, даже слезам не верит.
...Сорок лет прошло — все лежит,
на колготки натягивает юбку-перед,
чемодан в головах сторожит.
Боже правый! Ведь столько носило по свету,
где ни мыкался, ни ночевал —
ничего безысходнее нету,
чем Казанский, полегший вповал!
И на что мне решенья-программы,
если спят на полах тыщу весен и зим
наши девушки, наши мамы?
Смирно спят. Не мешая другим.

* * *

Вот судьбы моей тень, и по ветру несомое время,
и осенней травы торопливый суставчатый бег.
Под ногами мужает и крепнет озимое семя.
Ледяная пчела шелестит у зажмуренных век.

Что мне делать, скажи? — я еще не придумал названья
ни траве, ни пчеле, только наспех судьбу сочинил,
ничего не успел, только начал свое гощеванье,
только петел пропел, только ворон перо уронил.

Что мне делать с тобой посредине кренимого мира,
на юру, на ветру, у огромной страны на груди?
Ну, еще побренчи, неумелая девочка-лира,
поиграйся, потренькай, неловкой рукой поводи...

* * *

Запомните меня: меня вот-вот не будет.
Запомните меня: я скоро ухожу.
Меня моя судьба ночами локтем будит,
я пальцем по ее письмовнику вожу.

Родимые мои, последние, живые!
Запомните меня, как я запомнил вас.
Я, точно короед, в пространстве дырку выев,
протискивался к вам через ременный паз.

Настали времена суда без отпущенья.
Пришла пора детей, не помнящих отцов.
И снова по ночам угрюмый ангел мщенья
сверяет адреса и списки мертвецов.

Конец моих времен. Я лягу рядом с ними.
Блажен, кто не дожил до непрощенных дней.
Запомните меня: хотя бы только имя...
Запомните меня! А впрочем, вам видней...

Александр ЗОРИН

ВОЗДВИЖЕНЬЕ

Сухая осень на дворе.
Мой день рождения сегодня,
отмеченный в календаре
Воздвиженьем Креста Господня.

Я жизнь, как справочник, листал.
И, безнадежную, устал
спроваживать под хвост кобыле,
пока соотносить не стал
с календарем и дни, и стили.

Среди туманных дат и мест
пустых на гребне силы встречной
стал виден явственнее крест.
Оплавленный позором крест,
он средоточье жизни вечной.

Как будто Оттеснивший тень
смертельную, и этот день
издалека наметил въяве...
(а пустомелям — все не лень
долдонить им, что крест, что пень —
одно и то ж в родной дубраве.
Я их оспаривать не вправе).

Печь топится. Мы вчетвером
за чаем. Никого не ждем.
Детишки на полу играют.
Еще не ведают, не знают,
что появились-то на свет,
едва очищенный от дыма,
когда на перевале лет
моих он встал необоримо.

И с нами, на закате дня,
сидит у тихого огня,
как все учителя, упряма,
в аду родившая меня,
не верящая в чудо мама.

* * *

Похлестче «Архипелага»
вещает газетный петит.
Уже не выносит бумага,
в столбцах раскаленных горит.

Завис в устрашении славном —
мол, славная нынче страда —
меч
над уголовником главным.
Но мы еще стадом бесправным
присутствуем в зале суда.

Спохватится — «Батюшки светы!» —
раз сто моя мама на дню.
О, я сохраню, сохраню
набухшие кровью газеты,
набитые горем кули —
дабы пионеры ничтоже
сумняшеся не замели
их в макулатуру, когда —
на этой земле — не дай Боже! —
наступит иная страда.

* * *

Как, наверное, с Мамаем битва
прадедам была,
так мне — молитва.

Мысли мельтешат, как мошкара,
и слова беспомощны...
С утра
в лес пойду пылающий... осина
мне протянет руку из костра,
лопоча бессвязно и бессильно.

О, как скорбно лебеди кричат
на холмах отеческого брега,
там, где оком выпуклым бочаг
смотрит в душу — в омут человека.

Холодно и тихо на земле
на родимой...
Углями в золе
шевелятся города и веси.

На рассвете позднем, на заре,
Господи, уста мои отверзи...

* * *

День кóроток... Чуть ли не треть
расходуется на дорогу,
в которой на лица смотреть
бывает опасно, ей-Богу.

Читают, стоят или спят,
кантуясь со смены на смену.
О лица тяжелые взгляд
сотрется, как ластик об стену.

Китайская эта стена...
Несчастная, горькая кладка.
Насмотришься за день... Она,
всосав, растворит без остатка.

Стесались, сломались, сплелись
мы все — из единого ж теста...
Глаза опусти и молись —
о каждом. Здесь самое место.

Нина ЧУГУНОВА
Марк ШТЕЙНБОК
(фото)

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НАБРОСОК

ЗЕРКАЛЬЦЕ

Цынга происходит от недостатка раздражения сил душевных и телесных.

Из описания Березовского края, имеющегося в Записках Императорского Русского Географического Общества. С.-Петербург, 1857, книжка XII, стр. 442.

История Березова с того времени, как перестал быть остяжский березовый город, прибежище природных жителей, а стал на месте казачьего укрепления дальний северный русский уездный Березов, опять являет нам пример почти странного долготерпения земли.

Неустанно эта земля, испытывая пришельца, подавала ему верный знак, надежду.

Иначе трудно судить: покойники нетленными открывались из ея недр! (Как в случае, когда под руками березовского городничего Андреева, жадного искателя награды за обнаружение могилы светлейшего князя Александра Даниловича, незапно отворилась в почве могила княжны, об том после.) Далее: небеса бывали исчерканы знамениями.

Когда в пятидесятые годы нашего века шаровая молния насмерть поразила известного художника из местного народа, то несчастье сочли случайным, от редкого явления природы. Меж тем Записки отмечают огненные шары как дюжинное событие, из обыкновенно свойственных Березову. Таковы были и радуги, явление которых за лето повторялось до пятнадцати раз.

Не крепость духа покорителя природы испытывала в человеке его жертва, не волю преодолеть дикое и детское сопротивление. Не было сопротивления. Но были одни неслыханные по милосердию испытания милосердия же.

Как если бы в каждом отдельном случае чуда был и голос: ОСТАНОВИСЬ.

Сопротивляется ли подставляющий другую щеку? молчащий в ответ на поношения? распахивающий шире двери перед очевидным грабителем? (Да, говоришь ты, но я тебе не верю.)

Даже лучший дар, даже щедрость, все прежние щедрости затмившая,— да что! затмившая самое историю Березова от дня основания до нашего пятьдесят третьего года,— первая на Тюмени скважина газа, знаменитая Р-1 (вот исток всего...), жуткий бунт подземных сил, жуткий фонтан смешанного с водой газа и гул, продолжавшийся ровно год,— не было то ни щедростью, ни бунтом. Ни, конечно, сопротивлением, хотя случайной смертью отмечено и это чудо.

Это был, по-видимому, последний знак. Невоспринятый.

Затем началось умиранье.

Ему не нужна хронология. С каждым днем скудели подробности жизни, суживался зрачок, заволакивался горизонт.

...вру: не знаю, когда началось умиранье! Где поставить отметину и откуда начать исчисление бедственных лет? Ах, какая музыка плыла над городом в пятьдесят третьем зимой, какое счастье было слушать этот гул... и, как свеча, горела над городом Р-1, девочки бегали смотреть. Так говорят, я верю.

Вот я живу в Березове второй раз. Березова нет давно. Есть поселок Березово. Я живу в той же гостиничке, что и тринадцать лет назад. Точно в таких же двухэтажных зданьицах в других северных поселках размещаются управления колониями.

Тринадцать лет назад был восьмиместный номер, я помню приближение многодневного бурана, в аэропорту рассыпанные апельсины. Теперь лето и «люкс», бронируемый комитетом партии, разваливающийся шкаф, вода в стеклянном кувшине: ее надо, сказали мне, отстаивать двое суток, потом пить. На одном этаже со мной живут артисты из гастрольного ансамбля лилипутов. Я слышу через стену, что они купили где-то пирожков. Грузовик проехал в окне, объятый пылью.

Природа везде прекрасна и имеет свои красоты и удовольствия. Летом здешний край не кажется пустынею: взглянешь ли на воды — рунныя рыбы кишатъ въ нихъ; плаваютъ и ныряютъ лебеди и разныхъ видовъ и цветовъ гуси, утки и другия водяныя птицы... Зимой и летом в ясную погоду нередко бывало марево, когда из-за близких высоких лесов виднелись как бы и отдаленнейшие и между ними сверкали как бы поднявшиеся в воздух быстрые реки... Причиной тому, безъ сомнения, зеркальность воздуха.

В Доме культуры, совершенно явственно сваливающемся на один бок, идет итальянский фильм «Имя розы» с ужасами. Но пусто в сарае Дома культуры. Говорят, две недели назад завезли одеколону. С тех пор народ такой. (Постой, тогда давай начнем по порядку, от одеколона, отыщем ему его правильное историческое место, оценим по достоинству его руководящую роль? А может, путаясь в датах и продираясь сквозь свершения, найдем отличный, но внешне неприметный день, когда был завезен первый одеколон?)

Собаки и дети на улицах, широких до нищеты. Ежевечерний кураж мотоциклистов. Человек строго спрашивает, кто мы. Он пьян.

Но в один из дней одичалый табун кобылиц с жеребятами пролетел, проплыл, игра их грив навсегда запомнилась мне, как и страх.

Далее. Кладбище запущенное, могила со старинным крестом и надписью. С ограды сняты чугунные цепи. Но не унесены, как было бы понятнее, а брошены подле ограды. К реке подойти страшно, так изувечен, загажен берег. Какой-то желоб, по нему вода течет на брошенный давно сапог.

Лучезарный свет звезды, мало уступающий солнечному, осветил пролетаемое пространство, глазомерно в ширину около 10, в длину же около 25 сажен. Отверстие, которое простолюдины называют открытием неба, в наблюдаемый период мною было замечено два раза. В обоих случаях было пасмурно; вдруг свод небесный, или, вернее, атмосферный воздух, разделился надвое, и разверзлось пространство яркаго солнечнаго света. Эти явления были мгновенны.

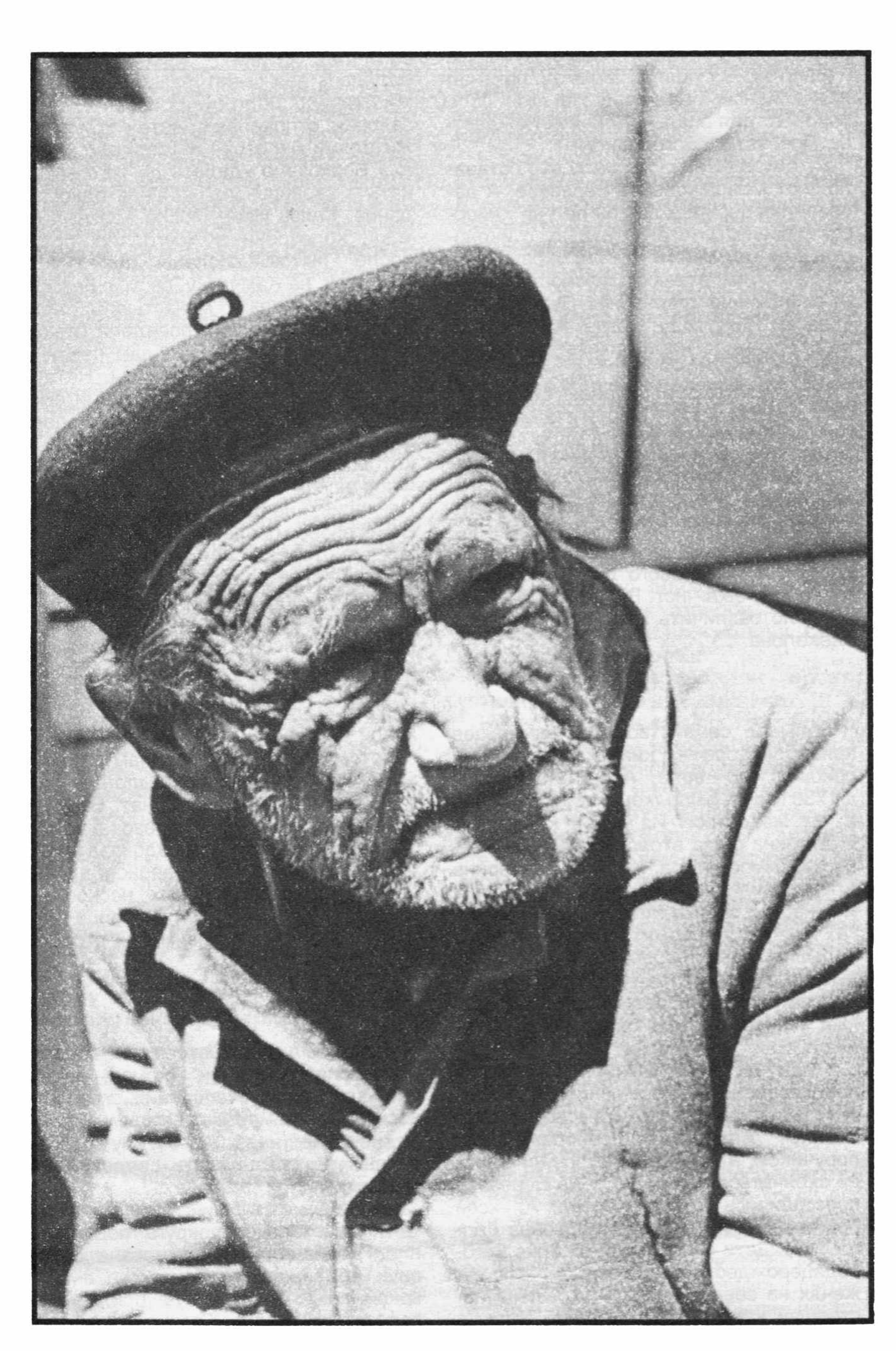
Эти явления были мгновенны, сапог будет лежать века.

Но над ним разверстые небеса.

Ни в какой Африке, ни даже в пустыне Гоби мне небо так не открывалось, как над Березовом. Значит, не кончилось испытание милостями. Если взгляд бросить поверх загаженной земли, то в пролетаемом пространстве свет сияющий! Или то не знак, но лишь свет над кладбищем? Или то один отсвет исчезнувших могил?

(Здесь близость Родины, точнее родных мест, томит, как стыд, страх, немота.)

В тридцатые годы, к тому еще вернусь особо, когда отыщу место одеколону, вдруг всплыла из-под земли из смываемого берега могильная плита от ненайденной и совершенно уже забытой могилы Александра Даниловича Меншикова, пленника березовского острога и благодетеля Березова, звонаря церкви, им же поставленной. И — пропала плита, выданная нам наверх, никто к ней не наклонился иначе чем с животным любопытством. Не точно ли от этих

вались. Но тверды были рука и вера.)

Последнее предисловие. Взгляд отрока женскаго полу на картине «Меншиков в Березове» передался женщинам в залах ожидания и в черных очередях к тюремному окошку всех последующих времен. Вот как всплывают могильные плиты.

Жители Березова скромны, миролюбивы и набожны. В воскресные и праздничные дни тамошние церкви полны молящихся и пред иконами теплится множество свечей, их усердием поставленных... В Березове купеческих лавок 8, погреб с вином 1, амбаров с мукой 37... количество хлебного вина из привозимого в Березов спирта простирается до 12 тысяч ведер... В 1848 году было: умерших от вина 2, удавившихся 2, отравившихся ядом 1, умерших от ушиба 1, случаев воровства 1... По малочисленности преступлений острога в Березове нет.

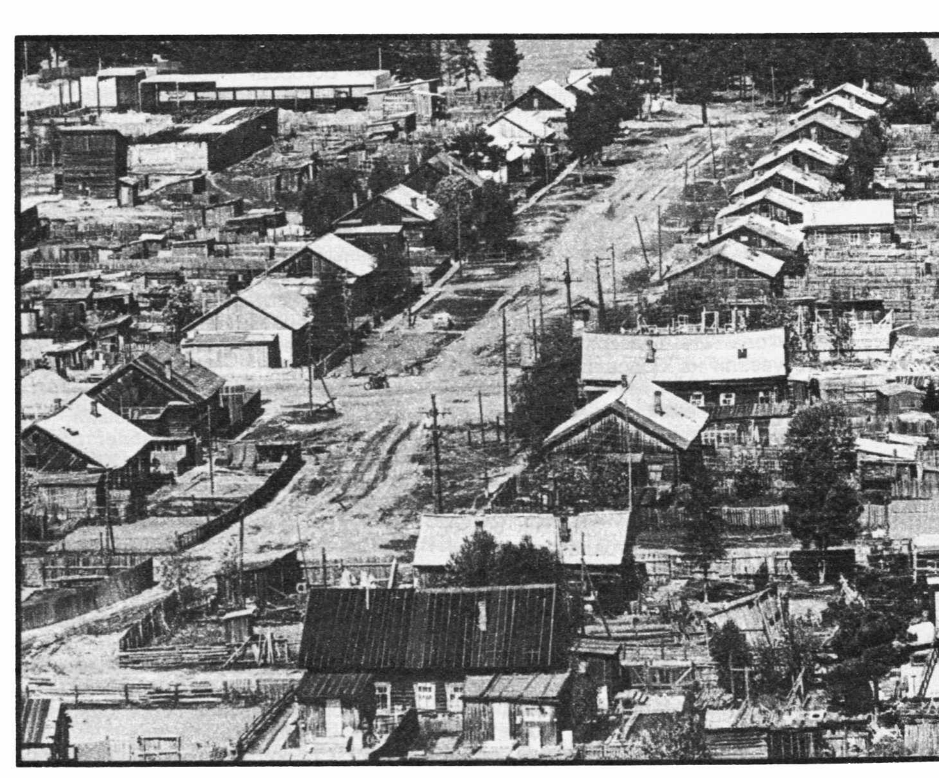
Эта картина мгновенна, как чудо небеснаго отверстия.

В пору разлива Сосьвы город представлялся как бы прилежащим морю.

1.

С казачьим отрядом на место будущего основания города прибыли иконы и были утверждены впоследствии в церквах. Иконы были: Архангела Михаила и Святителя Николая.

Пожары начались едва ли не сразу же. Самый опустошительный пожар, 1806 года, через 220 лет после того, как Иван Грозный направил сюда стрельцов ставить крепости, освященные иконами, пожар, уничтоживший крепостное укрепление, церковь,

же причин истлело мертвое личико преставившейся при родах княжеской дочери Марии Александровны, венчанной жены молодого Долгорукого, прежде обрученной невесты государевой, первой из ссыльных березовских государевых невест, первой из жен-мучениц Березова, милосердием высшим помещенной по смерти в линзу вечной мерзлоты, нечаянно открытой, как свет небесный, но так оставленной почти на сутки ради любопытства сбежавшихся мещан?

Чуден этот край. Святые и злодеи населяли его, и не было ничто ему чуждо из совершенного над нами. И то, что здесь свершалось порой мгновенно, в иных местах, возможно, длилось человеческую жизнь и более, как если бы Березов был полигон для испытания чудес и мытарств. Мое малое знание о Березове бунтует, как мозг, удрученный снотворным в момент, когда его осенила догадка. И повторяю себе: острог здесь был замыслен сразу, и миролюбивое замечание летописца есть ошибка, острог был, он сгорел, когда сгорели и церковь и «все домы». Все было, все здесь испытано. Острог, пытка разлукой влюбленных, и пытки, и донос из низости. А после уж не было летописцев. (Но главное: ведь всякий раз еще можно было остановиться. Можно было остановиться и на этом надругательстве. И то, что еще оставалось нетленным, могло превозмочь пустоту и почти на весу образовать некое подобие природы, некую сферу и, хотя и слабой рукой часовые гири подтянуть, дать времени толчок. Но не останавли-

острог, все жилье и лавки все, отмечен в истории Березова чудом спасения икон с надвратного этажа Главной башни крепостного укрепления. Иконы были: Спасителя и Богоматери. Они были сняты и унесены прочь в пламени, охватившем город.

(Годом основания считается 1593-й, когда прибыли сто пятьдесят плотников, ведомые воеводой Трахайнитовым.)

Ссылать сюда начинают едва ли не сразу же. Сначала это был князь Ромодановский, березовский предшественник развенчанного генералиссимуса Меншикова. Из Березова Ромодановского увезли на Соловки, и острог пустовал.

Княжеское семейство: Александр Данилович Меншиков с сыном Александром и дочерьми Марией, обрученной невестой Петра II, и младшей, Александрой,— прибыли в Березов в декабре 1727 года. К тому времени острог был тщательно подготовлен для их заточения. Он находился, пишет историк в детской надежде на то, что подробности будут необходимы, в 20 саженях на запад от каменной церкви.

Березов, особенно при въезде в него в зимнее время, походит на пустынное место и возбуждает какое-то уныние. Теплотворное влияние солнца ослабевает. Морозы нередко бывают лютые, свыше 45. Ртуть свертывается и лежит безъ действия по нескольку дней; даже спирт густеет. Иногда мороз с копотью захватывает дыхание человека... стекла в окнах лопаются, щелкают стены домов, лед и земля растрескиваются... звезды ярко горят.

В остроге было невысокое, но с большими, кверху круглыми, окнами пространное здание. В нем поселились Меншиковы, а после и Долгорукие. Близ этого острога князь Александр Данилович вместо бывшей сначала приходской, а после монастырской (монастырь просуществовал 19 лет и был уничтожен за малым числом монашествующих) ветхой деревянной церкви во имя Воскресения Христова и св. Антония и Феодосия Печерских построил своим иждивением и участием в работах деревянную же церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы — переименовал церковь не потому ли, что несчастия его начались в святой праздник Рождества Богородицы? Каждодневно князь приносил молитву в своей церкви. Согласно другим сведениям, служил при ней и звонарем. В летнее время старика видели на берегу реки беседующим с жителями о суете мира и о других душеспасительных предметах, пишет историк. Как в церковь, им построенную, так и равно в Спасскую и в Одигитриевский собор князем было пожертвовано много дорогих икон, украшенных жемчугом, также священнических одежд и прочей церковной утвари. Первый узник острога, выстроенного по указанию Петра Великого, тот, чья судьба и имя остались в истории под сенью имени Петрова, скончался 23 ноября 1729 года, не прожив в заточении и двух полных лет. Дети, похоронившие родителя близ алтаря Богородицерождественской церкви, получили право жить вне острога и прогуливаться по Березову в сопровождении караула, не вступая в беседы с кем бы то ни было.

Еще при жизни светлейшего князя в Березов тайно прибывает князь Федор Долгорукий, долго и верно влюбленный в Марию Александровну, дважды обручаемую отцом: сначала с сыном польского вельможи Сапеги, затем с государем. Перед вторым обручением Мария Александровна писала князю Федору: «...руку отдаю государю, сердце остается с Тобой». Узнав о ссылке Меншиковых, Федор, бывший тогда в Амстердаме, учась кораблестроительному делу, бросился вслед. Княжна Мария Александровна была «кроткая, прекрасная, отлично воспитанная, имела стройный стан, удивительную белизну, на которой играл нежный румянец, черные огненные глаза, обворожительную улыбку, красивые, под пудрой, тогда носимой, локоны». Через год после тайного венчания она скончалась, не разрешившись двумя близнецами, и похоронена близ Спасской церкви.

Федор Долгорукий после смерти Марии жил недолго.

Их запомнили беседующими, причем княгиня молодая всегда была одета в черные платья.

30 июля 1826 года в жаркий день городничий Андреев, по приказанию губернатора Бантыш-Каменского и по указанию на определенное место казака Шахова, стал разрывать могилу, и «докопались до двух младенческих гробочков... эти гробочки стояли на большом гробу, сделанном из кедра». В нем покоилась, под зеленым атласным покрывалом, та, у которой была обворожительная улыбка и пудреные локоны. «Покойник открылся почти свежий: лицо белое... на лбу шелковый венчик; шлафрок из шелковой материи красноватого цвета, на ногах башмаки без калош с высокими каблуками, снизу суживающимися, переда остроконечные, какие в то время носили дамы».

Миролюбивые и набожные жители много лет позже сохранили убеждение, о котором поведали историку, что не дававшаяся розыскам за награду могила князя (считалось всеми, что ее смыло из оборвавшегося берега реки) была нарочно городничим заменена могилой княжны Меншиковой — княгини Долгорукой. Так заманчива была обещанная награда. Вот почему «свежий покойник» был оставлен на сутки на воздухе, вот почему освидетельствование его пришлось на следующий день. Несмотря на старания вовсе умертвить усопшего из рода Меншиковых, городничий Андреев, убоявшись Бога, донес губернатору: он не ручается, что в открытой могиле Меншиков. Губернатор прибыл в Березов лишь в январе 1827 года, велел вновь разрыть могилу. Вновь открылись два гробочка... «И,— пишет историк,— не знаю, как верить...» В совершенно истлевшем теле, когда тлению подверглись и позументы, и шапочка, и сукно, губернатор признал князя Меншикова через сто лет после рокового для опального князя Рождества Пресвятыя Богородицы!

К тому времени уже мало что оставалось от Меншиковых в Березове. А деревянная церковь, где он пел на клиросе, сгорела со всей утварью, с иконостасами, с иконами, богато украшенными жемчугом, от неосторожности пьяного разночинца трапезника Петра Федорова в 1764 году, тогда же сгорели богадельня и намогильный памятник князю.

Впоследствии поведение разрывавших дважды могилу Марии стали объяснять желанием обрести в лице наследников Меншиковых благодетелей Березова — будто бы они полагали, что «наследники будут усердствовать Спасской церкви богатыми вкладами».

То есть порыв разбивших зеркальце десятисантиметрового льда, хранившего Марию, был чист. Вот когда уж можно было различить звук топора, смрад одеколона.

2.

Большое семейство однофамильцев князя Федора — князей Долгоруких прибыло по воле Анны Иоанновны в 1730 году и было, конечно, заключено в тот же острог. Из детей княжеских Екатерина была второй обрученной невестой Императора. Княжна Екатерина Алексеевна «имела красивое лицо, множество блеска и приятностей в чертах, нечто обворожительное в томных больших глазах небесного цвета; была высокого роста, стройна собою и с прелестями красоты соединяла образованный ум, кротость и ласковое обращение».

Когда дети Меншикова уже были представлены Анне Иоанновне в Москве в изгнанническом платье и пожалованы: Александр преображенским поручиком, а Александра фрейлиной (и ей скончаться при родах),— в Березове преставились от несчастий Алексей Григорьевич и Прасковья Юрьевна Долгорукие. Дети похоронили их близ Богородицерождественской церкви в 7 саженях на северо-запад от крыльца настоящей каменной (тщательно записывал позднейший историк, надеясь...) и в 10 саженях от буерака. Над могилами был поставлен памятник в виде часовенки из кедровых брусьев — пьяному разночинцу Петру Федорову мы обязаны исчезновением и этой памяти.

Впрочем, история Долгоруких заключает в себе как причину трагедии другое имя — канцеляриста Тишина.

(Острог, потом донос из низости, все было испытано.)

...Звезды ярко горят. Солнце в полдень бывает не выше 4 гр. 15 сек. над горизонтом, и лучи его падают очень косвенно. Безмолвная пустыня царствует в полутемном городке; взору представляются лишь необозримые равнины снега. В это время вид Березова соответствует понятию о крайних жилищах человека на севере... Со второй половины ноября до апреля северные сияния очень часто представляют здесь явственныя, превосходныя картины природы, которых лишены жители умеренных мест... Сначала северная часть неба представлялась как бы в огне и имела рубиновый цвет; близ этого пурпуроваго пламени являлись явственные золотистые, зеленые и синевато-белые отливы... похожие на дым столбы исчезали и мгновенно заменялись новыми такими же.

Перед самой ссылкой один из сыновей Долгоруких, Иван, женится на Наталье Шереметевой. (Другое свидетельство: за молодым князем последовала не жена еще, обрученная...)

Донос канцеляриста о том, что Долгорукие без почтения отзываются об Анне и Бироне, случившийся через восемь лет ссылки (у Ивана и Натальи родилось два сына), разорил и уничтожил гнездо Долгоруких. Иван схвачен, закован, отправлен вместе с тридцатью жителями Березова в Тобольск... Наталье Борисовне удалось до того выплакать у караульного офицера одно свидание. Князь Иван, после «разных пыток», колесован в Новгороде, братья после пыток сосланы на работы в Охотск, на Камчатку, сестры разосланы по северным монастырям. Когда Елизавета Петровна повелела отыскивать по каторгам и заводам невинных жертв прежней императрицы, Наталья Борисовна с двумя малолетними сыновьями представлена была ко двору и получила счастье быть фрейлиной, от которого отказалась, приняв схиму во Флоровском монастыре под именем Нектарии, «не быв в мире счастливою». В Березове, после разорения Долгоруких, некоторое время оставались иконы в количестве двадцать одна, описание которых показывает, чем занимались, между прочим, дочери князя. Распятие Господне, писанное на лазуревой камке; Ангел Хранитель, шитый шелками и золотом по белой кисее; Знамение Божьей Матери, шито шелками по шелковой материи, венцы и гривны шиты золотом и серебром пополам с жемчужинами... Об иконах сих было доносимо в Правительствующий Сенат. Впоследствии иконы были из Березова взяты.

Предполагается бездоказательно, что истинной причиной верноподданнического доноса о явных нескромных и дерзких словах об Императрице является разбитое невзаимной страстью сердце канцеляриста.

(В низости что́ низменное?)

3.

Далее был граф Остерман. Через сто лет после полковник Гофман, начальник Уральской экспедиции, исследуя, насколько промерзает земля в Березове, нечаянно напал на могилу графа и, разрыв ее, стал искать сведений, чья она.

Далее был старший киргизский султан Кокчетавского округа подполковник Габайдулла-хан, сын хана Валия, внук Аблай-хана, имевший на андреевской ленте украшенную брильянтами золотую «медаль». Его молодая жена, Альбубек, прибыла к нему, к старику, с дочерью Хадышой одиннадцати лет, милой девочкой, имевшей хорошее лицо. Сама же Альбубек была «женщина высокого роста, стройная, красивая, лет тридцати четырех от роду и умная». Старик хан, сохранивший красивые черты лица, проводил время в молитвах, и «при общении с ним было заметно, что он верен русскому правительству».

Далее были декабристы.

Далее были участники революции пятого года.

Далее были сподвижники Владимира Ильича Ленина. Ногин был дважды. Троцкий прожил здесь четыре дня и бежал счастливо.

После стали арестовывать в самом Березове.

4.

Об исчезнувших, о канувших неизвестно куда, из пламени не унесенных, о раскиданных по нищей земле сокровищах Березова, на которых первая кровь — кровь исколотых иглами пальчиков княжон, надо сказать напоследок. Перечисление было бы велико, но доставило бы наслаждение слуху описанием красоты. Архангел Михаил на крылатом коне в княжеской короне, поражающий диавола в виде льва с человеческим лицом, в левой руке всадника Евангелие, внизу изображен, между прочим, некий город с крепостию. Священнические ризы, шитые руками дочерей Меншиковых и дочерей Долгоруких. Разные богослужебные книги, присланные в Березов после возвращения изгнанников «на поминовение своих родителей, преставившихся тамо».

Но вот предмет, церковью лишь принятый на хранение, светский, па-

мять любви: золотой медальон превосходной отделки, имеющий эллиптическую фигуру, в окружности 2¼ вершка. На лицевой стороне его, в самой середине, под выпуклым стеклом, на белом атласе, свитая прядь тонких светло-русых волос; вокруг золотое сквозистое поле с пирамидальными фигурами, мельчайшей отделки и с шестью расположенными в разных местах жемчужинами в серебре; наконец, возле поля золотая гладкая кайма с заведенною посередине ея голубою эмалью и с обоих краев золотыми кручеными ободками. На другой стороне параллельно стеклу другое такое же в золотом ободочке на «шарнерике» для отпирания. Вверху медальона золотое ушко с продетою белою атласною лентою длиною в 5 вершков.

Медалион сей висел на венчике святого на иконе, переданной в Спасскую церковь по смерти Федора Долгорукого, и хранил, несомненно, прядь Марии Александровны волос. Его увидел и тщательно описал, как спасенную драгоценность, историк в 1842 году, когда еще живо было предание о Федоре и Марии, прогуливавшихся по Березову, причем на ней чаще всего бывало черное, еще чаще черное бархатное, а временами с «окладками из серебряной блонды»...

Зачем ты это твердишь мне, для меня давно темный, язык точного описания, что твердишь ты, историк, несомый лавиной несравненных доказательств любви и верности в то время как на сырной неделе угощается хлебным вином разночинец и тому уж сто лет как изнывает отвергнутый канцелярист?

5.

Прошло сто лет.

Руководителя березовской Советской власти товарища Сенькина схватили во время «кулацко-эсеровского мятежа», ужасно мучили, после запрягли в сани, привязав к оглоблям взамен шарахавшейся лошади, а на сани посадили, подвернув тулуп, женщину, веселую, недурную собой, неглупую, честную, статную, гордую чью-то жену, от зимы радостную и свежую. Сани гоняли по улицам. Товарищу Сенькину разорвали уздою рот, потом повыбивали зубы, после в деревне Чумаши расправились с ним окончательно, но прежде чем пристрелить из обрезов, мучили еще старательнее. О женщине, что каталась, особых сведений нет.

6.

История учителя Добровольского — а для меня он прежде всего фотограф, потому что ведь впереди призвания должна следовать победившая страсть!— история фотографа Добровольского, по воле судьбы честного и верного, да и последнего, настоящего, историка Березова, начинается, конечно, с того, что дед его, березовский купец Добровольский, при пришествии Советской власти в Березов мгновенно отдал ей свой красивый большой дом с имуществом, да и отбыл из Березова от греха. Когда внук его в сорок седьмом году вставал на учет в райкоме партии, то секретарь райкома Александр Иванович сказал ему: «А вы не претендуете на этот дом?» А в этом доме как раз расположился райком партии. Молодой учитель не претендовал, разумеется.

Дед, спасшись, уехал к дочери Саше в Томск, там и жили большим семейством, Саша, Руфина, Фруза... Дед был рыбопромышленник, владел рыбными песками. В пору расцвета купеческих дел в Березове имели торговлю Плехановы, Кузьмины... Рядом с большим домом, будущим райкомом партии, был флигель, в него поначалу Добровольские перебрались, передав дом власти, в этом флигеле был магазин Добровольского, где принимали рыбу, а за рыбу отоваривали. Ну, он такой был, дед-то... больно грамотный по тем временам. Купец первой гильдии. Он почувствовал силу новой власти.

К моменту прихода Советской власти улицы в Березове мостили тесом, а, может, бревнами. Можно было бы насчитать несколько рядов тесового мощения. Было весьма чисто на улице. Школ было три: начальная, городская и благородных девиц училище. Учитель Ларионов имел собственную хорошую библиотеку, из которой, преобразовав ее, учредил общедоступную, сделав в собственном доме особый вход в библиотеку.

Жена учителя Добровольского также была из березовской знати — из старинного березовского казачьего рода Никитиных. Ах, да! И мать учителя была знатной: она была из Окуневых, ювелирная торговля и различные металлические изделия.

Ведь сюда до прихода Советской власти шел поток товаров, чьи владельцы льстились на пушнину. Сюда шел фарфор, золото...

А вот как проводили время: устраивали театры и пикники.

Ничего этого не помнил, конечно, молодой учитель, не помнила и его молодая жена из знатного рода Никитиных.

Однако что значит не помнили!.. Дядя учителя был красным пулеметчиком, «по борьбе с Колчаком». Годы спустя, когда дядя с семьей собрался в отпуск и уже все садились в гидросамолет (в Березове был аэрогидропорт), к нему подошли какие-то милиционеры и, велев семейству спокойно поезжать в отпуск, дядю взяли. И с концом, больше его не видели. Так же исчезла одна семья — вон там дом стоял — жилиУськовы и исчезли. Несколько мужчин вошли в дом и вывели всю семью.

(Березов не просто ветшал, осыпался, шелушился, как шелушится дощатый некрашеный забор, наконец становясь настоящего цвета забора.)

Будущая жена учителя после десятого класса (Уськовы исчезли, когда она училась в пятом) работала пионервожатой.

Памятники Березова, к тому времени заменившие драгоценные, шитые ручками княжон иконы, были: памятник уральскому рабочему, выполненный из одного куска дерева; памятник Ленину... не странно ли, что так и не было памятника Сталину! Были бюсты в учреждениях. На улицах не стояли.

Молодые учителя Добровольские, волею судьбы оказавшиеся в Березове, вдруг стали ставить вместе с другими учителями разные пиесы, как, например, «Ровно в полночь», «Калиновая роща», «Свадьба с приданым», «Стряпуха», «Три солдата», «Песня о черноморцах».

Они были очень молоды и очень бедны. Какой-то стол, сделанный еще дедушкой, радовал их, как какая-нибудь стенка. У них еще были крепкие табуреты! Их жизнь была прямой и честной, и в этой прямой и честной жизни сверкали странные зарницы надежды, и музыка над городом плыла. Все казалось: завтра будет еще лучше! Будет прекрасно! Будет! Так они жили и так начинали растить своих детей... И ведь война кончилась.

И в театре в пиесах играли равно завврайоно, плотник, каменщик. А в рыбокомбинате тогда работал один немец, он был из высланных. Он на тяжелой работе за день намерзнется!.. Но к вечеру на репетицию приходил всегда в манишке, выбрит, надушен. Он был старый человек.

Дети рождались. «Вот, скажем, вечером пошли в кино. Из кино идем: ой, мне надо, однако, в роддом».

Вырастая, дети учились оставаться одни, топить печь. Они все трое выросли прекрасными людьми. Старший сын до последнего времени служил в Венгрии, например.

Та жизнь была ожиданием постоянства. Из ожидания образовалась жизнь или живое, пульсирующее подобие ее, следовательно, можно было остановиться? Иначе трудно судить: почему жили без особых подробностей жизни, а как бы на вдохе?..

Зимы шли косяком, как летит в лицо мошкара.

Летом же Березов, в окружении лесов цветущих, представляется как бы в саду, и заблуждение дарит дивным чувством...

Теперь остается рассказать о скважине Р-1. (Один мой друг, поэт, смотрящий на нашу жизнь как-то метафизически, послушав меня, сказал: в эту скважину, когда фонтан оскудел, и утянуло, как в прорву, весь твой бывший Березов, с лесами-садами, фантастическими рыбами и снующими по небу метеорами. Я говорю ему, это ж получится бажовский сказ, нет, не хочу, тошно.)

7.

В Березове появились геофизики, что-то зондировали. Потом сказали, что они нефть будут искать. К буровой стали технику свозить. Что-то они бурили. А потом... «как-то сидим вечером, часов в девять, вдруг гром ужасный. А наш дом тогда стоял на углу, его потом перенесли. Земля затряслась, и с ней стенка дома северная».

— Вначале не поймем: землетрясение?

Так ожила ранней зимой 1953-го скважина Р-1. Сразу ее оцепила милиция, бежать к ней нельзя. По радио передали: ни в коем случае ни печки не топить, ни папиросы не жечь. Так и сидели в темноте и в холоде без курева.

Гул стоял страшный. Еще не знали, что он будет стоять больше года. На улицах невозможно было разговаривать, и люди кричали друг с другом.

Из Березова вышка была видна. Видно было, что льется вода, сопровождаемая страшным этим гулом. Всю зиму был гул, а если был ветер с той стороны, то шел и соленый ветер, капли крупные летели в лицо, едкие, как кислота... деревья все там погибли, об этом что, после?

На второй или на третий после первого взрыва день позвонил Добровольскому Самарин Роман Ильич, начальник КГБ, тогда это было одно целое с милицией. «Слушай, у тебя фотоаппарат работает?» У Добровольского тогда уже был «Зоркий», так время продвинулось. «Приходи ко мне, надо кое-какие важные снимки сделать». Добровольский послушался кагэбэшного приказа, конечно, и, ведомый Самариным, увидел вдруг вблизи вышку и сделал первые снимки из этой уникальной серии. Он подошел совсем близко к отверстию и увидел, что оно обледенело, был холодный конец сентября. Он снял разбросанные взрывом трубы. С того дня он снимал и снимал.

Он снимал, а товарищ Самарин ходил за ним, после съемки уводил в свой кабинет, пленки запирал в сейф.

8.

Газ, разорвавший пломбу из **не той марки** бетона, закрывшую скважину после того, как **вроде бы стало ясно,** что нефти здесь нет, ознаменовал открытие тюменской империи нефти и газа.

Другими словами, открытие сопровождалось или даже стало возможным в тот день... Слово «ошибка» приходит мне в голову, но оно несправедливо по отношению к людям и времени.

Итак, повторяю, бурили ради нефти, нефти не оказалось, отверстие залили бетоном, но не тем, который надежен... фонтан, потрясший землю, раскидал трубы, выбрасывая их из скважины вертикально и рассеивая по земле.

Это была, конечно, авария.

Это было чудо природы, прервавшей молчание.

И это был знак, указывающий на неподходящий бетон?

Вот что было мгновенно (сравнительно с последующими временами, событиями, авариями и открытиями) испито в Березове в сентябре пятьдесят третьего. Бетон нужен был марки «300»!

Конструкция вышки не пострадала. Уже наступившая зима схватила ее ледяной шубой. С большим трудом был поставлен превинтер. Из Москвы прибыли инженеры по технике безопасности. Рухнувший обломок льда упал на приблизившегося к вышке молодого москвича. В Березове осталась его фотография, где у него хорошее лицо. Глыба льда сорвалась на инженера, стоявшего на лавочке и смотревшего в нутро скважины. Перед тем на лавочке стоял и снимал нутро учитель Добровольский. Закончив съемку в этот день, он успел добраться до отдела милиции, как стало известно о несчастье.

Газ был подожжен, так под Новый год Березов был украшен не теплящимися свечками, усердием молящихся поставленными, но одной сверкающей дьявольской.

Но никто не думал об Р-1 в подобном духе.

Березов вошел в историю. Учитель печатал и печатал карточки, а там, в Москве, в министерстве, уж, говорили, висят громадные отпечатки с его негативов...

Моя история на этом и заканчивается. Что дальше говорить, скажите? Рассказывать, что Березов, войдя в историю, не был отнюдь облагодетельствован богатыми дарами наследников? Что далее продолжать скучно, ибо продолжение всем знакомо: отдельно пошла история великого покорения тюменских кладовых, отдельно — березовская жизнь. Отдельно — слава, своим путем — безвестность.

Судьбу Березова, которую после аварии на Р-1 мог предположить энтузиаст, пожал Нижневартовск. Скважина в Березове оказалась немощной, неперспективной. Конечно, сюда прибыла экспедиция, был построен городок для приезжающих покорителей. Но столицей стал Нижневартовск, и каждый, кто хоть раз побывал в этом городе, поймет, какой судьбы не досталось Березову, какой славы он избежал и от чего его хранил Господь: Нижневартовск начался прямо со славы, прямо с газет, с музыки, с сияющих глаз, и только годы спустя стало ощущаться, как трудно жить в городе нашего будущего, какая тоска в общежитиях, как некрасивы стремительные проспекты...

Чего же не хватало? Каких теплящихся свечек? Каких витаминов от цинги?

Как осколки разбитого зеркальца, стали собирать Добровольские с единомышленниками старые фотографии, старые документы, вещи. И так в конце концов образовался музей, маленький, но, как кошелечек, набитый сокровищами. И всему нашлось в нем место. Нет, правда, сведений, когда именно перестали мостить улицы?*

В Березове новый партийный секретарь, из Москвы. И он, говорят, ходит сам в магазин.

«Ах, как больно, сказал мальчик Кай, когда осколки кольнули его в сердце. Но тотчас боль прошла, и он посмотрел вокруг другими, холодными глазами».

* Кроме того: когда пропала рыба с драгоценных березовских песков (пришельцы стали брать ее, не разбирая сроков, без жалости, без трепета); когда пропала икра, продававшаяся в магазинах Березова из эмалированных тазиков (приезжие из экспедиции имели много денег, они стали брать икру, как кашу); когда исчезли шаровые молнии; когда спилили три ритуальные лиственницы хантов, «чтобы ханты, собираясь около них в свои праздники, не пили»; когда именно исчезло последнее напоминание о могилах опальных князей; когда навсегда пропал медальон Федора Долгорукого; когда были погашены последние свечки в храмах?

Во всех приведенных случаях порыв разрывавших могилы чист.

Фото
Александра НАГРАЛЬЯНА

ТОСКА

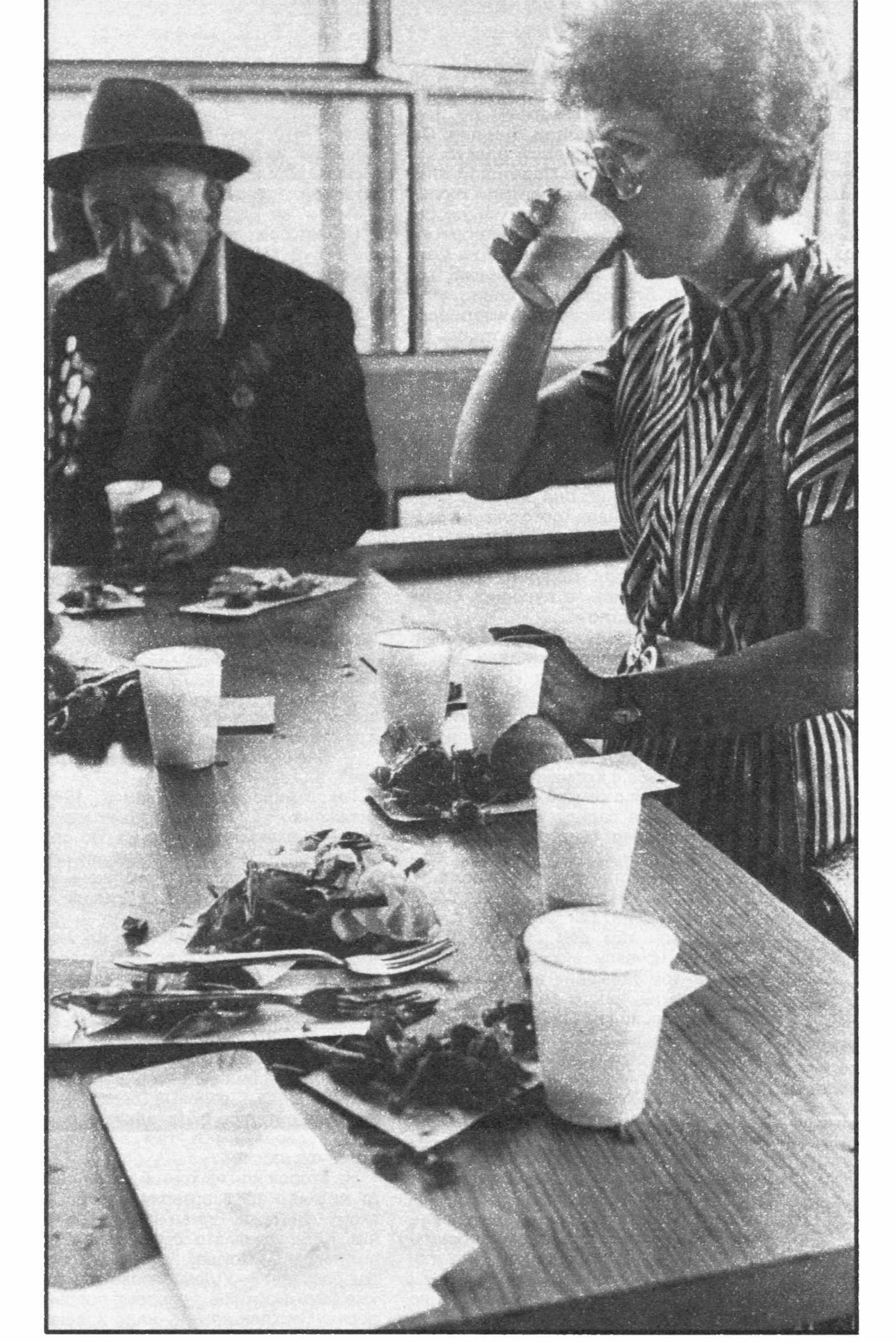
«У Курского вокзала стою я сам не свой...» — это из старой жалостливой песенки.

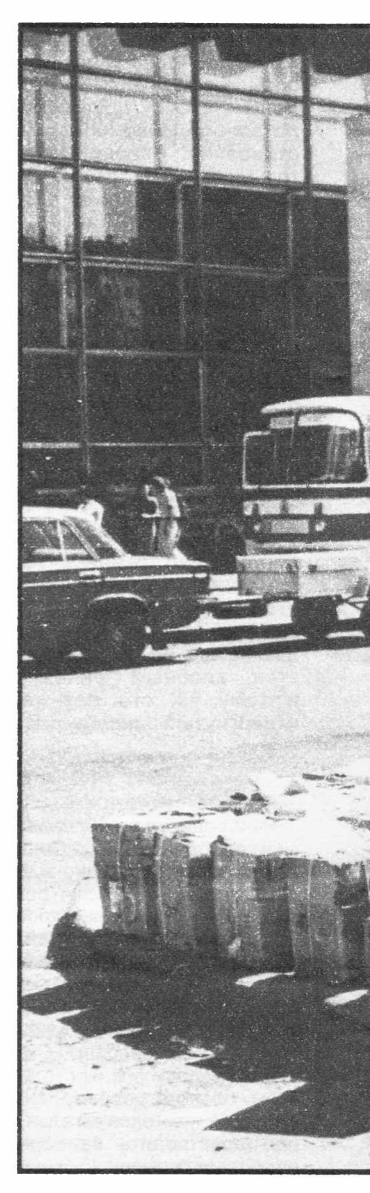
...Железнодорожные кассы Курского вокзала окружены плотной, тяжело дышащей толпой. Очереди не существует, внутри толпы живут паника и страстное желание уехать. Волосатые, уверенные в себе мужчины прошивают толпу насквозь и вырываются из нее с заветными бумажками — но не все. Плачет какая-то кавказская бабушка — ей очень нужно было в Грозный. Если к соседнему окошку — кассе возврата — пробирается кто-то с промокшим билетом в потном кулаке, толпа накрывает его с головой, каждый хочет застолбить добычу, а уж потом разбираться, куда его жертва решила не ехать... Рядом несколько беззаботных счастливцев билеты продают — им не нужно... Но, видимо, эти билеты не были нужны и остальным. Чем дальше станция назначения, тем больше безнадежности в глазах.

Слабонервные уходят с вокзала. Терпеливые упорно стоят в очереди. А люди, которым надо уехать во что бы то ни стало, заискивающе улыбаются проводникам, хватают их за лацканы горячими от волнения руками, суют хрустящие бумажки в карманы их кителей и соглашаются на все. И едут сутками то стоя, то присаживаясь на временно пустующие места, роняя головы на столики, заставленные бутылками минералки...

Нет, в нашей стране — стране декларированной плановости — не стоит пытаться уехать куда-то неожиданно и срочно. Страна большая — шестая часть суши,— нас много, транспорта, увы, мало. Что такое билет? Кусочек бумаги, дающий право занять место в поезде, самолете, автобусе. И можно их, желанных и дефицитных, напечатать хоть по сотне на каждого — мест в реальных транспортных средствах не прибавится. Не увеличится количество вагонов, без которых так трудно обходиться сейчас железной дороге,— ведь с каждым годом число потенциальных пассажиров растет. И все это возвращает к ставшему органичной частью нашей жизни лозунгу: «Мест нет!»

Тяжело сейчас быть перелетной птицей... Но вам будет несколько по-

ДОРОЖНАЯ, ЖЕЛЕЗНАЯ

легче, если, во-первых, вы живете в столице нашей Родины, а во-вторых, если вы узнали о своей поездке заблаговременно. Потому что в этом случае вы сможете воспользоваться услугами Московского железнодорожного агентства.

Нам удалось познакомиться с начальником агентства Юлием Абрамовичем Новаковским. Попадая в его хозяйство, на время забываешь о собственных трудностях — этот человек не просто хорошо, а почти виртуозно торгует тем, чего так мало. Начинал он давно, в пятидесятых, когда железнодорожные билеты продавались только на вокзалах, и очередь за ними занимали с ночи, и жгли костры, чтобы не мерзнуть. С его участием строилось нынешнее здание агентства, что рядом с тремя вокзалами, вводились системы заказа «Экспресс-1» и «Экспресс-2», которые разработал конструктор Марчук. Постепенно совершенствовалась система предварительной продажи билетов, открывались агентства и их филиалы. Автоматизировались почти все подразделения системы, вводились дополнительные услуги — заказ по телефону, доставка билетов не только домой, но и на работу. Попутно была приведена в порядок система доставки багажа, организованы филиалы касс на крупных предприятиях Москвы.

Ю. Новаковский и его заместитель С. Кован рассказали нам о своих планах на ближайшие месяцы — в большом зале с кондиционированным воздухом будут стоять кресла, и будущий пассажир, заходя в зал, не будет кидаться занимать очередь, а, оторвав при входе талончик с номером, сядет в кресло, посмотрит журналы, может быть, выпьет предложенный кофе и будет ждать, пока на большом табло не высветится его номер и его не пригласят к кассе для приобретения билета. Наверное, мы восприняли бы это как шутку, если бы не увидели перед этим уже действующие нововведения Новаковского и его коллег: рекламное световое табло, компьютеризированную справочную, большое количество всевозможных специализированных касс, предназначенных для рассредоточения и сведения до минимума очередей, а также... кассы самообслуживания. Это не шутка, это реальность. Причем очень удобная.

А как живет провинция, как там покупаются и продаются билеты? К сожалению, плохо. Москвичи знакомы с проблемой возвращения в столицу — это намного тяжелей, чем из Москвы выехать. Например, уезжая в отпуск, особенно на юг, очень немногие имеют обратные билеты — для продажи в Москве их выделяется очень мало. Как нам объяснили знающие люди, билеты в кассах Крыма, Кавказа и других любимых мест отдыха придерживаются и в сезон ажиотажа используются как дополнительный источник дохода для работников касс.

Мы спросили у Новаковского: какие основные проблемы? Он ответил, что главная — сезонность перевозки. Смеемся: «С этим не поборешься!» Нет, оказывается, можно, и Новаковский со своими коллегами даже придумал, как. Все очень просто: надо попросить Верховный Совет принять решение о том, чтобы 1 сентября (самый страшный день для тех, кто нас перевозит) не было всеобщим началом учебного года. Ведь можно где-то начать 25 августа, а где-то — 5 сентября. Тогда есть возможность равномернее распределить огромный поток пассажиров.

И, конечно, беды Новаковского — это беды нашей железной дороги — отсутствие вагонов в нужном количестве (особенно не хватает купейных), низкая пропускная способность, старые дороги, невозможность платить своим работникам столько, сколько они заслуживают, и этим заинтересовать их. Все правильно. Невозможно даже при самом лучшем подходе к делу продать всем то, чего все равно на всех не хватает. И что самое главное, что хочется повторить вам,— воспользоваться услугами, перечисленными выше, вы сможете только при соблюдении двух условий: если вы узнали о своей поездке задолго и если вам повезло и вы живете в столице. Как во всех остальных случаях? Честно скажем: пока плохо.

Не в почете перелетные птицы.

Юлия ВЕРНИКОВСКАЯ

САМОЛЕТ НА КЕЛЬН

Евгений ПОПОВ

Всякий должен понять, каким важным событием в жизни тружеников нашего крупного города явилась встреча в аэропорту славного сына зуарского народа товарища Мандевиля Махура, который, пролетая над пустынными просторами Гоби, буддийскими дацанами Монголии и Бурятии, снизился среди зеленого моря еловой тайги и запланированно остановился на аэродроме нашего крупного города, чтобы заправиться керосином для дальнейшего счастливого полета через Москву в Кельн и самому чтобы немножко подзакусить, немножко покушать этой вкусной сибирской ухи, приготовленной из енисейского тайменя и ангарской стерляди. Всякий должен понять, как радостно было всем нам видеть спускающегося по трапу высокого, загорелого, мужественного человека в полувоенной форме, с лицом, испещренным глубокими шрамами, полученными во время длинной освободительной борьбы Зуарии против гнета неоколониалистов и других темных сил прошлого, борьбы, на протяжении которой эта многострадальная страна шесть раз меняла свое название, лишь совсем недавно обретя полнейшую и окончательную независимость под флагом Свободы и Демократии, смело рвя цепи иностранных монополий и крупного капитала, руководимая лично товарищем Мандевилем Махуром.

И вот уже запели торжественные солдатские трубы, и пионеры, слегка волнуясь, расправляли свои цветы в красных оранжерейных букетах, и милиция уже призывала толпу не напирать, и малыш, ведомый мамой, уже готовился пустить в синее небо зеленый шарик, когда вдруг Тутарышев, неловко держащий в замшевых перчатках фарфоровое блюдо с громадным сибирским караваем и резной солонкой, вдруг обратил внимание, спросил инструктора Кудряша:

— А где Козорезов? Почему нет Козорезова?

— Начальство не опаздывает, оно задерживается,— тонко пошутил Кудряш, дуя в стылые ладони.

— Безобразие,— сказал Тутарышев и, широко, по-русски улыбнувшись, шагнул навстречу знеменитому гостю.

Всякий должен понять... И всякий должен понять, как обидно и горько стало т. Козорезову, когда лишь только отъехали они от своего серого здания в черной «Волге», сразу же раздались треск, крак и дзынь. Машина дернулась, осела, заходила ходуном, а переднее ее стекло ловко разбилось, засыпав узенькими кубиками всю асфальтовую мостовую, покрытую тонкой пленочкой мелкого свежевыпавшего снега. Шофер протирал платком сочащийся лоб. Козорезов перед этим думал, что Лена последнее время уж что-то слишком много стала себе позволять, тем более еще и та история с французскими колготками, которые он купил в Москве для жены — мелочь, конечно, но нет ли тут шантажа какого, может быть, даже и со стороны САМОГО, определенно что-то тут нечисто, думал Козорезов, когда вдруг — треск, крак, дзынь, и шофер протирает платком сочащийся лоб.

— Не успеваем? — только и спросил из глубины машины Василий Никитич.

— Куда там, с добром успеешь, такая-то мать,— сплюнул шофер сквозь разбитые губы.— Суки, снега убрать не могли, колесо по ось провалилось, я бы иначе заметил...

— Ну, ты тут разберешься,— сказал Козорезов, выходя из машины.

И трусцой возвратился обратно в серое здание, но машин уже не было ни одной.

— А дежурку пресса заняла. Если б я знал, если б я знал,— повторял начальник АХО, не глядя на Козорезова.

— Ну как так можно? Ну как, я тебя спрашиваю, так можно-то? — вспылил Козорезов.— Я тебя спрашиваю — как так можно?

Начальник молчал. А Козорезов влетел в кабинет и трясущейся от гнева рукой закрутил диск белого телефона.

— Это Козорезов,— сказал он в трубку.— Я тебя хочу спросить, когда у тебя, понимаешь, порядок будет?

— Какой такой порядок? — невинно осведомился невидимый Петя Дворник, хитрящий на другом конце провода.

— Молчать, понимаешь! — заревел Козорезов.— Ты из себя не строй тут эту, понимаешь! У него снег не убирается на улице и надутия, и выбоины на мостовой, понимаешь! Ты что, под суд хочешь пойти?

— А снег разве выпал? — спросил Петя. Но Козорезов в ответ так тяжело задышал, что...

— Я! Я — лично! — залепетал Петя.— Я лично, я разберусь, я все...

— Ты... ты,— передразнил Козорезов, добавил в рифму матом и тут же бросил трубку. Закрыл глаза, взял под язык таблетку валидола.

А Петя послушал немногие эти оставшиеся страшные гудочки и сразу же набрал номер Скорнякова.

— Вот что, Скорняков,— тихо сказал Петя.— Ты билет хочешь на стол положить?

— Не ты мне его давал, не ты и заберешь,— заученно огрызнулся Скорняков, перед которым вот уже с полчаса стояли два взаимных жалобщика, слесарь Епрев и сантехник Шенопин, которые жаловались друг на друга, что каждый из них набил другому морду.

— Что?! — завопил Петя.— Да ты совсем, я вижу, обнаглел? Да ты знаешь, что мне сейчас из-за тебя звонил сам Козорезов.

— Да в чем дело-то, скажи,— уже не на шутку разволновался и Скорняков.

— А в том, что снег-то выпал? Выпал или нет, я спрашиваю?

— Ну, выпал...

— Не «ну, выпал», а выпал.

— Ну, допустим, действительно выпал. И что?

— А то, что, допустим, почему он тогда не убирается?

— Как это так «не убирается»? Он убирается.

— Убирается?

— Убирается.

— А я тебе говорю — ни хрена он у тебя не убирается!

— Почему?

— Это он еще меня, наглец, спрашивает, почему,— простонал Петя, швыряя трубку. А Скорняков от такой негаданной печали даже зажмурился.

— Дак что вы, какие меры вы примете против этого фашиста? — спросил Епрев, указывая желтым ногтем на взъерошенного Шенопина.

— Отметьте, со всей объективностью отметьте это высказывание, товарищ Скорняков,— уныло отозвался Шенопин.— Если он, не стесняясь вашего присутствия, дает мне такое наглое политическое клеймо, то представьте его распущенность в более обыденной обстановке.

— А ну пошли отсюдова обои! — гаркнул Скорняков.

Приятели попятились, глядя на него с нескрываемым восхищением.

— Мы ведь тоже люди,— пискнул было Шенопин. Но Епрев пихнул его в бок.

— Выдь! Выдь! Тебе сказано,— прошипел он.— Видишь, тут решается важный вопрос. С-скотина...

И они покатились за дверь. Скорняков взялся за голову.

А дядя Ваня Пустовойтов, тихий и грустный, маленький, как воробей, сидел за своим обшарпанным столом и с мучением смотрел на расположившуюся прямо перед его носом хрустальную чернильницу. Дядя Ваня думал о том, что чернильницу эту неплохо бы давно отсюда убрать, поскольку все советские граждане, в том числе и он, дядя Ваня, давно уже пишут шариковыми авторучками. Старик понимал, что чернила были гораздо хуже шариковой пасты, так как в них всегда копились козявки и перо рвало бумаги. Но тут же он, как честный и объективный человек, вынужден был отметить, вынужден был подумать и о том, что раньше паста была гораздо лучше, а сейчас стала гораздо хуже.

— Покупаешь новый стержень,— бормотал дядя Ваня.— А он уже сразу не пишет. Так что, может быть, и есть смысл держать на столе эту хрустальную чернильницу — вдруг паста станет окончательно плохая, и тогда можно будет велеть налить в чернилку свежих фиолетовых чернил и, макнувши стальное перышко, можно будет красиво где-нибудь на чем-нибудь расписаться.

— А за козявками нужно просто аккуратнее следить,— сказал дядя Ваня. И хотел под эту мысль открыть левую тумбу и выпить глоточек из припасенной пол-литровой бутылки, но тут не ко времени зазвонил телефон.

Дядя Ваня помедлил, выждал, запер тумбу на ключ и лишь тогда трубку мягкой ладошкой — хвать!!

— Так-так-так,— уныло соглашался он.— Совершенно верно. Я вас понял. Мы учтем. Это вы правильно подметили. Я с вами полностью согласен. Разумеется, разумеется, виновные будут строго наказаны. Нет, я не снимаю с себя ответственности. Я, как командир производства, обязан был...

Но тут в трубке загудело, и дядя Ваня, еще чуток помедлив для вежливости, аккуратно возвратил трубку в исходное состояние.

— Глафиру позвать,— кротко обратился он, высунув маленькую голову к секретарше Свете Онанко, которая, высунув, в свою очередь, язык и страшно скривив рожу, глядела в зеркало и выщипывала на редких бровях какой-то ненужный волосок.

— Я сказал тебе, кажется, Глафиру позвать! — подкрикнул дядя Ваня.

— Нету Глафиры,— отрезала секретарша, не отрываясь от зеркала.

— Почему нету? — удивился дядя Ваня.

— Опоздала, значит,— сказала Светка.

За дверью завозились. Вдруг вошла Глафира.

— Врешь, я не опоздала,— с порога заявила она, с ненавистью глядя на Светку.

— Я тебе повру, я тебе повру,— сказала Светка.

— А ну, тихо! — навел порядок дядя Ваня. И официально обратился: — Глафира Поликарповна, прошу пройти в кабинет.

Они и прошли в кабинет. Дядя Ваня сел, трогал крышку чернильницы, чернильница звякала. Глафира стояла у стены напротив, под портретом.

— Как же это так, Глафира,— выговорил наконец Иван Иванович.— Ты знаешь, как я тебе доверяю, как я всем вам доверяю, я сам вышел из народа. И вот теперь я, выходит, наказан за свою же доброту?

— Это как так наказан? — спросила Глафира.

— А так, что мне звонил сам товарищ Скорняков и мне придется писать

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

рапорт, а тебе придется писать объяснительную.

— Да я и писать-то не умею,— скуксилась Глафира.

— Не лукавь, Глафира, я этого не люблю,— нахмурился Иван Иванович.— Согласно твоих анкетных данных, ты имеешь 7 классов образования.

Глафира окончательно стушевалась и вдруг зарыдала, прикрывшись стеганым рукавом.

— Что писать-то, что писать? — всхлипывала она.

— А как было, так и пиши всю правду. Почему опоздала, почему не убрала, почему не выставила предупреждающий знак. Все пиши.

— Да стыдно ведь! — со стоном выдохнула Глафира.

— А чего тут стыдного? — удивился дядя Ваня.— Нагрешила, так и пиши. А я тебя прогрессивки лишу...

— Не в прогрессивке тут дело, а то, что — стыдно, я ж не могу вам, как мужчине, сказать...

— Говори!

— Стыдно!

— Говори! Я тебе в отцы гожусь.

Иван Иванович торжественно встал.

— Мы вчерась были на колхозном рынке, на ярманке этой плодоовощной...— утираясь, начала Глафира.

— Ну?

— И там наелись шашлыков...

— И выпили, конечно, прилично?

— И выпили... А к утру у Федора разыгралась физическая сила.

— Ну...

— Ну и вот...

— Но ведь ты же говорила ему, что тебе надо на работу?

— А что я могу поделать, когда он озверел. И потом, честно сказать, мы с ним давно не... Прошу меня в этом не вин-нинить...

И она снова заревела.

— Перестань! — крикнул Иван Иваныч.

Баба и умолкла. А Иван Иваныч, разинув рот, на нее смотрел. Она стояла строгая, заплаканная, замотанная в платок, в ватной телогрейке и таких же брюках, вытянув руки по швам. Что-то дрогнуло, я клянусь, что-то дрогнуло — в сердце ли, в организме Ивана Иваныча...

— Ну иди,— сказал он.— И чтоб такое больше не повторялось.

— Да никогда в жизни,— радостно сказала она и удалилась.

— Хотя что это я говорю? — удивился Иван Иваныч, оставшись в одиночестве.— Ведь крепкая семья — это основа нашего общества, так что со своей позиции женщина права. Но подпадает ли ее случай под нашу мораль? Не есть ли этот случай с Глафирой последствие все более и более распространяющегося среди молодежи западного буржуазного секса?

А товарищ Мандевиль Махур бесстрастно смотрел в окно. Там виднелись маленькие немецкие дома, крытые красной черепицей, серые ленты немецких шоссе, маленькие немцы выходили на крыльцо, маленькие автомобильчики, казалось, и не двигались вовсе.

О чем думалось товарищу Мандевилю Махуру? Что вспоминалось славному борцу за гражданские права своего народа? Годы ли учения в холодном чопорном Кэмбридже? Джунгли ль Зуарии, где за каждым кустом таилась смерть? Товарищи ли его по борьбе, с которыми он был вынужден расстаться во имя жизни революции? Или эти смешные русские, с такой приветливостью угощавшие его этим своим, можно сказать, варварским блюдом?

Иван Иваныч подошел к окну.

Глафира удалялась, важно ставя ноги навыворот. На свежевыпавшем снегу четко отпечатывались следы ее новых галош, надетых на казенные валенки.

Мандевиль Махур тихонько рыгнул. Его секретарь вынул из кармана яркую коробочку с желудочными пилюлями.

— Подлетаем к Кельну, господин Махур,— сказал он.

А Иван Иваныч открыл-таки тумбу, налил себе чуть больше полстакана и посмотрел на стену. Со стены, ласково прищурясь, глядел на него родной человек.

— Ваше здоровье,— сказал Иван Иваныч.

Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

Должен ли Дарвин отвечать за озверение масс?

Русский парламентаризм: Стенька на Стеньку...

Пуля — дура, и часто это отражается на главнокомандующих...

Интересно, чьи это мечты у нас все время становятся явью?

Улетают те, кого сильней всего надули.

Умом Россию не понять, а другими местами — очень больно.

Когда выкручивают руки, это всегда против часовой стрелки.

Приснился Петр Первый, стригущий бороду Карлу Марксу.

Фараон по капле выдавливал раба.

А что, римляне, буханка хлеба вам еще не зрелище?

Ни мяса, ни молока — но сколько священных коров!

Говорящие о единстве иногда имеют в виду братскую могилу.

Знамена кровавые — зато люди, как шелковые!

Солнце, воздух и вода — наша главная беда!

Когда государство повернулось лицом к человеку, человек закричал от ужаса.

АНЕКДОТЫ ОТ НИКУЛИНА

* * *

Брежнев в Средней Азии.

— Салям алейкум! — кричат ему трудящиеся.

— Алейкум салям! — отвечает натасканный по такому случаю вождь.

— Салям алейкум! — кричат ему.

— Алейкум салям! — отвечает он.

— Архипелаг ГУЛАГ! — кричит подскочивший диссидент.

— ГУЛАГ архипелаг! — отвечает Леонид Ильич.

* * *

Писатели нашей страны разделились на две группы: группа русскоязычных и группа косноязычных.

* * *

Судят мужчину, сбросившего из окна третьего этажа холодильник, который, упав, отдавил ногу проходившему внизу человеку.

Судья: Обвиняемый, расскажите, как все было?

Обвиняемый: Я прилетел утром из командировки, вхожу в дом, жена бледная, вся в смятении. Где он? — кричу жене. Она молчит. Вижу, дверь черного хода распахнута. Я кидаюсь к окну, открываю — гляжу, он как миленький в одних трусах бежит под окнами. Я схватил холодильник и выкинул в окно ему на голову. К сожалению, промахнулся, пришиб только ногу.

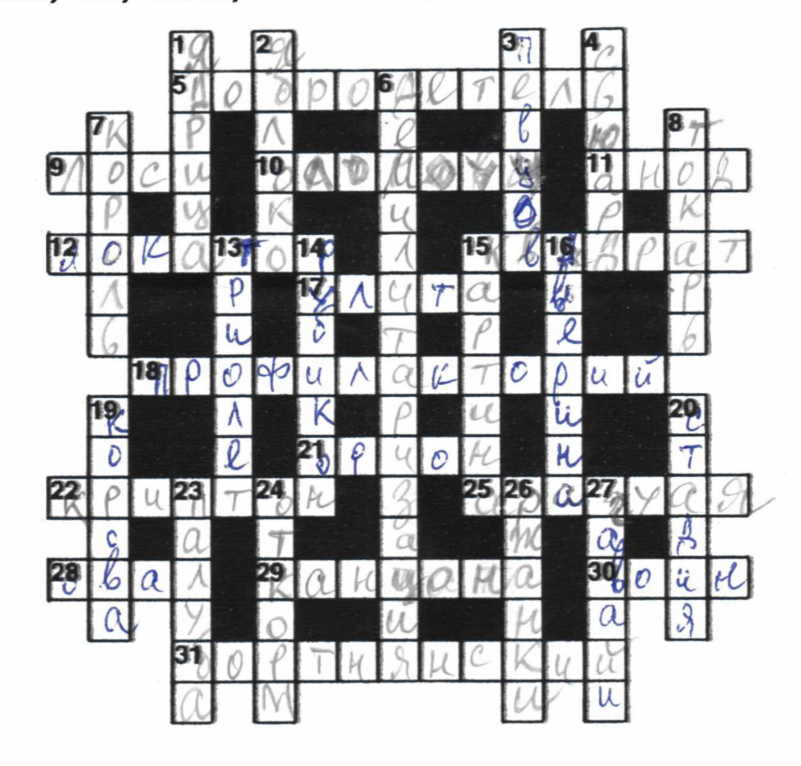
Судья: Потерпевший, ваше слово.

Потерпевший (выходит хромая): Товарищ судья, каждое утро перед работой я занимаюсь бегом. Утром пятого мая, как всегда, бегу своим маршрутом, и вдруг сверху что-то свистит. Гляжу, летит холодильник. Я еле увернулся.

Судья: Прошу пригласить свидетеля.

В зал под руки вводят человека. У него на руках и ногах гипс.

Свидетель: Сижу я в холодильнике...

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Положительное нравственное качество. 9. Картина художника-передвижника А. С. Степанова. 10. Город в Чехии. 11. Положительный электрод. 12. Устройство для определения местонахождения различных объектов. 15. Вторая степень числа. 17. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Лес». 18. Медицинское учреждение для санаторного лечения без отрыва от производства. 21. Экваториальное созвездие. 22. Химический элемент, инертный газ. 25. Река в Бразилии. 28. Эллипс. 29. Многоголосная светская песня эпохи Возрождения. 30. Боец. 31. Русский композитор XVIII—XIX веков.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Гречневая крупа. 2. Плод фруктового дерева. 3. Русский исследователь Центральной Азии. 4. Порт на Аляске. 6. Ликвидация на основании международного договора военных укреплений на определенной территории. 7. Шахматная фигура. 8. Рабочий, специалист по обработке металлов, дерева. 13. Восьмистишие. 14. Река на Апеннинском полуострове. 15. Произведение живописи. 16. Советская спортсменка, чемпионка Олимпийских игр 1976 года по скоростному бегу на коньках. 19. Стихотворение С. А. Есенина. 20. Определенная ступень, период в развитии. 23. Горизонтальное перекрытие в корпусе судна. 24. Доведение домашних животных до упитанности. 26. Птица подотряда куликов. 27. Остров в Тихом океане.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД № 31

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Инкрустация. 8. Мопассан. 9. Опекушин. 10. Грамм. 11. Пион. 14. Непа. 15. Кильватер. 18. Архипова. 20. Глазунов. 21. Анатомия. 22. Свиридов. 25. Вариометр. 26. Галс. 28. Сура. 29. Фобос. 31. «Стрекоза». 32. Лекторий. 33. Лихтенштейн.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ибсен. 2. Ранг. 3. Сараево. 4. Атом. 5. Янкан. 6. Торпеда. 7. Филатов. 12. Гирокомпас. 13. «Декабристы». 16. Фильтр. 17. Дублин. 19. Азия. 20. Гюйс. 21. Алиготе. 23. Ванадий. 24. Монблан. 27. Сокол. 28. Сатин. 29. Факт. 30. Слет.

ВЦ КП МОСМОНТАЖСПЕЦСТРОЯ ПРИ МОСГОРИСПОЛКОМЕ

ПРЕДЛАГАЕТ:

РУКОВОДИТЕЛЯМ ПРОМЫШЛЕННЫХ
И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ,
ОРГАНИЗАЦИЙ,
ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ, КООПЕРАТИВОВ,
ЖЕЛАЮЩИМ ПРИОБРЕСТИ ИМПОРТНЫЕ

КОМПЬЮТЕРЫ И ОРГТЕХНИКУ,

ПОСТАВКУ

АППАРАТНО-ПРОГРАММНЫХ КОМПЛЕКСОВ НА БАЗЕ ПЭВМ IBM PC, AT, XT

— без предоплаты (оплата по факту)
— за рубли
— сжатые сроки (максимум 10 дней)
— широкий выбор комплектующих
— любая периферия

Справки по телефону в Москве: 242-41-32

40 коп. Индекс 70663